

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

3

МАЙ — ИЮНЬ

«Наука»

Москва

2017

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлеская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2017

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2017

© ФГУП Издательство «Наука», 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNAIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

3

MAY — JUNE

«Nauka»

Moscow

2017

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. Dobrovol'skij Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Galina I. Kustova Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria Polinsky University of Maryland, USA
Ekaterina V. Rakhilina National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. Testelests Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Mariia D. Voeikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Б. М. ГАСПАРОВ. Теоретическая лингвистика как миропонимание	7
А. Б. ШЛУИНСКИЙ. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии слово-классифицирующего вида	24
О. Ю. ИНЬКОВА. Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского языков).....	53
Н. А. СЛЮСАРЬ, Т. Е. ПЕТРОВА, Е. В. МИХАЙЛОВСКАЯ, Н. В. ЧЕРЕПОВСКАЯ, В. К. ПРОКОПЕНЯ, Д. А. ЧЕРНОВА, Т. В. ЧЕРНИГОВСКАЯ. Экспериментальные исследования ментального лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением ...	83
А. К. ЛАУРИНАВИЧЮТЕ, А. В. КРАБИС, Н. О. ФАРИЗОВА, В. А. ТОЛКАЧЕВА, О. В. ДРАГОЙ. Влияние сенсомоторных стереотипов на понимание пространственных конструкций: данные движений глаз.....	99
Е. Л. ВИЛИНБАХОВА, М. В. КОПОТЕВ. «Х есть Х» значит «Х это Х»? Ищем ответ в синхронии и диахронии	110

Рецензии

А. А. КОЗЛОВ. <i>T. Nessel. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of the Russian language.</i> Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015.....	125
Г. Г. ТЯПКО. <i>С. Танасић. Синтакса пасива у савременом српском језику.</i> Београд: Београдска књига — Институт за српски језик САНУ, 2014	133
Г. Р. ДОБРОВА. <i>E. Tribushinina, M. D. Voeikova, S. Noccetti (eds.). Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition.</i> Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015	141
М. А. КОСОГорова. <i>D. Creissels, K. Pozdniakov (éds.). Les classes nominales dans les langues atlantiques.</i> Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2015	151

CONTENTS

Boris M. GASPAROV. Theoretical linguistics as a worldview	7
Andrey B. SHLUINSKY. Aspect system of Enets against the background of Russian: A case study of “classifying” viewpoint aspect.....	24
Olga INKOVA. Generalization: Definition, discourse functions, markers (in Russian, French, and Italian)	53
Natalia A. SLIOUSSAR, Tatiana E. PETROVA, Ekaterina V. MIKHAILOVSKAYA, Natalia V. CHEREPOVSKAIA, Veronika K. PROKOPENYA, Daria A. CHERNOVA, Tatiana V. CHERNIGOVSKAYA. Experimental studies of grammar: Expressions with literal and non-literal meaning.....	83
Anna K. LAURINAVICHYUTE, Anna V. CHRABASZCZ, Nina O. FARIZOVA, Valeria A. TOLKACHEVA, Olga V. DRAGOY. The influence of sensorimotor stereotypes on the comprehension of spatial constructions: Evidence from eye-tracking.....	99
Elena L. VILINBAKHOVA, Mikhail V. KOPOTEV. Does “ <i>X est 'X</i> ” mean “ <i>X eto X</i> ”? Looking for an answer in synchrony and diachrony	110

Reviews

Alexey A. KOZLOV. <i>T. Nessel</i> . How Russian came to be the way it is: A student’s guide to the history of the Russian language. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015.....	125
Galina G. TYAPKO. <i>S. Tanasić</i> . Sintaksa pasiva u savremenom srpskom jeziku [The syntax of passive in Modern Serbian]. Beograd: Beogradska knjiga — Institut za srpski jezik SANU, 2014.....	133
Galina R. DOBROVA. <i>E. Tribushinina, M. D. Voeikova, S. Noccetti</i> (eds.). Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015.....	141
Maria A. KOSOGOROVA. <i>D. Creissels, K. Pozdniakov</i> (éds.). Les classes nominales dans les langues atlantiques. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2015.....	151

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК МИРОПОНИМАНИЕ

© 2017

Борис Михайлович Гаспаров

Колумбийский университет, Нью-Йорк, 10027, США; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, 190121, Российская Федерация; bg28@columbia.edu

Противопоставление «лингвистики языка» и «лингвистики речи» у Соссюра предполагает отношение к языку как к предмету «теоретического» и «практического» познания; в его основе лежит стратегическое различие чистого (спекулятивного) и практического разума у Канта. Однако следующее за Соссюром поколение восприняло его идею в духе авангардной интеллектуальной и эстетической революции 1910—1920-х гг. Соссюровское умозрительное представление языка как структуры (представление, которое для него было неотделимо от осознания фундаментальных ограничений теоретического познания) было понято как прорыв к трансцендентной сущности языка, возвышающейся над его эмпирическим бытием, со всей свойственной последнему непоследовательностью и нестабильностью. Катастрофические исторические события первой половины XX в. способствовали превращению этого утопического взгляда на язык в своего рода защитную интеллектуальную позицию, ищущую посреди царящего хаоса убежища в имманентном порядке, построенном теоретическим разумом на основе им же заданных постулатов, — порядке, который перекрывал бы и отбрасывал как нерелевантную всякую эмпирическую действительность, не соответствующую этим постулатам. Из чисто умозрительного теоретического конструкта, структурная и генеративная лингвистика (а вместе и вслед за ней — и структурная поэтика и семиотика) превратилась в целостную идеологию или позицию миропонимания, имевшую глубокое воздействие на самосознание тех, кто его исповедовал.

Ключевые слова: авангардная утопия, Кант, практическое познание, Соссюр, структурализм, теоретическое познание, теория как идеология, язык и речь

THEORETICAL LINGUISTICS AS A WORLDVIEW

Boris M. Gasparov

Columbia University, New York, 10027, USA; National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, 190121, Russian Federation; bg28@columbia.edu

F. de Saussure's opposition between "linguistics of language" and "linguistics of speech" presented language as an object of "theoretical" and "practical" cognition, a division that followed the strategic division of pure (speculative) and practical reason by Kant. The next generation, however, perceived Saussure's idea in the spirit of the avant-garde intellectual and aesthetic revolution of the 1910^s—20^s. Saussure's speculative vision of language as a structure (which for him was inalienable from the awareness of its constitutional limitations) was understood as a breakthrough into the transcendent order that dominated over all the inconsistencies and perpetual instability of the empirical data. Catastrophic events of the first half of the twentieth century helped to transform this avant-garde linguistic utopia into a defensive position of a mind seeking, amidst reigning chaos, refuge in an immanent intellectual order built on its own premises, an order that allowed to repel as irrelevant any empirical reality that did not fit into those premises. From a speculative construct, structural and generative linguistics (alongside poetics and semiotics) eventually turned into a comprehensive ideology, a worldview that had a profound impact on self-consciousness of its adherents.

Keywords: avant-garde utopia, Kant, language and speech, practical cognition, theoretical cognition, Saussure, structuralism, theory as ideology

1. Язык «в себе и для себя»: «Курс общей лингвистики» и его читатели

Начнем с изречения, знакомого многим:

...la linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même et pour elle-même (...единственный и подлинный предмет лингвистики есть язык, рассматриваемый в себе самом и для себя самого).

Процитированная фраза заключала собой вышедшую в 1916 г. книгу, на титульном листе которой значилось: «Ferdinand de Saussure, *Cours de linguistique générale*, publ[ié] par Charles Bally & Albert Sechehaye, avec la collaboration de Albert Riedlinger». Русскоязычному читателю она знакома в более эlegantной версии в переводе под редакцией А. А. Холодовича (а читателям старшего поколения — в переводе А. М. Сухогина); я, однако, стремился по возможности приблизить русский текст к оригиналу, поскольку, как увидим ниже, каждая его деталь имеет определенный философский смысл.

Как известно, книга Соссюра не содержала практически ни единого слова, непосредственно написанного ее титульным автором. Она представляла собой компиляцию, составленную после смерти Соссюра его младшими коллегами на основании студенческих записей трех лекционных курсов по общей лингвистике, которые он читал в Женеве в 1906—1911 гг. Это обстоятельство несколько не повлияло на тот факт, что и книга в целом, и в частности заключающий ее острый афоризм сделали настоящим знаменем радикально нового теоретического подхода к языку и шире — ко всему поллю социальным и культурным явлениям, получившему родовое имя «структурализм». Направление гуманитарных исследований, прямо или косвенно исходившее из структурного подхода к предмету, господствовало в мировой интеллектуальной жизни в течение полувека, вплоть до новой революционной смены доминантной парадигмы в конце 1960-х — 1970-е гг., само название которой, «постструктурализм», подчеркивало ее деривативную связь с предыдущей эпохой.

В конце 1950-х гг. Джон Руперт Фёрс иронически подразделял всех современных ему лингвистов на «соссюрианцев», «анти-соссюрианцев» и «пост-соссюрианцев» [Firth 1964: 179]. Не будет преувеличением сказать, что все крупные явления в теоретической лингвистике того времени, от американского лингвистического бихевиоризма до франко-швейцарской социальной школы, датской глоссематики, пражско-московского функционализма, развивались в интенсивном диалоге с комплексом идей, провозглашенных — нередко в конспективной, афористически-пунктирной форме, типичной для устного «курса», — в книге Соссюра. Из сферы собственно лингвистики принцип «структурального анализа» быстро распространился в качестве метода описания словесных и несловесных художественных текстов, и далее в широкое, практически безграничное поле разнообразных аспектов кодифицированного социального поведения, объединяемых инклюзивным понятием «культуры».

Поколениям читателей и комментаторов Соссюра, последователей его идей, даже тех, кто просто слышал о нем и его книге как об одном из важнейших явлений интеллектуальной истории XX в., выбранные места из «Курса» были памятны в качестве знаков-указателей, отмечавших мыслительный ландшафт эпохи. Почетное место в этом катехизисе структурализма принадлежало заключительной фразе книги: она звучала как последнее слово, завещанное провозвестником новой эры и сообщенное после его ухода устами учеников.

Идеи, легшие в основу «Курса», Соссюр разрабатывал в 1890-е гг., в эпоху критической ревизии постулатов позитивистской науки и возродившегося интереса к Канту. Его заметки тех лет так и остались разрозненными записями¹, конечным итогом которых для их автора явился вывод о невозможности — в силу уникальных, по его мнению, свойств

¹ Хотя изучение рукописных заметок Соссюра начал Р. Годель еще в 1950-е гг. [Godel 1957], относительно полное и упорядоченное их издание состоялось лишь полувеком позднее [Saussure 2002].

языка в ряду предметов познания — представить язык в качестве предмета философски обоснованной теории². По собственному признанию Соссюра, курсы общей лингвистики, которые ему позднее пришлось читать силою университетских обстоятельств, доставили ему много «хлопот», в частности потому, что к этому времени он уже около 15 лет как оставил этот предмет³, переключившись на занятия германским средневековым эпосом⁴, индустской философией⁵, а как раз в те годы, когда он преподавал лингвистику, — на лихорадочно интенсивную (и также закончившуюся признанием поражения) разработку теории «анаграммы». Но в то время, когда идеи, к которым Соссюр пытался подойти в 1890-е гг., стали публичным достоянием благодаря вышедшей в свет книге, они упали на плодородную почву авангардных революций в философии, науке, эстетике и художественной практике, которыми была заполнена первая четверть XX в.

Это было время взрывоподобных открытий, внезапно, как по мановению магического жезла, преображавших всю картину соответствующего предмета познания или художественного творчества. На смену ощущению последовательного развития познающей мысли и эстетических вкусов пришла фигура интеллектуального или художественного мессии, мгновенным творческим озарением проникавшего сквозь толщу привычных представлений, всего, дотоле казавшегося самоочевидным, обнаруживая в предмете его скрытую сущность. С глаз очевидцев как будто спадала пелена повседневной рутины; им оставалось только удивляться, как они раньше не замечали того, что теперь мгновенно представилось их взгляду как нечто явное и непреложное.

Знаменитый афоризм Пикассо «*Je ne cherche pas, je trouve*» («Я не ищу, я нахожу») ярко отразил в себе умонастроение эпохи. Авангардный творческий мессианизм совмещал в себе идею неокантианской философии и модернистской логики о первичности конструирующей мысли, призванной «отыскать» предмет интеллектуального либо художественного познания в аморфном жизненном опыте, с одной стороны, и ницшеанский образ сверхчеловеческой творческой личности, воспаряющей в горние высоты духа, чтобы оттуда увидеть нечто, недоступное обыденному зрению, с другой. Примерам авангардных революций, разворачивавшихся по этой формуле, поистине не было числа как в научной, так и в художественной сфере. Радикальный пересмотр оснований математики, революция в теоретической физике, открытие могущественных сил подсознания шли рука об руку с преодолением предметности в живописи и тональной гармонии в музыке, прорывом в заумный поэтический язык, первыми триумфами кинематографа, а также с революционным поворотом в эстетических взглядах на предмет искусства.

В этом контексте призыв сделать «единственным и подлинным предметом лингвистики» язык в его внутренней сущности, язык, созерцаемый в качестве имманентной структуры, звучал как очередной прорыв в мир трансцендентных сущностей, скрытых под хаотической поверхностью эмпирического бытия языка, с его беспорядочной сменяемостью ситуаций, намерений, особенностей личности говорящих и тому подобных «внесистемных» факторов. Именно так была прочтена книга Соссюра поколением, вышедшим на авансцену науки о языке в 1920-е гг.⁶ Новому зрению язык представал по ту сторону обыденной эмпирической реальности того, как люди «говорят». Не менее важным было все то, что это сущностное зрение **отказывалось** видеть в предмете. Все, что в языковой эмпирии либо не соотносилось с постулированным имманентным порядком, либо сознательно исключалось из рассмотрения (нередко с туманными обещаниями вернуться к этим «внешним»

² См. о неокантианском философском контексте размышлений Соссюра о языке как предмете лингвистики [Gasparov 2013: Pt. II, Ch. 1].

³ Характерна в этом отношении беседа Соссюра с одним из слушателей весной 1911 г., в которой отразилось его умонастроение на исходе последнего из прочитанных им курсов [Gautier 2005].

⁴ Публикация [Saussure 2003].

⁵ Публикация по материалам Гарвардского архива Соссюра [Saussure 1994].

⁶ Широкий исторический обзор различных прочтений «Курса» можно найти в работе [Harris 2001].

явлениям в будущем, после того как основная работа по моделированию внутреннего структурного порядка будет выполнена), либо просто оставалось незамеченным. Призыв заключительного афоризма «Курса» (как его понял поколение 1920-х гг.) очистить «единственный и подлинный» (в стандартном русском переводе «истинный») предмет лингвистики от вопросов, к нему не относящихся, находил выразительный резонанс в заключительном тезисе другой замечательной книги, вышедшей в свет в 1921 г., написанной во время Первой мировой войны в лагере военнопленных, — «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «Wovon man nicht sprechen kann, darüber muß man schweigen» («О чем невозможно говорить, о том следует молчать») [Wittgenstein 1921/1974: Гл. 7].

Едва ли не самые мощные всходы идеи Соссюра дали на русской почве — и в самой России предреволюционных и первых послереволюционных лет, и в особенности в среде русской эмиграции. Объяснить это можно, прежде всего, тем известным фактом, что идеи, близкие постулатам соссюровского «Курса», высказывал Бодуэн де Куртене в казанский и дерптский (таргуский) период своей научной и педагогической деятельности⁷. Противопоставление «фонемы» как структурной единицы звукового строя языка эмпирическим «звукам» речи, разработанное Казанской школой в 1880-х гг., легло в основу фонологии Пражской школы, где это различие структурного и эмпирического планов звуковой формы, «очищенное» от апелляции к психологии говорящих, проецировалось на разделение языка и речи у Соссюра.

Другим важным фактором послужило то обстоятельство, что новый подход к языку, направленный на выявление скрытой в нем изначальной смысловой энергии, возник в недрах русского футуризма в 1910-е гг. Из этой творческой среды вышла концепция «искусства как приема», позволившая определить искусство в качестве предмета целенаправленного теоретического анализа. Идея Шкловского о роли искусства как обновляющей силы, представляющей предметы в «странном» свете и тем самым вырывающей их из автоматизма жизненной рутины, заставляя с обновленной остротой переживать их смысл [Шкловский 1917], соответствовала всему пафосу авангардных откровений. Из вторичного «отражения» жизненного опыта искусство превращалось в имманентную сущность, способную, напротив, преобразить сам этот опыт, подобно соссюровскому «языку», способному по-новому увидеть эмпирическую действительность «речи». Внутреннее сходство понятия «приема» как экспликации сущностной природы литературы и понятия имманентной структуры как сущностной основы языка была удачно выражена в раннем сочинении Якобсона, утверждавшего, что история литературы «наконец, нашла своего героя», герой этот — не эмпирически обозримая литература (разговоры о которой, согласно полемическому утверждению Якобсона, представляют собой всего лишь род критической *causerie*⁸), а «литературность», т. е. внутренняя организация литературных текстов [Якобсон 1921/1981].

Но был у восприятия «Курса» на русской почве еще один, пожалуй, самый острый аспект. Н. С. Трубецкой, основатель Пражской фонологии, был в то же время одним из основоположников Евразийской философии и Евразийского движения, получившего значительное распространение в среде русской эмиграции в 1920—1930-е гг. Программное сочинение Трубецкого, положившее начало движению, книга «Европа и человечество», вышла в свет в 1920 г. в Софии [Трубецкой 1920]. Основное положение евразийства состояло в интегрирующем взгляде на все обширное пространство «Евразийского» континента как на единый гео-исторический конгломерат, сама физическая природа которого — гигантские равнины, способствующие массовому передвижению народов, — вызывала к жизни громадные государственные образования, способные объединить множество народов со всем

⁷ Соссюр был знаком с идеями Бодуэна де Куртене, с которым он лично встречался в Париже [Слюсарева 1975; Sljusareva 1971].

⁸ «До недавнего времени история искусства, в частности история литературы, была не наукой, а *causerie*. Следовала всем законам *causerie*. (...) Говорить о жизни, об эпохе на основании литературных произведений — такая благодарная и легкая задача» [Якобсон 1921/1981: 723].

многообразием их языков, культур и религиозных верований. В этой перспективе история Российской империи теряла самостоятельное значение, превращаясь в одну из транзитных манифестаций более масштабного гео-исторического явления — Евразийского союза народов, единство которого определяется фундаментальными условиями обитания. Крушение Российской империи и приход ей на смену Советского Союза оказывался таким же «поверхностным» явлением, не затрагивающим внутреннюю сущность этого исторического конструкта, каким в свое время было крушение монгольской империи и возвышение Руси.

Терапевтическое значение этой идеи в тех условиях, в которых она возникла, была вполне очевидной; историко-лингвистический трактат лингвиста Трубецкого создавался практически в процессе бегства автора с Дона на Балканы. Важно, однако, что для самого Трубецкого его историко-лингвистическая концепция находилась в гармонии с новой лингвистикой, провозглашенной курсом Соссюра, в развитии которой ему в скором времени предстояло сыграть выдающуюся роль. Евразийский конгломерат представлялся Трубецкому не только как геополитическое образование, но и как особый склад ума, то, что он называл «туранской» ментальностью. Ее отличительной чертой, согласно Трубецкому, следует считать особую эпическую масштабность мышления, способного охватить мыслимый предмет в его целостности, возвысившись над хаотическим множеством конкретных эмпирических деталей. В этом туранский менталитет противоположен «западному» или «романо-германскому» ментальному типу, для которого, напротив, характерна привязанность к эмпирическому буквализму. Когда начиная с середины 1920-х гг. Трубецкой и его коллеги по Пражскому лингвистическому кружку выступили с концепцией фонологии, последовательно противопоставляемой эмпирической фонетике, Трубецкой отчетливо связал это важнейшее достижение лингвистического структурализма с особенностями интеллектуального созерцания, свойственными туранскому уму. Только последний, утверждал он в книге «Проблемы русского самопознания» [Трубецкой 1927/1999], оказался способен возвыситься над эмпирией звуковой материи, в которую тысячелетиями была погружена описательная фонетика, и обнаружить имманентные структурные свойства звуковых единиц языка, для которых звуки речи служат лишь поверхностным выражением [Gasparov 1987].

Таковы были философские, социальные, психологические факторы, определившие прочтение книги Соссюра в духе авангардного радикализма. Полвека спустя, когда интеллектуальные основания той эпохи, эмблематическим выражением которых служили многие афоризмы «Курса», сделались одиозными в свете постмодернистской критики, широко распространилось мнение, что эти ныне денонсированные лозунги принадлежали вовсе не Соссюру, а издателям книги, якобы добавившим их в текст по собственному усмотрению. Обвинения издателей, в особенности Балли, в том, что они «фальсифицировали» и дух, и букву учения Соссюра, слышатся ныне со всех сторон⁹.

В ряду высказываний «Курса», отвергаемых текстологической соссюрологией, его заключительной фразе принадлежит почетное место. Туллио де Мауро, издавший «Курс» с пространными комментариями, прямо заявляет: «Добавление заключительной фразы служит крайним примером редакторской подмены аргументов Соссюра, которая должна быть признана частично ответственной за тенденцию структурализма к имманентности, в особенности в его пост-Блумфилдианской разновидности в США» (перевод наш. — Б. Г.) [Saussure 1967: 476—77].

Действительно, целиком такая фраза не встречается в существующих записях Соссюра. Однако даже беглый просмотр и этих записей, и других разделов самого «Курса» позволяет обнаружить множество высказываний относительно «истинного и подлинного» (*vraie et véritable*) предмета лингвистики, или о языке, *envisagée en elle-même*.

⁹ В качестве лишь одного примера приведу утверждение Симона Буке, много сделавшего для издания рукописного наследия Соссюра. Буке назвал «Курс» «глубочайшей и гнуснейшей фальсификацией» учения Соссюра (*la falsification opérée par les rédacteurs ... est plus profonde et plus insidieuse*) [Bouquet 1997: ii].

Здесь не место вдаваться в детали этой критики, которая в отношении методологии представляется мне мало обоснованной, а по-человечески — глубоко несправедливой¹⁰. Замечу лишь, что сама готовность принимать как абсолютную данность любое слово, записанное на листе бумаги самим Соссюром или его слушателями, не учитывая ни различные (и зачастую малоизвестные) обстоятельства появления того или иного источника, ни их по большей части разрозненный и фрагментарный характер, курьезным образом напоминает о догматическом подходе к «тексту» (и именно записанному тексту) как непреложной данности, бывшее как раз характерной чертой структурального подхода. В этом отношении филологическая критика книги, состоящая в дроблении ее текста на отдельные фрагменты с целью их проверки на аутентичность, вполне симметрична ее избирательному прочтению в рамках структуральной доктрины как набора тезисов-афоризмов¹¹.

При всех обстоятельствах, какова бы ни была степень аутентичности «Курса» с точки зрения соответствия его текста всему тому, что студенты и коллеги Соссюра могли услышать от него и на лекциях, и в частных беседах, это никак не изменяет того факта, что именно данная книга легла в основу мощного интеллектуального движения, а ее избранные афоризмы стали для адептов этого движения своего рода символом веры. То, что случилось в истории идей, само по себе является совершившимся фактом; интерес вызывает лишь то, как это случилось. С этой точки зрения представляется не праздным вопрос, какое сообщение предлагает нам книга под названием «Cours de linguistique générale» — именно книга как некоторое континуальное целое (сами окказиональные противоречия и несоответствия в изложении которой являются ее органическим свойством в качестве записанного лекционного курса), а не как интеллектуальный конструктор, составленный из «выбранных мест», и тем более не воображаемые интенции воображаемого «единственного и подлинного» Соссюра.

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, стоит прибегнуть к способу, смущающему своей крайней старомодностью, а именно: прочитать с достаточной степенью внимания то, что написано, не спеша извлекать из континуума отдельные пункты с целью их «рефутации» (отвержения) или афористического подчеркивания. Как об этом скажет Витгенштейн 30 лет спустя после «Трактата»: «...denk nicht, sondern shau!» («не думай, а смотри!») [Wittgenstein 1953: I, § 66]. В частности, можно задаться вопросом: о чем, собственно, говорилось в заключительной главе книги и каким образом ее содержание разрешилось таким драматическим финалом?

Нужно признать, что само заглавие заключительной главы: «Семь языков и лингвистические типы» — не приглашает к внимательному прочтению. Ее объявленная тема является неременной принадлежностью учебных курсов «введения в языкознание»; как правило, такой обзор содержит базовую информацию, тривиальную для профессионального лингвиста. Фактические сведения, предлагаемые в последнем разделе «Курса», не являются исключением. Однако Соссюр использует факт разнообразия языковых структурных типов для того, чтобы еще раз подтвердить один из центральных тезисов о произвольности языкового знака. В контексте типологии языков этот тезис принимает определенный оборот: он позволяет подчеркнуть независимость структуры языка от каких-либо действий или характера его носителей. Язык стихийно произволен и в своей композиции, и в том, какое

¹⁰ См. подробнее [Gasparov 2013: Pt. I, Ch. 2.3].

¹¹ Характерным примером новейшего направления соссюрологических исследований стало монументальное «критическое» издание «Курса» Рудольфом Энглером [Saussure 1968], легшее в основу всех дальнейших текстологических разысканий. Энглер разделил текст книги на 3 281 фрагмент, расположив их столбцом в левой колонке своего издания. Следующие четыре колонки составляли заметки самого Соссюра и записи, извлеченные из студенческих конспектов каждого из трех прочитанных им курсов. Фрагменты в различных колонках, между которыми обнаруживалось достаточно близкое соответствие, располагались параллельно; в случае отсутствия соответствия в колонке оставался пробел. При таком способе презентации реально существующая книга фактически переставала существовать как континуальное целое.

направление он примет в своем развитии. В сфере языка царит принцип «слепой эволюции»: «не существует никаких неотъемлемых признаков; постоянство само есть продукт случайности». Если в какой-то отрезок времени язык складывается в химерическое подобие некоего логического порядка, это состояние может распасться в любой момент.

По мере того как автор углубляется в эти рассуждения, в его голосе начинают звучать ноты раздражения и гнева, редко прорывающиеся на поверхность печатного текста, но хорошо знакомые тем, кто читал приватные записи Соссюра. Риторический вопрос: по какому праву (*au nom de quoi*) заявляются «претензии навязать какие-либо ограничения процессу, не знающему никаких ограничений»? — звучит уже явно на повышенных тонах.

Характерным образом волна раздражения выносит на поверхность текста имя, одиозное для Соссюра, многократно появляющееся в его заметках в обрамлении таких эпитетов, как «глупость» (*stupidité*), «тупица» (*hébété*), «ребяческий» (*puéril*) и т. п., — имя Августа Шлейхера с его идеей языка как целостного организма. Однако гнев Соссюра имел и другой, более близкий ему источник. Брат Соссюра Леопольд был всемирно известным синологом. В своих ученых трудах Л. де Соссюр отстаивал идею неравноценности строя различных языков с точки зрения тех мыслительных структур, которые в них отражены и закреплены. Вполне предсказуемым образом флективный строй индоевропейских языков оказывался в наибольшей степени способствующим глубине и динамизму мысли. На противоположном полюсе помещались агглютинативные языки, но в особенности китайский, чье отсутствие флективного варьирования словоформ знаменовало собой, по мнению ученого, статичность мышления, продуктом которого являлась культура, неспособная к развитию. В колониальной политике Соссюр-младший видел не только цивилизационное благо, но и духовную миссию, в силу которой народы, находящиеся на высоте мыслительного потенциала, заложенного в структуре их языков, призваны подать помощь и руководство тем, чей «национальный дух» оказался способным лишь на второсортное языковое творчество [L. Saussure 1899].

Именно такому взгляду на язык (оказавшемуся, как всякая вульгарность, необыкновенно живучим вплоть до нашего времени) адресует Соссюр свое гневное: «*au nom de quoi?*».

В заметках Соссюра можно наблюдать одну печальную закономерность, послужившую едва ли не главной причиной того, почему всей этой массе лихорадочных записей так и не удалось выйти из состояния фрагментарных набросков. Чем больше пишущий углубляется в свои рассуждения, чем ближе, как он чувствует, он подходит к самой сути предмета, тем сильнее его охватывает гнев, досада и даже отчаяние по поводу «тупости» тех, кто отказывается замечать очевидное и с самодовольным видом повторяет вульгарную бессмыслицу. Когда его раздражение достигает точки кипения, Соссюр выбрасывает, как выстрел, категорическое утверждение на предельной эмфазе, как бы в отчаянной попытке спасти нить своей мысли, перед тем как она окончательно захлебнется в захлестывающем ее море глупости и непонимания. «*The rest is silence*»: очередной фрагмент на этом либо внезапно обрывается, либо через короткое время как бы затухает после тщетных попыток пишущего вернуться на путь своих рассуждений.

Именно так, совершенно типичным образом, обстоит дело с заключительным утверждением «Курса» — включая и тот факт, что за этим риторическим выстрелом наступает молчание. Он прозвучал в момент тотальной негативности, когда в пылу полемики с теми, кто пытается «навязать» языку то, что ему несвойственно, Соссюр оказывается лицом к лицу перед фактом отрицания у языка вообще каких бы то ни было субстанциальных свойств. Мы можем теперь процитировать полностью, без привычного усечения, предложение, заключившее собой книгу:

Des incursions que nous venons de faire dans les domaines limitrophes de notre science, il se dégage un enseignement **tout négatif**, mais d'autant plus intéressant qu'il concorde avec l'idée fondamentale de ce cours: *la linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même et pour elle-même.*

Из экскурсов, которые мы совершили в пограничные области нашей науки, выявляется урок **всцело отрицательный**, но тем более интересный, что он соответствует

основной идее этого курса: *единственный и подлинный предмет лингвистики есть язык, рассматриваемый в себе самом и для себя самого*¹².

Выражение «*envisagée en elle-même*» отсылает, конечно, к знаменитой формуле в «Критике чистого разума», относящейся к состоянию мира, внеположному спекулятивному познанию с его изначально заданными категориями. Выражение «вещь в себе», ставшее бытовой идиомой, в сущности, неточно передает мысль Канта: оно является сокращением (которое, впрочем, и сам Кант иногда употреблял) более полной формулировки: «*Ding an sich selbst betrachtet*», т. е. «вещь, рассматриваемая (созерцаемая) в себе самой» [Prauss 1974: 23—30]. Сосюр в точности следует и букве, и смыслу кантовского определения. Речь идет не о языке как некоей объективно данной «вещи», пребывающей в себе и для себя, то есть в мире своих собственных внутренних закономерностей, а именно об акте «созерцания» языка по ту сторону каких-либо категориальных ограничений, то есть внеположного логическому концептуализированию.

Категории пространства и времени служат логическому разуму тем фундаментом, который позволяет охватить предмет как целое, подчиняющееся универсально действующим законам; на этом пути разум выстраивает последовательный ряд все более сильных моделей, рассчитывая таким образом постепенно приблизиться к полному постижению предмета. Но эти же категории определяют собой границы того спекулятивного конструкта предмета, который способно дать теоретическое познание; за его пределами всегда остается нечто, принципиально ему внеположное именно в силу особенностей логического мышления. Это «нечто» — кантовская «вещь» и, соответственно, сосюрковский «язык» — может быть «созерцаемо» (*betrachtet, envisagé*) в представлении, но не может быть «схвачено» теоретической мыслью.

В отличие от чистого логического разума, практический разум способен вступить в контакт с вещами, каковы они есть по ту сторону их спекулятивного конструирования. В своей практической деятельности, утверждает Кант во «второй критике» («Критике практического разума»), люди поступают так, как если бы для них не существовало категориальных ограничений. Между любым теоретическим конструктом языка как некоего закономерно построенного целого и «языком как таковым» всегда остается непреодолимая пропасть. Эта пропасть не существует в непосредственном практическом ощущении языка говорящими. Именно таким, пребывающим в счастливой гармонии с языком в своей речевой деятельности, предстает говорящий субъект в «Курсе» Сосюра: в каждый момент речи он ощущает себя «перед лицом состояния» языка, соответствующего именно этому моменту речи. Если бы человек мог прожить две тысячи лет, замечает Сосюр в одной из рукописных заметок, он мог бы, изъясняясь на современном французском языке, продолжать оставаться в убеждении, что язык, которым он «владеет», — это тот самый язык, на котором он беседовал с Цицероном. Однако это практическое ощущение языка, именно в силу своей слиянности с каждым моментом, фрагментарно и окказионально. Оно дробится на хаотическое множество частных ситуаций, каждая из которых адекватна самой себе.

Таков «урок», который и заключительный обзор, и весь «Курс общей лингвистики» пытался передать всем тем, кто был бы готов совершить вместе с ним экскурс в «пограничные области» философского познания языка. Кантовская идея вещи, созерцаемой в себе самой, проводила непреодолимую черту между тем, как вещь может **мыслиться** теоретическим (спекулятивным) разумом, и тем, какой она выступает в качестве практической **реальности**. Ошибка теоретического мышления, вскрытая критикой Канта, состоит не в том, что оно представляет свой предмет в качестве мыслительного конструкта, — такое представление является и непременным свойством, и задачей теоретического познания; но в том, что оно выдает этот свой конструкт за **действительность**, каковой он по определению не является. Следуя Канту, Сосюр проводит черту между теоретическим моделированием языка

¹² Курсив автора; выражение «всецело отрицательный» выделено мной.

и языком как таковым, в том его состоянии, в каком он является в актах неререфлексирующего практического взаимодействия с ним его носителей. Какие бы модели ни выстраивала лингвистическая наука, какое множество аспектов и признаков ни обнаруживала в языке, она не должна забывать, что ее «единственный и подлинный предмет» остается по ту сторону ее построений.

Конечно, этот «всцело отрицательный урок» сам мог бы стать предметом критической рефлексии. Для нас, однако, важна сейчас историческая судьба этой фундаментальной идеи «Курса». Нетрудно увидеть, насколько мало нашлось желающих прислушаться к сути этого сообщения в эпоху тотальных катастроф и интеллектуальных переворотов, которыми было отмечено течение большей части двадцатого столетия. Появление посмертной книги Соссюра представлялось современникам явлением лингвистического Заратустры. В нем увидели обещание магической формулы, способной мгновенно пересоздать весь ландшафт языковой действительности по воле разума, а отнюдь не призыв с полной глубиной осознать положенные теоретическому познанию пределы.

В этом контексте образ языка в себе и для себя предстал не как «отрицательный» пограничный сигнал, подобный кантовской критике, а напротив, как заново построенный предмет, открывающий перед теоретической мыслью заманчивые новые горизонты его освоения и описания. Как никакое другое современное ему событие в области теории и философии языка (от Пирса, Фреге и Витгенштейна до Бодуэна, Шухардта, Фосслера, Марра), «Курс» Соссюра позволил теоретической лингвистике (а вместе с ней и вслед за ней — поэтике и культурной антропологии) стать полем типичной авангардной утопии. Этим можно отчасти объяснить вызванный книгой колоссальный резонанс, с магической быстротой пронизавший линии фронтов и наглухо закрывавшиеся политические границы¹³. Сама «монтажная» фактура книги, с ее лапидарными декларациями, определениями, не всегда согласующимися друг с другом, тезисами, остающимися без продолжения, и неожиданными экскурсами в, казалось бы, малосущественные побочные вопросы, способствовала избирательному чтению, позволявшему читателю увидеть в ней то, что он испытывал потребность увидеть.

2. От имманентности языка к имманентности теории: мыслительный конструктор как субститут действительности

Обретя свой мыслительный «дом» в виде концепта имманентной структуры языка, теоретическая лингвистика принялась активно его обживать и обустривать. Огромный вес в определении того направления, который принял этот процесс, принадлежало работам Р. О. Jakobsona. Именно Jakobsonу, первоначально в тесном сотрудничестве с Трубецким, суждено было сыграть выдающуюся роль в разработке конкретных атрибутов имманентной структуры языка («в себе»), ее различных разделов и уровней. Jakobsonу принадлежало и более строгое (и вместе с тем более абстрактно-имманентное) пересоздание фонологической структуры в параметрах бинарных оппозиций, и перенесение бинарного принципа в сферу морфологических категорий, и наконец, создание бинарно организованной типологии языковых модусов коммуникации, в частности поэтической функции [Jakobson 1960]. Усилиями Jakobsona и целой плеяды выдающихся европейских и американских лингвистов 1930—1950-х гг. понимание языка как имманентной структуры приобрело характер насыщенного мыслительного ландшафта, детально обставленного конкретными понятиями и аналитическими приемами. Чем большим числом конкретных концептуальных «предметов» заполнялся этот конструктор теоретической мысли, тем более живым и непосредственным становилось ощущение его действительности в качестве предмета познания; тем, соответственно, все более отдаленной, туманно-маргинальной, почти неосязаемой представлялась «внесистемная действительность», все то, что лежало за пределами структурно организованного концептуального пространства.

¹³ См. о реакции современников в разных странах на книгу Соссюра [De Mauro 1967: 334—343].

Созданный спекулятивный конструкт превращался в самодостаточную реальность, имманентную самой себе. Лингвистика, и вслед за ней поэтика и семиотика культуры, были заняты интенсивными поисками ответов, обладающих максимальной «объяснительной силой», на вопросы, ею самой поставленные. Читателям, несомненно, памятли наиболее выдающиеся из многочисленных деклараций этого принципа — от тезисов Ю. Н. Тынянова и Якобсона «Проблемы изучения литературы и языка» [Тынянов, Якобсон 1928] или «постулатов» Л. Блумфилда до классических работ послевоенного лингвистического структурализма (а начиная с 1960-х гг. — генеративной грамматики) и нового направления в изучении культуры, суммарным выражением которого явилась концепция «семиосферы» Ю. М. Лотмана [1996]. Принцип языка в себе самом и для себя самого, понятый как приглашение теоретической мысли отложить попечение обо всем, что лежит за пределами его же определенных параметров, обратился, по сути, в принцип лингвистической и семиотической теории «в себе самой и для себя самой».

Выше уже говорилось о духе авангардной утопии, первоначально вызвавшем к жизни это движение. Однако по мере развития событий между мировыми войнами к этому первичному импульсу прибавились другие мотивы. Ситуация в мире повсеместно начинала выглядеть так, как будто весь мир все глубже погружался в хаос самоуничтожения: экономическая депрессия, триумфальное возвышение диктаторских режимов, массовые репрессии и массовое бегство, и наконец, в качестве закономерной кульминации, катастрофическая всеобщая война, — казалось, разумное начало, торжество которого предрекала модернистская философская, культурная и социальная утопия, исчезает в пучине бессмысленного разрушения. В этом контексте визионерская идея, утверждающая триумф разумного порядка над всеми хаотическими случайностями эмпирического существования, приобретала сильнейшее терапевтическое значение. Она становилась единственным якорем, удерживающим сознание в мире разумного посреди грозящего его поглотить хаоса. Подобным же образом столетием ранее головокружительные перипетии Французской революции, террора, Империи, наполеоновских войн, реставрации и новой цепи мятежей и революций по всей Европе вызвали к жизни идею тотального детерминизма мирового исторического процесса.

В воспоминаниях Якобсона, записанных в диалоге с К. Поморской, прекрасно выражена связь между жизненным ощущением на грани гибели и обостренного мысленного устремления к идеалу тотального порядка, скрытого в глубинах бытия. К 1937—1938 гг., вспоминает Якобсон, он пришел к выводу, что структурная фонология, над разработкой которой он трудился вместе с Трубецким и чешскими коллегами в течение предыдущего десятилетия, все еще остается слишком эмпиричной, и это не позволяет ей полностью реализовать заложенный в ней объяснительный потенциал.

Идея структурной фонологии, как она представлена в обобщающей книге Трубецкого, над завершением которой он трудился как раз в эти годы, выдвигала на передний план различия между фонологическими структурами отдельных языков. Конфигурация системных отношений между фонемами уникальна для каждого языка, подчеркивал Трубецкой, она позволяет увидеть системные различия даже у звуков родственных языков, которые эмпирическому слуху могут представляться почти тождественными. Например, заднеязычные /к/, /х/ в русском и украинском, практически тождественные в произношении, различаются своим системным положением: в русском /к/ противостоит /г/ по признаку глухости-звонкости, оставляя /х/ по этому признаку в изоляции, тогда как в украинском /х/ противостоит /л/, оставляя в изоляции взрывной /к/.

Именно эта множественность языковых фонологических систем представилась теперь Якобсону недостаточно глубоким уходом с эмпирической поверхности в сущностную глубину предмета. Невозможно сказать об этом новом прорыве в мир трансцендентных сущностей более выразительно, чем это сделал сам автор: «В драматической обстановке 37-го и 38-го годов, предвещавшей близость роковых событий, мысль невольно отвлекалась от побочных академических тем и сосредоточивалась на вопросах наибольшей, как

мне представлялось, научной значимости и срочности. (...) Побывав на пороге 38-го года в Вене у Трубецкого, сосредоточенно работавшего над своей книгой об основах фонологии (*Grundzüge der Phonologie*), я отчетливо осознал, что идея фонологической системы продолжает грешить злополучной фрагментарностью, пока положенный в ее основу принцип двучленных оппозиций не проведен до конца. Может быть, в моей жизни не было такого лихорадочного наплыва новых исканий и мыслей, как в начале 38-го года» [Якобсон, Поморска 1982: 25].

Начиная с лета 1938 г. Якобсон в течение нескольких лет находился в состоянии почти непрерывного «бега» впереди наступающих немецких войск: Дания, Норвегия, Швеция, пока наконец летом 1941 г. он не оказался в Нью-Йорке. Именно в этом состоянии перманентного «транзита» (выразительно описанном в одноименном романе Анны Зегерс) им была создана теория двенадцати универсальных фонологических признаков.

Опубликованная в Швеции в 1941 г. на немецком языке, книга Якобсона развертывала новые перспективы, открывшиеся перед освобожденной от последних эмпирических пут чистой мыслью, с подобающей торжественностью: «Кто бы ребенок ни был — француз либо скандинав, англичанин либо славянин, индус или немец, эстонец, голландец или японец, — во всех исследованиях, заслуживающих именоваться таковыми, вновь и вновь находит себе подтверждение тот факт, что *относительная последовательность* во времени усваиваемых ребенком отдельных звуков остается всегда и повсюду одинаковой» (курсив автора. — Б. Г.) [Jakobson 1941: 32—33].

Система универсальных фонологических признаков знаменовала собой дальнейшее погружение в теоретический концепт «в себе», в такую его глубину, на которой исчезали последние его связи с поверхностью языковой эмпирии. Важным шагом в этом преодолении эмпирических видимостей явился переход от фонемы к дифференциальному признаку в качестве центральной единицы фонологического моделирования. Фонема, отличаясь от физических звуков своей системной природой, тем не менее находила прямое соответствие в звуковых единицах, понимаемых как ее манифестации в речи; но дифференциальный признак отсылал к концепту, у которого не было непосредственной феноменальной манифестации.

В учении Якобсона фонологические признаки фактически задаются априори, подобно категориям чистого разума у Канта. Отличие заключается в том, что последние определяли всеобщий характер теоретического познания, тогда как априорное фонологическое построение у Якобсона относилось к конкретному познаваемому объекту — звуковому строю языка. Кант определяет отношение теоретического познания к познаваемому миру; Якобсон пересоздает сам этот мир в категориях теоретической мысли, постулируя действительность такой, какой она предстает в параметрах, заданных самой этой мыслью. Все, что может лежать за пределами этой мыслительной действительности, о чем продолжают напоминать «голоса пессимистов, отчаявшихся в возможности точного знания о прошлом, настоящем и будущем языка», выглядит в этой перспективе исчезающе малым и незначительным. На «наивный» вопрос такого пессимиста (в роли которого выступает в этом случае Мартине): кто может претендовать на то, чтобы дать исчерпывающий отчет о данных всех существующих языков, не говоря уже о тех, которые бесследно исчезли с лица Земли? — автор отвечает с демонстративным пренебрежением: нельзя исключить, конечно, что где-нибудь «в джунглях Бразилии» мог бы сыскаться язык, строй которого не вполне укладывался бы во всеобщую систему; это, однако, могло бы иметь для лингвистической теории лишь то значение, какое для биологии имело открытие «смешанных» видов, таких как «австралийская ехидна или тасманский утконос», — они только подтверждали всеобщую классификацию [Jakobson, Waugh 1979: 61]. (Именно утконосу, вместе с Кантом, суждено будет стать главным героем книги Умберто Эко [Есо 1999], посвященной вопросу том, как язык взаимодействует с практическим опытом.)

По мере того как структурная лингвистика 1920—1950-х гг. активно занималась обустройством созданного ею заповедного пространства имманентной структуры языка, оно

заполнялось все более конкретными подробностями, между которыми в свой черед неизбежно стали обнаруживаться несоответствия и противоречия. Иначе говоря, условная действительность «в себе», сконструированная теорией, начала обнаруживать беспокоящее сходство с тем самым «внешним» хаосом, от которого она вначале, как казалось, так решительно эмансипировалась. Сколько гласных фонем в русском языке? — ответить на этот вопрос невозможно, не прибегнув к тем или иным чисто манипулятивным приемам («нейтрализация», «архифонема», «фонемный ряд» и т. п.), каждый из которых в свою очередь выявляет в системе новые неловкие швы и амбивалентности. Структуральный синтаксис, сформулировав фундаментальный принцип зависимости, оказался неспособен, в сущности даже не пытаясь, выстроить все многообразие возникающих на базе этого принципа синтаксических построений в единую систему. Теория Якобсона создавала в имманентном пространстве структурной лингвистики, к этому времени потерявшем вид безупречного рационального конструкта, внутреннее, поистине сокровенное пространство, характеризующееся новым уровнем абстрактности, и соответственно, концептуальной чистоты. Сделанный Якобсоном шаг в сторону бескомпромиссной априорности «глубинных» сущностей языка определил кризис структурной лингвистики и тем самым подготовил возвышение пришедшей ей на смену генеративной грамматики.

Генеративная грамматика совершила прорыв в области синтаксиса, аналогичный тому, который теория Якобсона осуществила по отношению к структурной фонологии: она эмансипировала синтаксические структуры от относительно прозрачной связи с эмпирической поверхностью высказывания. «Структурный порядок» предложения, описывавшийся структуральным синтаксисом, не был тождествен его «линейному порядку» в речи [Tesnière 1959], однако между ними сохранялась непосредственная связь, определяемая возможностью взаимного конвертирования. Но глубинная синтаксическая структура уже полностью отделялась от эмпирического высказывания как чистый мыслительный конструкт, который невозможно непосредственно «увидеть» в существующем предложении. Генеративной теорией это разделение мыслительного и перформативного начала полностью сознавалось и всячески подчеркивалось. Глубинная структура была провозглашена врожденной языковой способностью, запрограммированной в сознании до и независимо от какого-либо языкового опыта — именно провозглашена как коренное убеждение, без которого был бы невозможен «разумный» подход к языковой компетенции говорящих. Риторика «Аспектов теории синтаксиса» насыщена пафосом отвержения эмпирических тривиальностей перед лицом всепобеждающих аргументов чистого рационализма: «Если принять во внимание характер усваиваемой грамматики и дефектное (degenerate) качество и крайне ограниченный набор наличных данных, ... едва ли приходится рассчитывать на то, что структура языка могла быть усвоена организмом, который не обладал бы изначальной информацией о ее общем характере. (...) Несомненно, нет никаких оснований принимать всерьез позицию, в силу которой это сложное достижение всецело приписывается месяцам (или в лучшем случае годам) опыта, а не миллионам лет эволюции принципов организации нейронов, которые, возможно, имеют еще более глубокую укорененность в законах физики» (перевод наш. — Б. Г.) [Chomsky 1965: 58—59].

Ровно за два столетия до классического трактата Ноама Чомски¹⁴ Иоганн Петер Зюссмильх, пастор, философ и математик, выступил с неопровержимым, по его мнению, доказательством, что язык не мог быть создан самим человеком, а по необходимости должен был быть дан ему Богом. Убеждение Зюссмильха покоится на тех же основаниях, что и аргументация Чомски: он указывает на необыкновенную структурную сложность языка (этой великолепной машины, перед которой меркнут даже такие чудеса современной технологии, как новейшие модели часов, показывающих время дня с точностью до секунды, месяц, год,

¹⁴ Начиная с первых изданий на русском языке работ основателя генеративной грамматики в русскоязычной научной традиции закрепилась русифицированная передача его имени: Хомский. Мне хотелось бы уклониться от этого употребления.

фазу луны и т. д.), сопоставляя ее с фактами человеческого неразумия, ничуть не препятствующего, однако, безупречному владению этой супермашиной. Посмотрите на обитателей Гренландии, восклицает автор: эти несчастные люди, задавленные суровыми условиями существования, находятся на уровне развития, ненамного отличающем их от медведей и тюленей, на которых они охотятся, а между тем их язык ничуть не уступает в сложности европейским или даже их превосходит. «Жалкие гренландцы, чумазые [schmutzige] готтентоты, многосложные ориноки, уклончивые татары, утонченные китайцы, японец и его антипод, караиб, — все говорят на упорядоченном языке» [Süßmilch 1766: 71]. У Чомски место Бога заняли «миллионы лет эволюции», что в сущности то же самое, если принять во внимание чисто спекулятивный характер того, каким образом эта эволюция, какой бы она ни была, соотносится с построениями генеративной грамматики.

3. Теоретическая мысль «в себе и для себя» как модель самосознания

Творческий порыв авангарда в начале минувшего века обещал радикальное преображение материального, социального и духовного существования. Разрушая привычный строй мысли (а в наиболее радикальных своих проявлениях — и привычный строй жизни), авангард стремился прорваться к «подлинной» действительности, ее коренной сущности, скрытой под спудом рутинных представлений и привычек повседневности. Однако мессианский настрой авангарда, пройдя через катастрофический опыт 1920—1930-х гг., постепенно приобретал иную, в сущности прямо противоположную — охранительную, терапевтическую, защитную направленность. Из дерзкого вызова бессмысленному эмпиризму формула «в себе и для себя» все более превращалась в последнее убежище разумного начала. В заповедном пространстве за стеной блистательных абстракций мысль оказывалась вне досягаемости для прагматических банальностей, ныне обнаруживших свою угрожающую природу в качестве «банальности зла» (Ханна Арендт)¹⁵. Бескомпромиссное отторжение рутины повседневности, некогда знаменовавшее собой авангардный прорыв в будущее, все явственнее становилось средством интеллектуального, а во многих случаях и физического выживания. Почти чудесное спасение Якобсона, оказавшегося, подобно многим ведущим деятелям авангарда 1920-х гг., вынесенным на «экзотический» (с точки зрения европейского культурного ландшафта начала века) берег послевоенной Америки, как бы персонафицировало этот символический сюжет.

В первые послевоенные десятилетия к описанному здесь процессу добавился еще один нюанс. Его в свое время афористически выразил Т. Адорно в ставшем знаменитым (в неточной передаче) изречении: «Не может быть поэзии после Освенцима»¹⁶. «Поэзию» можно в данном случае понимать как наиболее яркую эмблему культуры в целом, пиетет перед которой оказался подорванным теми чудовищами, которые она оказалась способной породить. Сам Адорно пронизательно указывал на то, как отсутствие ритуального поклонения перед этим идолом европейского самосознания нового времени, поразившее его в Америке, помогло ему освободиться от «наивной веры в культуру» [Buck-Morss 1977: 187]. Сходное мироощущение во многом определяло самосознание поколения, вступавшего на авансцену интеллектуальной жизни в 1950—1960-е гг. Над всей интеллектуальной традицией, всеми понятиями о разумном и духовно ценном нависло подозрение в роковом изъяне, позволившем совершиться тому, что совершилось. Клодин Норман в недавней книге о Соссюре [Normand 2000: 10] вспоминает, как ее поколение с восторгом открывало для себя заново «радикальный модернизм» соссюровского «Курса» в одном ряду с идеями Фрейда, Маркса

¹⁵ Выражение, ставшее идиомой, восходит к заглавию книги [Arendt 1963].

¹⁶ В самом тексте Адорно мысль выражена более резко — писание «стихов» после Освенцима объявляется «варварством»: «Nach Auschwitz ein Gedicht zu schreiben, ist barbarisch» [Adorno 1997].

и Ницше¹⁷. Поколение Норман увидело в них мощный вызов не просто интеллектуальной рутине, но всему стоящему за ней культурному, моральному и социальному порядку, фатально скомпрометированному в их глазах тем, что в рамках этого порядка оказались возможными ужасы недавнего прошлого. К научной традиции это относилось в такой же мере, как к миру культурной «мифологии», комфортно окружавшей повседневную жизнь буржуазного общества, которую Ролан Барт выставил на всеобщее обозрение своим язвительным анализом [Barthes 1957]. Даже идиоматическая инфраструктура языка — в частности, языка, которым выражала себя традиционная наука, — несла на себе груз памяти о том, как этот самый язык, эти самые его идиомы и обороты научной и вообще всякой культурно кодифицированной речи оказались вполне пригодными для службы тому, что Кант в одной из своих поздних работ назвал «радикальным злом» [Kant 1793/1914: 43].

Возникло стремление начать все как бы с нуля, с чистой страницы, одним шагом вступив в новый духовный мир, выражающий себя на новом научном языке, зачастую непонятном традиционной науке. Сама эта идея радикального очищения и обновления была авангардной по своей природе. В этой атмосфере идея имманентной теории «в себе и для себя» получила новый мощный творческий импульс, определивший и бурное развитие структурной и генеративной лингвистики, и расцвет поэтики и структурно ориентированной семиотики культуры в 1950—1970-х гг.

В послесталинском Советском Союзе, с его памятью о десятилетиях террора и войны, на фоне которых скомпрометированные формулы установленного порядка на глазах превращались в выхолощенный ритуал¹⁸, этот уместный настрой находил особенно благодарную почву. Конечно, из пантеона имен, обозначенного Норман в качестве интеллектуальных вех нового поколения на Западе, Ницше и Фрейд оставались малодоступны его восточноевропейским коллегам, тогда как Маркс, даже в де-ритуализированной западной версии, лишь для немногих способен был послужить источником обновления. Тем более широкое и всеобъемлющее значение в этом ставшим полупустым референтном поле приобретала идея «науки» и «научности» как некоего четко очерченного пространства, подлежащего своим собственным законам и внеположного неразумному хаосу повседневности.

Идея универсального научного языка, возвышающегося над особенностями субстанционального содержания конкретных предметов познания, становится повсеместным идеалом, вдохновляющим лингвистов, специалистов в области поэтики и литературной теории и историков культуры¹⁹. Теоретической лингвистике в этом процессе отводилась особая роль как дисциплине, уже выработавшей развитый аналитический аппарат и в этом отношении более других гуманитарных штудий приблизившейся к идеалу «точной науки». Массовое вторжение в сферу гуманитарных исследований терминов и приемов лингвистических исследований, в том числе ориентировавшихся на аппарат математической логики, делала сам язык нового направления непонятным для непосвященных, даже при доскональном знании самого предмета исследования. Лингвистическое моделирование воспринималось в качестве методологического флагамена широкого ряда исследований в таких разнообразных областях, как точные методы изучения стиха, структурная поэтика и аналогичное ей структурное описание музыки и визуальных искусств, моделирование архаического мифологического сознания, наконец, изучение различных аспектов «знакового» социального поведения.

Построенная на твердых методологических основаниях (наивысшим образцом для которых, к коему надлежало по возможности приблизиться, служили принципы математического

¹⁷ Это референтное поле было в особенности характерно для группы радикально настроенных философов, теоретиков литературы и социологов, объединившихся вокруг журнала «Tel quel». Выразительно об атмосфере интеллектуального и политического радикализма, царившей в журнале в 1960-е годы, рассказал в своих мемуарах Ж. Тибодо [Thibodeau 1994].

¹⁸ Прекрасный анализ этой черты позднесоветского времени содержится в работе [Юрчак 2014].

¹⁹ Одним из ярких манифестов этого направления мысли стала программная статья Ю. М. Логмана [1963] «Литературоведение должно стать наукой».

доказательства и алгоритмического исчисления), теория предлагала мыслительный конструкт, способный представить все сущее в параметрах универсального порядка, покоящегося на строгих основаниях логического вывода. Что это «все сущее» было именно тем, что теоретическая мысль могла и хотела объяснить, тем, что сама она готова была признать проблемой, подлежащей разрешению, не представлялось сколько-нибудь обременительным ограничением, ввиду интеллектуально крайне низкого и даже морально скомпрометированного характера той «внесистемной», «прагматической», «окказиональной» реальности, которую теория была готова отбросить. В работах Чомски с особенной явственностью звучит презрение к «дегенеративному» миру речевой повседневности, будь то общение ребенка с родителями, в процессе которого он приобщается к языку, или те логически нелепые либо двусмысленные и грамматически дефектные речевые артефакты, которыми говорящие потчуют друг друга за стенами классной комнаты MIT.

Я не вижу необходимости останавливаться на конкретных явлениях теоретической лингвистики и семиотики 1960—1970-х гг., в которых как сама установка на концептуальную имманентность мысли, так и ее защитные и протестные социально-психологические подтексты проявлялись с тем большей яркостью и остротой, чем сильнее черты бессмысленной выхолощенности и ритуального лицемерия проступали в утвердившейся социальной и идеологической действительности. Эти явления повсеместно известны; по сути, они представляли собой лучшее, что дала гуманитарная мысль трех послевоенных десятилетий и в области теоретической лингвистики, и в сфере изучения литературы и культуры. В поле настоящего обзора не входят также новые направления в изучении языка, развившиеся в последние 25—30 лет (когнитивная лингвистика, анализ дискурса, корпусная лингвистика), существенно преобразившие поле лингвистических исследований. Они принадлежат новой главе в истории лингвистической мысли.

Что наш краткий обзор стремился показать — это то, как имманентно структурирующий подход к языковому, художественному и социальному общению, возникнув под знаком авангардной эмансипации творчески конструирующей мысли от диктата повседневной действительности, постепенно, как силою обстоятельств, так и в силу внутренней логики своего развития, сам превратился в аксиоматически нерелексирующее мироощущение — своего рода альтернативную действительность, мыслительный «дом», обитатели которого все менее чувствовали себя расположенными его покидать по какому бы то ни было поводу. Парадоксальным образом, это мироощущение, исповедующее имманентную чистоту теоретического знания, вышло далеко за пределы чисто интеллектуальной сферы, превратившись в идеологическую позицию, пронизывающую собою самосознание и жизненное поведение его носителей. Ни в одной сфере познания феноменов духовной и социальной жизни это явление не проявилось с такой силой и с такой последовательностью, как в сфере теоретической лингвистики XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Лотман 1963 — Лотман Ю. М. Литературоведение должно быть наукой // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 44—52. [Lotman Yu. M. Study of literature must be a science. *Voprosy literatury*. 1963. No. 3. Pp. 44—52.]
- Лотман 1996 — Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. [Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov: chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Within thinking worlds: Man — text — semiosphere — history]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Слюсарева 1975 — Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975. [Slyusareva N. A. *Teoriya F. de Sossyura v svete sovremennoi lingvistiki* [F. de Saussure's theory in the light of modern linguistics]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Трубецкой 1920 — Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Русско-болгарское книгоиздательство, 1920. [Trubetskoi N. S. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and mankind]. Sofia: Russko-Bolgarskoe Knigoizdatel'stvo, 1920.]

- Трубецкой 1927/1999 — Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. [Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingiskhana*. [The legacy of Genghis Khan]. Moscow: Agraf, 1999.]
- Тынянов, Якобсон 1928 — Тынянов Ю. Н., Якобсон Р. О. Проблемы изучения литературы и языка // Новый ЛЕФ, 1928. № 12. С. 35—37. [Тунуанов Ю. Н., Jakobson R. O. Problems of literary and linguistic studies. *Novyi LEF*. 1928. No. 12. Pp. 35—37.]
- Шкловский 1917 — Шкловский В. Б. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1. Петроград: 18-я Государственная Типография, 1917. С. 1—13. [Shklovskii V. B. Art as a device. *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka*. No. 1. Petrograd: 18-ya Gosudarstvennaya Tipografiya, 1917. Pp. 1—13.]
- Юрчак 2014 — Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛЮ, 2014. [Yurchak A. *Eto bylo navsegda, пока ne konchilos'* [Everything was forever, until it was no more]. Moscow: NLO, 2014.]
- Якобсон 1921/1981 — Якобсон Р. О. О художественном реализме [Jakobson R. O. On artistic realism]. Jakobson R. *Selected writings*. Vol. III. The Hague: Mouton, 1981. Pp. 723—731.
- Якобсон, Поморска 1982 — Якобсон Р., Поморска К. Беседы. Jerusalem: The Magnes Press, 1982. [Jakobson R., Pomorska K. *Besedy* [Conversations]. Jerusalem: The Magnes Press, 1982.]
- Adorno 1997 — Adorno T. *Kulturkritik und Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
- Arendt 1963 — Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the banality of evil*. New York: Viking Press, 1963.
- Barthes 1957 — Barthes R. *Mythologies*. Paris: Seuil, 1957.
- Buck-Morss 1977 — Buck-Morss S. *The origin of negative dialectics: Theodor W. Adorno, Walter Benjamin and the Frankfurt Institute*. New York: Free Press, 1977.
- Bouquet 1997 — Bouquet S. *Introduction à la lecture de Saussure*. Paris: Payot & Rivages, 1997.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1965.
- De Mauro 1967 — De Mauro T. Noizie biografiche e critiche su Ferdinand de Saussure. de Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Édition critique préparée par T. de Mauro. Paris: Payot, 1967. Pp. 283—354.
- Eco 1999 — Eco U. *Kant and the platypus: Essays on language and cognition*. San Diego: Harcourt, 1999.
- Firth 1964 — Firth J. R. Personality and language in society. Firth J. R. *Papers in linguistics, 1934—1951*. London: Oxford Univ. Press, 1964. Pp. 177—189.
- Gasparov 1987 — Gasparov B. The ideological principles of Prague school phonology. *Language, poetry, and poetics. The generation of the 1890s: Jakobson, Trubetzkoy, Majakovskij*. Pomorska K., Chodakowska E., McLean H., V. Brent (eds.). Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987. Pp. 49—78.
- Gasparov 2013 — Gasparov B. *Beyond Pure Reason: Ferdinand de Saussure's philosophy of language and its early romantic antecedents*. New York: Columbia Univ. Press, 2013.
- Gautier 2005 — Gautier L. Entretien avec M. de Saussure, 6 Mai 1911. *Cahiers F. de Saussure*. 2005. Vol. 58. Pp. 69—70.
- Godel 1957 — Godel R. *Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de Ferdinand de Saussure*. Genève: E. Droz, 1957.
- Harris 2001 — Harris R. *Ferdinand de Saussure and his interpreters*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2001.
- Jakobson 1941 — Jakobson R. *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1941.
- Jakobson 1960 — Jakobson R. Closing statement: Linguistics and poetics. *Style in language*. Sebeok Th. A. (ed.). New York: Wiley, 1960. Pp. 350—377.
- Jakobson, Waugh 1979 — Jakobson R., Waugh L. *The sound shape of language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1979.
- Kant 1793/1914 — Kant E. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft. *Kants Werke*. Bd. VI. Berlin: Georg Reimer, 1914.
- Normand 2000 — Normand C. *Saussure*. Paris: Les belles lettres, 2000.
- Prauss 1974 — Prauss G. *Kant und das Problem der Dinge an sich*. Bonn: Herbert Grundmann, 1974.
- Saussure 1967 — de Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Édition critique préparée par T. De Mauro. Paris: Payot, 1967.
- Saussure 1968 — de Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Édition critique par R. Engler. T. 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1968.
- Saussure 1994 — de Saussure F. *Manuscripti di Harvard, a cura di Herman Parret*. Roma: Laterza, 1994.
- Saussure 2002 — de Saussure F. *Écrits de linguistique générale*, compiled and edited by S. Bouquet, R. Engler. Paris: Gallimard, 2002.
- Saussure 2003 — de Saussure F. «La légende de Sigfrid et l'histoire Burgonde», publ. by Béatrice Turpin. *L'Herne Saussure*. Bouquet S. (ed.). Paris: l'Herne, 2003. Pp. 360—429.

-
- L. Saussure 1899 — de Saussure L. *Psychologie de la colonisation française dans les rapports avec les sociétés indigènes*. Paris: F. Alcan, 1899.
- Sljusareva 1971 — Sljusareva N. Deux lettres de Ferdinand de Saussure à Baudouin de Courtenay. *Cahiers F. de Saussure*. 1971. Vol. 27. Pp. 7—17.
- Süßmilch 1766 — Süßmilch J. P. *Versuch eines Beweises, daß die erste Sprache ihren Ursprung nicht von Menschen, sondern allein vom Schöpfer erhalten habe*. Berlin: Buchladen der Realschule, 1766.
- Tesnière 1959 — Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: C. Klincksieck, 1959.
- Thibaudeau 1994 — Thibaudeau J. *Mes années Tel Quel*. Paris: Écriture, 1994.
- Wittgenstein 1921/1974 — Wittgenstein L. *Logisch-philosophische Abhandlung (Tractatus logico-philosophicus)*. New York: Humanities Press, 1974.
- Wittgenstein 1953 — Wittgenstein L. *Philosophisches Untersuchungen / Philosophical investigations*. New York: Macmillan, 1953.

Получено / received 09.07.2016.

Принято / accepted 27.09.2016.

ВИДОВАЯ СИСТЕМА ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ РУССКОЙ: К ТИПОЛОГИИ СЛОВОКЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО ВИДА*

© 2017

Андрей Болеславович Шлуинский

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация;
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ash1@yandex.ru

В статье рассматривается видовая система энецкого языка — неславянского языка со словоклассифицирующей категорией вида, различающей перфективные и имперфективные глаголы. Поскольку такие видовые системы ранее рассматривались в основном на материале славянских и некоторых ареально близких к ним языков, энецкая видовая система сопоставляется с хорошо изученной русской. Это сопоставительное исследование делает шаг к тому, чтобы выяснить, какие из широко известных особенностей русского и в целом славянского вида представляют собой его специфику, а какие воспроизводятся и в других словоклассифицирующих видовых системах. С одной стороны, выясняется, что во многих аспектах (употребление имперфектива с обстоятельствами длительности, сочетаемость имперфектива с фазовыми глаголами, способность имперфективных глаголов выражать завершенную ситуацию, организация аспектуальной композиции) энецкая система аналогична русской. С другой стороны, в энецком языке обнаруживается существенно более широкая дистрибуция перфективных глаголов, что естественно связать с тем, что, в отличие от русского языка, в энецком перфективные глаголы составляют большинство среди непроезванных.

Ключевые слова: аспект, вид, вид славянского типа, самодийские языки, словоклассифицирующие видовые системы, энецкий язык

ASPECT SYSTEM OF ENETS AGAINST THE BACKGROUND OF RUSSIAN: A CASE STUDY OF “CLASSIFYING” VIEWPOINT ASPECT

Andrey B. Shluinsky

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ash1@yandex.ru

The paper deals with the aspect system of Enets, a non-Slavic language with a “classifying” (derivational) viewpoint aspect distinguishing perfective and imperfective verbs. Since such aspect systems have so far been studied mainly in Slavic and some areally close languages, the aspect system of Enets is compared with the system of Russian, one of the most thoroughly described ones. Such a comparative study is a step towards revealing which well-known features of Russian aspect and Slavic aspect in general are language- and group-specific peculiarities and which of them are present in other classifying aspect systems. On the one hand, many aspects of the Enets system are found in Russian (using imperfective with adverbials of duration; using imperfective with phasal verbs; expressing completed events with imperfective verbs; type of aspectual composition). On the other hand, Enets has a significantly broader distribution of perfective verbs; this could be related to the fact that, in contrast to Russian, the major part of Enets undervived verbs are perfective.

Keywords: aspect, derivational aspect systems, Enets, Samoyedic, Slavic-style aspect

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-18-02081. Основным фактическим материалом послужили данные, полученные и обработанные преимущественно в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними

1. Видовая система энецкого языка в контексте типологии словоклассифицирующих видовых систем

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы представить типологически ориентированное описание неславянской системы словоклассифицирующего вида на материале энецкого языка. С одной стороны, мы стремимся показать, что словоклассифицирующие видовые системы, хорошо известные лингвистике на примере славянских языков, вовсе не исчерпываются славянскими и некоторыми структурно и ареально близкими к ним языками; с другой стороны, мы хотим представить и межязыковую вариативность такого рода систем, рассмотрев структурно несходный пример.

Рассматриваемая в настоящей статье категория «собственно вида» (viewpoint aspect) принадлежит к числу ядерных категорий глагола и в том или ином виде описана в большинстве языков мира. Речь идет о категории, которая противопоставляет перфективный vs. имперфективный видовые ракурсы в их самом общем понимании: перфективный ракурс вводит в рассмотрение «извне» цельную темпорально ограниченную ситуацию, тогда как имперфективный ракурс рассматривает ситуацию «изнутри» и тем самым представляет ее как темпорально неограниченную [Исаченко 1960: 133; Comrie 1976: 3—4]; в другой терминологии перфективный и имперфективный ракурсы различаются предшествованием vs. синхронностью точки отсчета [Падучева 1996]. Хотя такие формулировки вовсе не могут предсказать употребление соответствующих граммем во всех языках мира (и, более того, не могут на это претендовать, так как в разных языках семантика граммем перфектива и имперфектива может быть различной), она представляется достаточной для идентификации релевантных явлений. Говоря о видовой системе, мы имеем в виду именно категорию «собственно вида», не углубляясь в проблематику более частных видовых значений.

Видовые системы с известной долей условности могут быть разделены на словоизменяемые и словоклассифицирующие¹. Словоизменяемая категория вида более типична для языков мира; в языках со словоизменяемой категорией вида глагольная система

носителями» (Б. Комри, О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский) при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (Endangered Languages Documentation Programme, ELDP), 2008—2011 гг.

Автор выражает благодарность всем носителям энецкого языка, с которыми ему посчастливилось работать; Н. М. Стойновой, С. А. Трубецкому и в особенности М. А. Овсянниковой, участвовавшим в сборе и расшифровке энецких текстов; Дудинскому отделению ГТРК «Норильск», Таймырскому Дому народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной и А. Ю. Урманчевой, любезно предоставившим архивные аудиозаписи, сделанные в разные годы Д. С. Болиной, Н. Н. Болиной, О. Э. Добжанской, К. И. Лабанаускасом, И. П. Сорокиной, Е. А. Хелимским. Изучение энецкого языка многие годы ведется автором совместно с О. В. Ханиной, с которой были приняты многие аналитические решения при анализе энецкой грамматической системы и которая сделала замечания к начальной версии данной статьи. Типологически ориентированной стороной исследования автор обязан П. М. Аркадьеву и С. А. Оскольской, совместно с которыми были проведены пилотные сопоставительные исследования словоклассифицирующего вида [Аркадьев, Шлуинский 2015] и аспектуальной деривации [Оскольская, Шлуинский 2014]. Предварительные материалы к статье были представлены в виде доклада на Международной конференции, посвященной 50-летию Петербургской типологической школы (2011 г.), обсуждение которого оказало влияние на дальнейшую работу. Текст статьи был существенно улучшен благодаря замечаниям анонимных рецензентов. Все недостатки настоящей статьи, разумеется, остаются на совести автора.

¹ Сам общий термин «(слово)классифицирующая грамматическая категория» мы используем в полном соответствии с отечественной терминологической традицией, ср.: «Мы будем говорить, что грамматическая категория является словоизменяемой для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается не менее двух разных граммем этой грамматической категории. Мы будем говорить, что грамматическая категория является классифицирующей для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается ровно одна граммема этой грамматической категории» [Зализняк 1967: 31].

включает перфективные и имперфективные видовые (или, чаще, видо-временные) показатели. Так, например, во французском языке среди форм с референцией к прошлому с точки зрения «собственно вида» противопоставлены имперфективная форма *lisait* ‘читал(а)’ vs. перфективные формы *lut/a lu* ‘прочитал(а)’. Словоклассифицирующая категория вида типологически раритетна и известна лингвистике прежде всего по материалу славянских языков, хотя, как отмечено в [Плунгя 2011: 406—416] и показано более подробно в [Аркадьев, Шлуинский 2015], представлена в языках самых разных семей и ареалов. Примером словоклассифицирующего вида может служить вид в русском языке, где противопоставлены не имперфективные и перфективные формы, а, например, имперфективный глагол *читать* и перфективный глагол *прочитать*. Помимо словоизменительных и словоклассифицирующих видовых систем в языках мира представлены также устроенные сложнее «смешанные» системы, сочетающие черты тех и других; ярким примером языка с такой системой является нанайский, подробно описанный с этой точки зрения в [Оскольская 2016]².

Перечислим основные признаки словоклассифицирующей видовой системы:

- глагольная лексика разделяется (почти) без остатка на перфективные vs. имперфективные глагольные лексемы;
- видовая характеристика непроеизводных глаголов не может быть установлена на морфологических основаниях (так, в русском языке глаголы *купить* и *рубить* принадлежат к разным видам, но к одному и тому же морфологическому классу);
- несловоизменительный статус категории вида компенсируется при помощи аспектуальных дериваций, образующих от глагольной лексемы одного вида (перфективного или имперфективного) глагольную лексему противоположного вида (имперфективного или перфективного соответственно);
- видовая характеристика глагольной лексемы сохраняется во всей ее парадигме (так, в русском языке формы *куплю, купил, купить, купивший* и *срублю, срубил, срубить, срубивший* все перфективные, а формы *рублю, рубил, рубить, рубивший* и *покупаю, покупал, покупать, покупавший* все имперфективные).

Необходимо оговорить, что принимаемая в данной работе вслед за другими исследователями (см., в частности, [Падучева 1989; 1996: 84—102]) традиционная «школьная»/«словарная» трактовка славянской категории вида как словоклассифицирующей, т. е. противопоставляющей различные глагольные лексемы совершенного и несовершенного вида, не является единственно возможной и сосуществует в обширной литературе со словоизменительной трактовкой. Обсуждение аргументов в пользу той или иной трактовки русского вида представлено в специальных публикациях [Перцов 1998; Горбова 2017] и, например, в [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 14—16], причем многие из аргументов в пользу одной и другой точки зрения, разбираемых в данных работах, могут быть перенесены со славянских видовых систем и на самодийские (к числу которых принадлежит рассматриваемая нами энецкая), а также на другие системы, которые мы идентифицируем как словоклассифицирующие. Мы не настаиваем на теоретической обоснованности нашего выбора словоклассифицирующей трактовки, однако, во-первых, считаем ее наиболее удачным способом терминологически разграничить глубоко несходные по морфологической организации видовые системы типа славянских и самодийских и более стандартные типа, например, французской, а во-вторых, опираясь на опыт работы с материалом малоизученного энецкого языка, мы считаем этот выбор технически удобным для описания (что верно и для русского языка, если ориентироваться на лексикографическую практику).

В литературе нередко происходит произвольное отождествление славянского, наиболее изученного, вида и словоклассифицирующего вида вообще. Так, понятия «видовое

² Для «смешанных» систем, в частности, в отличие и от словоизменительных, и от словоклассифицирующих, неочевидна трактовка вида как грамматической категории в классическом понимании. Подробный разбор этой темы, однако, выходит за рамки задач настоящей статьи.

противопоставление славянского типа» [Маслов 1984: 36—39] или «Slavic-style aspect» [Dahl 1985: 84—89] расширяют славянский вид до статуса типологически релевантной категории фактически без опоры на типологические данные; есть также ряд исследований, в которых славянский вид рассматривается в одном ряду с видовыми системами ареально и типологически близких неславянских языков, к примеру [Tomelleri 2010; Аркадьев 2015].

В настоящей работе, обращаясь к материалу энецкого языка, также имеющего словоклассифицирующую видовую систему, но несходную со славянской, мы выясняем, до какой степени в этом языке будут представлены различные характерные признаки русского вида³. Во-первых, это морфологическая организация видовой деривации: в русском языке большинство непроизводных глаголов имперфективные, а перфективные глаголы производны от имперфективных с помощью «ограничителей» с исходной локативной семантикой — глагольных приставок⁴, ср. понятие «bounder perfectivization» в [Bybee, Dahl 1989], см. также [Аркадьев 2007; 2015]. Во-вторых, это более широкая дистрибуция имперфектива, нежели в словоизменяемых видовых системах, как отмечено в [Dahl 1985: 74—81], а именно наличие так называемого общефактического значения, как в предложении *Он читал эту книгу*; сочетаемость с обстоятельствами длительности, как в предложении *Он читал книгу два месяца*; сочетаемость с обстоятельствами способа действия, как в предложении *Он читал письмо медленно*. В-третьих, это специфика «славянской» аспектуальной композиции в противопоставление «среднеевропейской», отмеченная в [Dahl 1985: 75] и детально обсуждаемая в [Filip 1999; 2005; Paducheva 2009; Татевосов 2009; 2015: 112—158]: в русском языке предельность предикации⁵ предопределена глагольной лексемой и не зависит от кумулятивности аргумента — так, русские предложения с глаголом *есть* всегда непредельны, как *Он ел яблоко/суп десять минут*, тогда как русские предложения с глаголом *съесть* всегда предельны, как *Он съел яблоко/суп за десять минут*, в отличие от английских предложений с глаголом *eat*, предельность которых зависит от аргумента, ср. *He ate an apple in ten minutes* vs. *He ate soup for ten minutes*. Наконец, это более частные факты, касающиеся дистрибуции русского перфектива и имперфектива: например, в русском языке, как известно, только имперфектив сочетается с фазовыми глаголами, ср. *Он начал есть/*съесть суп*, перфектив имеет идиосинкратическую семантику в императиве при отрицании, ср. *Не съешь яблоко* vs. *Не ешь яблоко*. Сравнение устройства энецкой видовой системы с русской в этих аспектах представляет собой шаг к тому, чтобы выяснить, какие из перечисленных особенностей связаны со словоклассифицирующим характером видовой системы, а какие представляют собой русскую и, шире, славянскую специфику. Аналогичная задача ставится в [Tomelleri 2010] при сопоставлении с русской системой словоклассифицирующих видовых систем Кавказа (грузинской и осетинской), однако самодийские системы даже на самый поверхностный взгляд существенно больше отличаются от славянских, чем кавказские.

2. Энецкий язык, материал исследования и история вопроса

Энецкий язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и представлен двумя диалектами: лесным энецким и тундровым энецким. В настоящее время число

³ Детали функционирования видовых систем далеко не всегда тождественны в разных славянских языках, как показано, в частности, в сопоставительных работах [Петрухина 2000; Dickey 2000]. Для простоты мы далее сопоставляем энецкий вид только с русским, наиболее хорошо знакомым читателю.

⁴ Надо отметить, что в типологической перспективе некорректно и отождествление имеющих исходную локативную семантику «ограничителей» с приставками и превербам: так, в чадском языке марги [Hoffmann 1963] и океанийском мокильском языке [Harrison, Albert 1976] перфективирующие «ограничители» представляют собой суффиксы.

⁵ Как известно, у русскоязычного термина «предельность» есть разные понимания. В настоящей работе мы, вслед за, в частности, [Татевосов 2015], имеем в виду понимание, аналогичное англоязычному термину «telicity».

носителей обоих диалектов вместе взятых составляет не более 45 человек с компетенцией разного уровня в возрасте старше 45 лет. Все они проживают в Таймырском муниципальном районе Красноярского края; носители лесного диалекта живут в основном в пос. Потапово и в г. Дудинка, а носители тундрового диалекта — в пос. Воронцово и в Тухардской тундре. Основными публикациями по грамматике энецкого языка являются работы [Castrén 1854; Терещенко 1966; Сорокина 2010; Siegl 2013]; глагольная система описана в [Сорокина 1975б] и [Урманчиева 2006]; сведения о морфологии глагола суммированы в [Гусев 1994; Урманчиева 2013].

В настоящей статье рассматривается материал лесного диалекта энецкого языка; в целом видовая система тундрового диалекта устроена сходным образом. В основном были использованы данные корпуса естественных текстов, включающего транскрипции около 30 часов лесной энецкой речи⁶; кроме того, учтены и данные основного массива опубликованных текстов [Сорокина, Болина 2005], а также, в тех случаях, когда на искомое явление не обнаружены естественные примеры, элицированные данные (сопровождаются пометой «elic.»).

Видовая система энецкого языка принципиально сходна с видовой системой других ныне существующих самодийских языков: селькупского [Кузнецова и др. 1980: 209—210; Кузнецова 2008; Казакевич 2008], тундрового ненецкого [Терещенко 1947: 174—184; Иосад и др. 2005; Nikolaeva 2014: 45—46], нганасанского [Терещенко 1979: 198, 235—248; Хелимский 1994: 205; Гусев 2012]. Видовая система ныне исчезнувшего камасинского языка принципиально отличается от других самодийских: в этом языке вид является словоизменятельной, а не словоклассифицирующей категорией, см. [Künnap 1978: 114—142; Klumpp 2005]; крайне ограниченные сведения о маторском языке, собранные в [Helimski 1997], не позволяют судить о его видовой системе. Хотя разные исследователи по-разному подходят к трактовке самодийского вида, можно считать достигнутым согласие в том, что в самодийских языках (за исключением камасинского) глагольные лексемы — как производные, так и непроизводные — делятся на два больших класса перфективных и имперфективных⁷ (в другой терминологии с несколько иным содержанием — предельных и непредельных соответственно) глаголов, а при помощи деривационных средств могут быть образованы лексемы противоположного вида [Кузнецова и др. 1980: 209; Гусев 2012: 311; Nikolaeva 2014: 45].

Непосредственно видовой системе энецкого языка, если не считать краткого перечисления основных показателей аспектуальной деривации в очерках [Прокофьев 1937: 87] и [Терещенко 1966: 453], посвящены публикации [Сорокина 1975а; 1990] и [Siegl 2011], а также соответствующие разделы в работах тех же авторов [Сорокина 1975б: 62—74; 2010: 292—308; Siegl 2013: 266—277]. Как И. П. Сорокина, так и Ф. Сигл отказывают энецкому языку в существовании категории вида аналогичной по своей структуре категории вида в русском и других славянских языках⁸, и в основном ограничивают свое описание детальным разбором значений и употреблений показателей аспектуальной деривации⁹. Они убедительно

⁶ Корпус продолжает обновляться, самая актуальная его версия может быть получена у автора. Предшествующие версии общедоступны по адресу: <http://elar.soas.ac.uk/deposit/0302> или <http://larkpie.net/siberianlanguages/recordings/forest-enets>.

⁷ Это разделение касается лексических глаголов. Как основной энецкий отрицательный глагол, так и прочие отрицательные глаголы (см. о них [О. Ханина, Шлуинский 2012]) аспектуально нейтральны, так как видовое значение конструкция с ними получает в зависимости от вида лексического глагола. То же, по-видимому, верно и для других самодийских языков.

⁸ В то же время, однако, в грамматическом очерке, предворяющем словарь [Сорокина, Болина 2009], энецкая категория вида кратко упомянута как бинарная, противопоставляющая перфективные и имперфективные глаголы.

⁹ В работах И. П. Сорокиной используется термин «видовые классы», принадлежащий Б. А. Серебрянникову [1960] и распространенный в уральстике и алтаистике. По существу этот термин соответствует наиболее принятому пониманию термина «способ действия/Aktionsart» (последний упоминается и в [Сорокина 1975а: 131]), ср. также термин «совершаемость» [Исаченко 1960: 209—222], использованный для самодийского материала в [Кузнецова и др. 1980: 217—233].

показывают, что энецкая видовая система не похожа на славянскую, и потому избегают говорить об энецком виде в тех же терминах; в [Sieg1 2011], более того, выделение категории вида аналогичной славянской как в самодийских языках, так и в ряде других языков Сибири признается неоправданным влиянием родного языка русскоязычных исследователей. Как нам кажется, прежде всего неоправданно отождествление видовых систем по-разному устроенных разных языков Сибири в целом и уральских и алтайских языков в частности. Энецкая глагольная лексика, как и глагольная лексика других самодийских языков, очевидным образом распадается на два класса в зависимости от выражаемого значения «собственно вида», и потому можно говорить о словоклассифицирующей категории вида в энецком языке, а сходства и несходства этой категории с аналогичной категорией в русском языке, как было сказано, составляют предмет нашей статьи.

Следует также сказать о лексикографической практике. Как опубликованные словари лесного диалекта [Сорокина, Болина 2001; 2009], так и ориентированный в основном на тундровый диалект неопубликованный энецкий словарь [Хелимский, рук.], во-первых, рассматривают непроизводные энецкие глаголы и образованные от них аспектуальные дериваты как разные леммы, а во-вторых, более или менее последовательно дают перевод перфективных энецких глаголов русскими глаголами совершенного вида и, соответственно, перевод имперфективных энецких глаголов русскими глаголами несовершенного вида. Это ясно показывает, что, по крайней мере в практических целях, имплицитное отождествление энецкой категории вида с русской происходит интуитивно и может быть дополнительным указанием на адекватность трактовки энецкого языка как языка со словоклассифицирующим видом.

3. Энецкий вид и глагольная система

Как было сказано, глаголы энецкого языка разделяются на два класса: перфективные и имперфективные, причем ни один из этих классов не характеризуется каким-либо морфологическим маркером. Так, например, в (1) представлен перфективный глагол *pun-* ‘положить’¹⁰, а в (2) в аналогичной ему форме имперфективный глагол *ser-* ‘жалеть’; в (3) мы видим перфективный глагол *pɜrus-* ‘проткнуть’, а в (4) морфологически ему тождественный имперфективный глагол *kinus-* ‘петь’.

- (1) *kize miʔ puŋ-e-za*
посуда в положить-SOPL-3SG.SOPL
‘Он их положил в чашку’.
- (2) *buʔ anʔi nʔi-za seŋ-e-za*
он(а) и ребенок-NOM.PL.3SG жалеть-SOPL-3SG.SOPL
‘Она тоже жалеет своих детей’.
- (3) *manʔ ŋulʔi ŋo-lʔi uza-da pɜruʔə anʔi*
мол очень один-RESTR рука-OBL.SG.3SG тряхнуть.3SG.S и
‘Она сильно трянула одной рукой’.
- (4) *kinuʔə anʔi, man-ʔ nʔi-uʔ*
петь.3SG.S и сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
‘Он поет, она сказала’.

В примерах (1)—(4) приведены глаголы в морфологически наиболее простой (имеющей, согласно нашему анализу, нулевое маркирование, но для большинства морфологических

¹⁰ Мы последовательно используем в качестве глосс энецких имперфективных и перфективных глаголов, соответственно, русские глаголы несовершенного и совершенного вида. Из этого технического решения, разумеется, не следует, что мы предполагаем тождество дистрибуции перфектива и имперфектива в этих двух языках.

классов образующейся от особой основы¹¹) и наиболее широкоупотребительной форме Аориста (Неопределенного времени). В этой форме различие между перфективными и имперфективными глаголами наиболее очевидно, потому что у этой формы видовой характеристикой глагола обусловлена временная референция: перфективные глаголы в (1) и (3) имеют референцию к прошлому, а имперфективные в (2) и (4) — к настоящему. Сама форма Аориста представляет собой частный случай межъязыковой категории фактажива (см. подробнее [Шлуинский 2012]). Логика выбора временной интерпретации Аориста в зависимости от вида глагола отчасти напоминает логику выбора временной интерпретации формы морфологического настоящего времени в русском языке, которое имеет референцию к настоящему с имперфективными глаголами (как *рублю*) и к будущему с перфективными (как *куплю*). Энецкий Аорист ведет себя зеркальным образом, выбирая для перфективных глаголов, не совместимых с выражением длящейся ситуации в настоящем, прошедшее, а не будущее.

Временная референция обусловлена видом глагола и у некоторых других энецких модально-временных форм, не связанных между собою морфологически: временную референцию к прошлому у перфективных глаголов, как в (5) и (7), и референцию к настоящему у имперфективных глаголов, как в (6) и (8), имеют Суппозитив с показателем *-daraxa-/-taraxa-/-zaraxa-* и Пробабилитив с показателем *-ta-*.

- (5) *ejtu-dʲ to-zaraxa-ʔ kɔz*
свататься-CVB прийти-SUPP-3PL.S возможно
'Кажется, они приехали свататься'.
- (6) *ɛkon entʃeu-ʔ dʲago-zaraxa-ʔ tɔʔ*
здесь человек-PL не_иметься-SUPP-3PL.S сюда
'Здесь вроде бы нет людей'.
- (7) *pɛu-dʲ kan'e-ta-mʔ*
заготавливать_дрова-CVB уйти-PROB-3PL.S.CONT
'Наверное, они ушли за дровами'.
- (8) *entʃeu-ʔ kɔjabi-ta-mʔ*
человек-PL лгать-PROB-3PL.S.CONT
'Может быть, люди врут'.

Форма Перфекта с показателем *-bi-/-pi-* (ее употребление описано подробно в [О. Ханина, Шлуинский 2016]), демонстрирующая широкий круг эвиденциальных и адмиративных употреблений, с имперфективными глаголами может иметь референцию как к прошлому (9), так и к настоящему (10), тогда как с перфективными — только к прошлому (11).

- (9) *tʃike-ru-xon i dʲiri-bi-ʔ*
этот-RESTR-LOC.SG и жить-PRF-3PL.S
'Только этим и живут'.
- (10) *tonin dʲiri-bi sɛʔo dʲeri*
там.LOC жить-PRF.3SG.S семь день
'Там она жила семь дней'.
- (11) *mɔra dʲabuzaan kunibe-f kan'e-bi-jʔ*
берег вдоль бежать-CVB уйти-PRF-1DU.S/SOSG
'Мы убежали вдоль берега'.

Временная референция прочих модально-временных форм не определяется видом глагола, однако они также сохраняют собственно видовую характеристику, что наиболее

¹¹ В [Гусев 1994; Урманчиева 2006; 2013] представлен другой анализ, согласно которому в форме Аориста выделяется сегментный показатель с непростой морфонологией.

отчетливо может быть показано на примере пар деривационно связанных глаголов с близким лексическим значением. Так, например, предложения (12а—б) иллюстрируют видовой контраст в форме Будущего времени: в (12а) употреблена эта форма перфективного глагола *эста*- ‘накормить’, а в (12б) — производного от него имперфективным глаголом *эста-го*- ‘кормить’. Примеры (13а—б) показывают те же возможности для формы Конъюнктива перфективного глагола *то*- ‘прийти’ и имперфективного глагола *то-го*- ‘приходить’; в (14а—б) приведены имперфективный глагол *даго*- ‘не иметься, отсутствовать’ и производный от него перфективный глагол *даго-у*- ‘исчезнуть’ в форме Хабитуалиса.

- (12) а. *buniki-ni?* *tətʃkoz* *эста-да-з?*
собака-PL.1DU потом накормить-FUT-1SG.S
‘Наших собак я потом накормлю’.
- б. *fit* *эста-го-за-з?*
ты.ACC накормить-DUR-FUT-1SG.S
‘Я буду тебя кормить’.
- (13) а. *tʃeta?* *то-ni-d*
завтра прийти-SBJV-2SG.S
‘Пришел бы ты завтра!’
- б. *tʃike* *dʊdi-gon* *то-го-ni-d*
этот время-LOC.SG прийти-DUR-SBJV-2SG.S
‘Приходил бы ты в это время’.
- (14) а. *эбу-xuru sama* *даго-уби* *экон*
что-EVEN зверь отсутствовать-НАВ.3SG.S здесь
‘Никакого зверя здесь не бывает’.
- б. *nenago* *dʊri-xon* *kare to-?* *kare-zu?* *даго-м-уби*
комар месяц-LOC.SG рыба озеро-PL рыба-NOM.SG.3PL отсутствовать-INC-НАВ.3SG.S
‘В июле (букв. комарином месяце) в рыбных озерах исчезает рыба’.

Перфективные и имперфективные глаголы различаются с точки зрения регулярности образования некоторых нефинитных форм, а именно Причастия одновременности на *-да/-за* и Причастия предшествования на *-дуuj/-зуuj*. Причастие одновременности регулярно образуется от имперфективных глаголов, как в примере (15), тогда как примеры с ним от перфективных глаголов, как (16), крайне маргинальны. Напротив, для Причастия предшествования регулярно образование от перфективных глаголов, как в (17), хотя засвидетельствованы и крайне редкие примеры типа (18) с имперфективными глаголами. Такое поведение причастных форм сходно с тем, что наблюдается в русском языке: как известно, с точки зрения нормативной грамматики у русских перфективных глаголов не существует причастных форм «настоящего времени», но, как показано, в частности, в [Кириянов, Шагал 2011], такие формы все же представлены в естественных текстах.

- (15) *ηo-lʊi* *mε-kon* *tʃike* *lapka-xan* *məzara-da*
один-RESTR чум-LOC.SG этот магазин-LOC.SG работать-PTCP.SIM
entʃe? *dʊri-ʃ*
человек жить-3SG.S.PST
‘В одном доме жил этот человек, который работал в магазине’.
- (16) *ʃe-xon*, *mana*, *то-за* *entʃeu*
дыра-LOC.SG сказать.3SG.S прийти-PTCP.SIM человек.OVL
nʲe-e? *nɔdos*
NEG-1PL.S/SOSG слушать.CONN
‘Говорит, мы не слышали человека, который зашел в проем’.

- (17) *bunel'a-da me-zuuj kamoto-ku-da tfukutfi mɔruʔo-za*
 Бунеля-OBL.SG.3SG сделать-PTCP.ANT дом-DIM-OBL.SG.3SG весь сломать-3SG.SOSG
 'Он поломал весь домик, который сделал Бунеля'.

- (18) *ekoz vot to-go-zuuj d'a-xaz*
 этот.ABL вот прийти-DUR-PTCP.ANT земля-ABL.SG
mintferi-g-e-zuʔ toni-ʔ, bad-noju
 нести_c_собой-DISC-SOPL-3PL.SONSG туда-DIR недалеко-ADV
 'Вот отсюда с земли, на которую они приезжают, они его увозят туда, подальше'.

Наконец, говоря о взаимодействии энецкого вида с глагольной парадигмой, следует упомянуть о медиальной лично-числовой серии. В области глагольного согласования в энецком языке, как и в ненецких и нганасанском, представлена так называемая «расщепленная непереходность»: большая часть непереходных глаголов употребляется со стандартной (субъектной) серией лично-числовых показателей, а меньшая — с медиальной¹². Медиальная серия имеет ограничение на вид глагола: за некоторыми специальными исключениями¹³, эта серия сочетается только с перфективными глаголами, как в (19), в том числе с перфективными дериватами с показателем Инхоатива *-ru-/-lu-*, как в (20).

- (19) *mod'inaʔ pɛufum-noju kɔd-e-naʔ*
 мы вечер-ADV уснуть-M-1PL.M
 'Мы вечером уснули'.
- (20) *kuraxad pifi-l-e-zʔ ɛɛ-kuji-bʔ*
 даже смеяться-INCH-M-3SG.M мать-POOR-NOM.SG.1SG
 'Даже засмеялась моя покойная мать'.

4. Энецкий вид, аспектуальная деривация и морфологическое соотношение перфективных и имперфективных глаголов

В области аспектуальной деривации обнаруживается существенное отличие энецкой (самодийской) видовой системы от русской (славянской): если в славянских языках большинство непроемных глаголов являются имперфективными, а перфективные глаголы образуются от них при помощи перфективирующих показателей — глагольных приставок с исходным локативным значением (чему, разумеется, не противоречит существование и продуктивных имперфективирующих показателей), то в самодийских языках большинство непроемных глаголов перфективные, а имперфективные глаголы образуются от них с помощью имперфективирующих показателей, наряду с которыми существуют и перфективирующие показатели. При этом энецкие перфективирующие деривационные показатели связаны с фазовыми значениями, а не с локативными; именно несходство деривационных систем является в работе [Siegl 2011] одним из основных аргументов против постулирования в энецком языке категории вида, аналогичной русской. Сама система

¹² Традиционный термин — «возвратное (рефлексивное) спряжение».

¹³ Есть три типа исключений, все из которых засвидетельствованы весьма маргинально. Во-первых, если от перфективных глаголов образуются некоторые имперфективные дериваты, а именно Дуратив и Дисконтинуатив, то эти дериваты, будучи имперфективными глаголами, наследуют употребление медиальной серии от производящих глаголов. Во-вторых, с медиальной серией всегда сочетаются продуктивные дериваты с показателем Пассива *-la-*, в том числе и имперфективные дериваты от имперфективных глаголов, однако фактическое употребление Пассива регулярно с перфективными глаголами и крайне редко с имперфективными. В-третьих, имперфективный глагол *кэма-* 'хотеть' может принимать как субъектную лично-числовую серию, так и медиальную, наследуя этот выбор от зависимого глагола.

аспектуальных деривационных показателей подробно описана в [Сорокина 1975а; 1975б: 62—74; 1990; 2010: 292—308; Siegl 2011; 2013: 266—277], поэтому здесь мы ограничимся в основном их перечислением.

Среди имперфективирующих деривационных показателей продуктивными являются: Дуратив с показателем *-go-/-ko-*, обозначающий длящуюся фазу до достижения предела или имеющий хабитуальную интерпретацию: *pun-* ‘положить’ > *pu-go-* ‘класть’ (21), *feda-* ‘сделать’ > *feda-go-* ‘делать’; Мультипликатив с показателем *-r-* (в Аористе *-ŋa-*), обозначающий многоактное событие: *adu-* ‘сесть’ > *adu-r-* ‘сидеться многократно’ (22); *m̄dis-* ‘увидеть’ > *m̄disu-r-* ‘осматривать’; Дисконтинуатив с показателем *-ga-/-ka-*, обозначающий многократное событие: *bɛɛ-* ‘бросить’ > *bɛɛ-ga-* ‘бросать время от времени’ (23), *dʷzi-* ‘ударить’ > *dʷzi-ga-* ‘ударять время от времени’.

- (21) a. *kize miʔ puŋ-e-za*
посуда в положить-SOPL-3SG.SONSG
‘Он положил их в чашку’.
- b. *mense-r <...> baʔa-da ir*
старуха-NOM.SG.2SG <...> постель-OBL.SG.3SG под
pu-go-e-za tʃike k̄ru-ʔ
положить-DUR-SOPL-3SG.SONSG этот нож-PL
‘Старуха... под постель кладет эти ножи’.
- (22) a. *naree-j ɔdu-duʔ miʔ ad-e-ʔ*
медь-ADJ лодка-OBL.SG.3PL в сесть-M-3PL.M
‘Они сели в свою медную лодку’.
- b. *oom-odʷ adu-ŋa-ʔ tʃike aba-ʔ*
есть-SUP сесть-MULT-3PL.S этот куропатка-PL
‘Эти куропатки садятся кормиться’.
- (23) a. *ɛɛ-da tʃediʔ tɔz bɛɛ-za anʷi*
мать-OBL.SG.3SG гребень так бросить-3SG.SOSG и
‘Она так бросила гребенку матери’.
- b. *kɔdo nʷiz bɛɛ-ga-za*
сани из бросить-DISC-3SG.SOSG
‘Он его то и дело бросает из саней’.

Продуктивными перфективирующими деривационными показателями являются Инхоатив на *-ru-/-lu-*, обозначающий начальную точку процесса или состояния: *pɔʃeri-* ‘кружиться’ > *pɔʃeri-ru-* ‘закружиться’ (24), *kɔta-* ‘хотеть’ > *kɔta-ru-* ‘захотеть’, и Инцептив на *-u-* (в Аористе *-ma-*), обозначающий начальную точку состояния: *ɔzi-* ‘быть видимым’ > *ɔzi-u-* ‘появиться’ (25), *dʷago-* ‘отсутствовать, не существовать’ > *dʷago-u-* ‘исчезнуть, умереть’.

- (24) a. *kasaj-ʔ <...> ɛba-za pɔʃeri*
товарищ-NOM.SG.1SG <...> голова-NOM.SG.3SG кружиться.3SG.S
‘У моего товарища голова кружится’.
- b. *ɛba-jʔ pɔʃeri-ru-e-ʔ*
голова-NOM.SG.1SG кружиться-INCH-M-3SG.M
‘У меня голова закружилась’.
- (25) a. *itu-za ɔzi*
волосы-NOM.SG.3SG быть_видимым.3SG.S
‘Ее волосы видно’.

- b. *mense pɛɛ ʒzi-ma*
 старуха обувь быть_видимым-INC.3SG.S
 ‘Радуга (букв. старухин бокарь) появилась’.

Помимо перечисленных представлены и более редкие показатели аспектуальной деривации, каждый из которых засвидетельствован с несколькими производными глаголами, как имперфективирующие: *usu-* ‘встать чумом’ > *usu-be-* ‘стоять чумом’, *mɔta-* ‘отрезать’ > *mɔta-ru-* ‘резать’, *baze-* ‘вырасти’ > *baze-zu-* ‘расти’, *dʼabu-* ‘догнать’ > *dʼabu-du-* ‘догонять’, так и перфективирующие: *mɔzara-* ‘работать’ > *mɔzara-ka-* ‘начать работать’, *dʼe-* ‘болеть (о части тела)’ > *dʼe-fiuu-* ‘заболеть (о части тела)’.

Следует отметить, что аспектуальные деривации не ограничены в сочетаемости с производящими глагольными основами противоположного вида. Представлены отдельные примеры сочетаний перфективного исходного глагола с Инхоативом (26) и сочетаний имперфективного исходного глагола с Дуративом (27). Для Дисконтинуатива сочетание с имперфективными основами, создающее пары, как в (28), регулярно. Наконец, у Мультипликатива представлена дополнительная функция выражения значения альтернатива (разнонаправленного движения), и в этой функции он сочетается с имперфективными основами (29). Неограниченность деривации противоположным видом, как можно видеть, сравнима и с поведением аспектуальной деривации в русском языке: в принципе, перфективирующие глагольные приставки могут сочетаться и с перфективными исходными глаголами (как в случаях типа *купить* > *накупить*, *дать* > *отдать*), а у имперфективирующих суффиксов есть архаичное употребление с имперфективными исходными глаголами в многократном значении (как в случаях типа *жить* > *живать*).

- (26) *bi-ta kasu-r-e-zʔ*
 вода-NOM.SG.3SG высохнуть-INCH-M-3SG.M
 ‘Вода высохла (букв. стала высыхать)’.
- (27) *kafi-z anʼi mɔsara-goɔ-ʔ*
 мужчина-NOM.PL.2SG и работать-DUR-3PL.S
 ‘Твои товарищи тоже работают?’
- (28) a. *oka pɔ malʼe ɛkon tezaʔ dʼirie-zʔ*
 много год уже здесь сейчас жить-1SG.S
 ‘Я уже много лет здесь живу’.
- b. *baka-xan dʼiri-ga-zʔ*
 Прилуки-LOC.SG жить-DISC-1SG.S
 ‘Я иногда живу на Прилуках’.
- (29) a. *buʔ anʼi pɔɔne-naʔ neba*
 он(а) и за-OBL.SG.1PL бежать.3SG.S
 ‘А она бежит за нами’.
- b. *kezer kɔra nebi-ŋa*
 дикий_олень.OBL бык бежать-MULT.3SG.S
 ‘Дикий хор (букв. бык дикого оленя) бегаёт’.

Помимо образования глаголов одного вида от глаголов другого при помощи синхронно выделяемых показателей аспектуальной деривации, у отдельных пар глаголов представлены также и другие способы морфологического соотношения глаголов различного вида.

Во-первых, в ряде случаев глаголы несомненно являются однокоренными, но их морфологическая связь нерегулярна с синхронной точки зрения. Особый случай составляют рефлексы стативной деривации на *-w- (см. о ней [Гусев 2010]), как, например, *kɔda-* ‘уснуть’ > *kɔdʼi-* ‘спать’ (30), *banu-* ‘лечь (о животном)’ (с медиальной серией,

с /d/-алломорфами¹⁴) *> *banu-* ‘лежать (о животном)’ (с субъектной серией, с /z/-алломорфами), но представлены и другие нерегулярные пары, как, например, *m̄dis* ‘увидеть’ ~ *m̄deē* ‘видеть’ (31), *biixu-* ‘вспомнить’ ~ *biis-* ‘помнить’, *bunaru-* ‘потянуть’ ~ *bunir-* ‘натягивать’, *kamiza-* ‘понять’ ~ *kamiku-* ‘понимать’, *kaus-* ‘упасть’ ~ *kaur-* ‘падать’, *majza-* ‘замучить’ ~ *majku-* ‘мучить’, *n̄do-* ‘услышать’ ~ *n̄dos-* ‘слышать’, *ɔ-* ‘съесть’ ~ *oor-* ‘есть’.

- (30) a. *fuzebe-r* *k̄ɔd-e-z?*
 великан-NOM.SG.2SG уснуть-M-3SG.M
 ‘Великанша уснула’.
- b. *teza?* *oor-o-xaz-da* *fuzebe-r* *k̄ɔdi*
 сейчас есть-NMLZ-ABL.SG-OBL.SG.3SG великан-NOM.SG.2SG спать.3SG.S
 ‘Сейчас, поев, великанша спит’.
- (31) a. *t̄fike* *n̄e-r* *bu?* *fita* *m̄di?*
 этот женщина-NOM.SG.2SG он(а) он(а).ACC увидеть.3SG.S
 ‘Эта женщина тоже его увидела’.
- b. *teza?* *fizna?* *m̄deē*
 сейчас мы.ACC видеть.3SG.S
 ‘Сейчас она нас видит’.

Во-вторых, представлены отдельные пары глаголов, различающиеся видом и имеющей одинаковую основу, но присоединяющие разные серии лично-числовых показателей, так что имперфективный глагол употребляется с субъектной серией, а перфективный — с медиальной, как, например, *d̄iaru-* ‘плакать’ (с субъектной серией) ~ *d̄iaru-* ‘заплакать’ (с медиальной серией) (32), *n̄e-* ‘быть открытым’ (с субъектной серией) ~ *n̄e-* ‘открыться’ (с медиальной серией), *d̄iri-* ‘жить’ (с субъектной серией) ~ *d̄iri-* ‘ожить’ (с медиальной серией)¹⁵.

- (32) a. *n̄e-kutfa* *d̄iara,* *d̄iara*
 ребенок-DIM плакать.3SG.S плакать.3SG.S
 ‘Ребеночек плачет, плачет’.
- b. *pe-d* *ɔzi-ma-z?*, *ni,* *d̄iar-e-j?*
 улица-DAT.SG быть_видимым-INC-1SG.S ну заплакать-M-1SG.M
 ‘Я вышла на улицу, ну, заплакала’.

Наконец, представлен и маргинальный аналог русским так называемым двувидовым глаголам, то есть формально совпадающие перфективный и имперфективный глаголы, которые, однако, в конкретном употреблении получают в соответствующем контексте определенную видовую характеристику. Таковы глаголы *bazis-* ‘рассказывать’/‘рассказать’ и *mujs-* ‘мастерить’/‘смастерить’; примеры (33а) и (34а) показывают их употребление как имперфективных глаголов, а (33b) и (34b) — как перфективных.

¹⁴ Представлен целый ряд глагольных аффиксов, в которых основной алломорф начинается на /d/, тогда как у части глаголов лексически обусловлен алломорф на /z/: это форма Будущего времени *-da/-za-*, Суппозитив *-daraxa/-zaraxa*, Причастие одновременности *-da/-za*, Причастие предшествования *-duuj/-zuuj*.

¹⁵ В [Татевосов 2016] показано, что в ненецком языке такие соотношения намного более регулярны и продуктивны; в этой работе принята трактовка совпадающих основ, от которых образуются как формы субъектной, так и медиальной серии, как единой глагольной лексемы, что, в свою очередь, создает затруднения для анализа ненецкого вида как словоклассифицирующей категории. В энецком языке, однако, мы имеем дело только с непродуктивным набором таких пар, а потому естественна их трактовка как разных глагольных лексем с омонимичными основами.

- (33) а. *kɔku* *bii-t-e-n*, *bazis* *n'ie-zu?*
 сколько помнить-FUT-SOPL-1SG.SONSG рассказать.CONN NEG-1SG.S.CONT
 ‘Сколько помню, я же рассказываю’.
- б. *nɔn?* *bazis* *n'ie-zau?*
 я.DAT рассказать.CONN NEG-3SG.SOSG.CONT
 ‘Он ведь мне это рассказал’.
- (34) а. *tʃike* *entʃeu-?* *baza-xin-tu?* *kɔdo-zi-zu?* *mujʃe-?*
 этот человек-PL слово-LOC.PL-OBL.PL.3PL сани-DEST.PL-NOM.PL.3PL мастерить-3PL.S
 ‘Эти люди, мол, делают себе сани’.
- б. *kɔdo* *mujʃe*
 сани мастерить.3SG.S
 ‘Он сделал сани’.

Как показано выше, морфологически связанные энецкие глаголы противоположных видов могут иметь различное соотношение значений с точки зрения выражаемых фаз ситуации. В настоящей работе мы не ставим перед собой задачу описания энецкой акциональности, но необходимо отметить следующий существенный системный факт, отличающий энецкую видовую систему как от русской, так и от многих типичных словоизменительных аспектуальных систем. Ни исходные, ни производные перфективные энецкие глаголы не способны описывать длящуюся фазу ситуации — таким образом, в энецком языке применение перфективного аспектуального ракурса возможно только к точечной фазе. Иными словами, если сравнивать энецкую аспектуальную систему с русской, то в энецкой системе отсутствуют аналоги славянских перфективных способов действия типа делимитативного или пердуративного. Это позволяет сказать, что в энецком языке обнаруживается полное совпадение предельности и перфективности и неопределенности и имперфективности соответственно¹⁶.

5. Базовые употребления энецких перфективных и имперфективных глаголов

Самые базовые употребления перфективных vs. имперфективных глаголов в энецком языке укладываются в рамки типологических ожиданий относительно категории собственно вида в целом, вне зависимости от способа его выражения.

Перфективные глаголы описывают предшествующие точке отсчета законченные ситуации, достигшие своей кульминационной точки, будь то начало процесса или состояния (35) или достижение процессом своего естественного предела (36).

- (35) *leuru-bi-za*, *nad'k-ɔu*, *texɛ* *n'ie-r*
 закричать-PRF-3SG.SOSG Надька-EXCL вон ребенок-NOM.SG.2SG
entʃeu-? *pɔɔn* *nɛbu-r-e-ɔ?*
 человек-PL за бежать-INCH-M-3SG.M
 ‘Она крикнула: «Надька, вон твой ребенок побежал за людьми!»’

¹⁶ Этот факт верен также для ненецкого [Иосад и др. 2005] и селькупского [Казакевич 2008] языков, но не может быть экстраполирован на самодийские аспектуальные системы в целом, так как в гнасанском языке представлен показатель аспектуальной деривации, имеющий делимитативное значение [Гусев 2012: 329]. В работе [Казакевич 2008] на селькупском материале, с этой точки зрения аналогичном энецкому, делается утверждение о том, что понятие «категории вида» применительно к его аспектуальной системе излишнее — достаточно говорить о семантических акциональных категориях предельности и неопределенности. Как нам кажется, это прежде всего терминологический вопрос.

- (36) *vət, ɛba-da mɔta-zʔ*
 вот голова-OBL.SG.3SG отрезать-1SG.S
 ‘Вот, я отрезала ее голову’ {говорящий комментирует разделку рыбы}.

Имперфективные глаголы описывают длящиеся ситуации, синхронные точке отсчета, в частности моменту речи. Примеры (37)—(38) показывают употребление имперфективных глаголов, описывающих предельный и неопредельный процессы, одновременные с моментом речи, а (39) — синхронное точке отсчета длительное состояние.

- (37) *lizi-za kaʔara-goo-zʔ tezaʔ*
 кость-NOM.PL.3SG снять-DUR-1SG.S сейчас
 ‘Сейчас я снимаю ее кости’ {говорящий комментирует разделку рыбы}.

- (38) *kasa-r ɔbu pən'iŋaʔ*
 товарищ-NOM.SG.2SG что делать.3SG.S
 {Реплика из диалога:} ‘Что {сейчас} делает твой товарищ?’

- (39) *nɛ n'e-jʔ ɛkon ɖiri tʃi*
 женщина ребенок-NOM.SG.1SG здесь жить.3SG.S вот
 ‘Дочь моя живет вот здесь’ {говорящий показывает на дом своей дочери}.

В частности, в нарративе перфективные глаголы используются для выражения основной линии повествования (40), а имперфективные — для фоновых предикаций (41), в том числе и в тех случаях, когда фоновый характер предикации не связан с «объемлющей» все повествование длительностью ситуации, а определяется просто тем, что выражается фоновая информация, как в (42); для энцких имперфективных глаголов в функции фоновых употреблений в нарративе характерна форма Аориста, в нейтральном контексте имеющая с ними референцию к настоящему, как в (43).

- (40) *kɔdi-za-xa-naʔ fize entʃe-giʔ toɔ-xiʔ*
 спать-PTCP.SIM-DAT.SG-OBL.SG.1PL два человек-DU прийти-3DU.S
 ‘Пока мы спали, пришли два человека’.

- (41) *te-xin mɔzara-buʔuj-niʔ ti-naʔ oka-an kadɛŋa-tʃ*
 олень-LOC.PL работать-CVB.SIM-OBL.SG.1SG олень-NOM.PL.1PL болеть-3PL.S.PST много-PROL.SG
 ‘Когда я работал в оленеводстве, наши олени много болели’.

- (42) *modʔ anʔi pɔtse-ɪf kaji-zutʃ anʔi, uzi-nʔi kɔlta-goo-zutʃ*
 я и последний-TRANSL остаться-1SG.S.PST и рука-PL.1SG мыть-DUR-1SG.S.PST
 ‘А я остался последним: я руки мыл’ {основная линия: говорящий остался последним; фоновая информация: в связи с тем, что говорящий мыл руки}.

- (43) *ŋɔbʔkutun mesie-ʔ tʃike entʃeu-ʔ*
 однажды кочевать-3PL.S этот человек-PL
 ‘Ну, однажды эти люди аргишили (букв. аргишат)’.

Помимо эпизодической интерпретации, при которой выражается единичная длящаяся ситуация, имперфективные глаголы могут также иметь habituальную интерпретацию (44). В этой интерпретации имперфективные глаголы в нейтральных с точки зрения habituальности формах конкурируют со специализированным словоизменительным маркером habituалиса, сочетающимся с глаголами того и другого вида, как было показано выше в примерах (12a—b).

- (44) *kazdij d'eri nɔʔɔjra-ʔ ni-mʔ tʃezi-gon*
 каждый день ловить-CONN NEG-3PL.S.CONT майт-LOC.SG
 ‘Каждый день они ведь ловят [оленей] майтом’.

6. Употребление энецких имперфективных глаголов в сопоставлении с русскими

Энецкие имперфективные глаголы во многом повторяют дистрибуцию русского несовершенного вида, но в одних случаях дистрибуция более узкая, а в других более широкая. Ниже мы рассмотрим соответствия и несоответствия употребления энецкого имперфектива контекстам, в которых можно ожидать употребление русского несовершенного вида.

Как и русские глаголы несовершенного вида, энецкие имперфективные глаголы употребляются в контексте обстоятельств неограниченной (45) или ограниченной (46)—(47) длительности. В [Dahl 1985: 76—77] такие употребления имперфектива рассматриваются как характерные для славянских (или же «славянского типа») видовых систем и не ожидаются от типологически более стандартных словоизменительных имперфективных граммем.

- (45) *ɔbu-xoa katʃe? ɛ-sa-u?, kudaxaa kadeŋa-zuʃ*
 что-ТОР болезнь быть-Q-3SG.S.CONT долго болеть-1SG.S.PST
 ‘Какая-то болезнь, наверное, была, долго я болела’.

- (46) *ʃize d'eri kasu-go-za*
 два день высохнуть-DUR-FUT.3SG.S
 ‘Два дня он будет сохнуть’.

- (47) *d'iri nənena? d'iri-sa-u?*
 месяц мы.LOC жить-Q-3SG.S.CONT
 ‘Месяц он с нами, наверное, жил’.

Как и русские глаголы несовершенного вида, энецкие имперфективные глаголы могут иметь так называемое «общефактическое значение», то есть выражать законченную ситуацию в прошлом, в особенности в тех случаях, когда эта ситуация — состояние или непределительный процесс и не имеет естественной завершающей точки. Как показано в [Dahl 1985: 75—77], и такие контексты представляют собой нетривиальную особенность славянского имперфектива, будучи в целом нехарактерны для имперфективных граммем. Так, в (48) приведена вопросно-ответная пара, в обеих репликах которой использованы имперфективные глаголы, выражающие законченные деятельности; в (49)—(50) выраженные имперфективными глаголами процессы ограничены обстоятельством времени ‘вчера’, а в (51) представлен имперфективный глагол устойчивого состояния, ограниченного сроком жизни аргумента.

- (48) — *ɛke d'eri-xon ɔbu pən'i-d'a-d?*
 этот день-LOC.SG что делать-Q-2SG.S
 — *mɔzara-zuʃ*
 работать-1SG.S.PST

‘Что ты сегодня делала? — Работала’.

- (49) *tʃe-noju tʃi-ŋa-batʃ, ʃizza? n'ɛ-etʃ ko-ʔ*
 вчера-ADV лететь-MULT-1PL.S/SOSG.PST вы.ACC NEG-1SG.S/SOSG.PST найти-CONN
 ‘Мы вчера летали [на вертолете], вас не нашли’.

- (50) *ɔzi-za ɔdu-ʃ? ɛu? tɔza-xu-ʃ?*
 быть_видимым-PTCP.SIM лодка-NOM.SG.1SG сюда принести-NORT-1DU.S
ʃee-xoo pən'i-bi-za tʃe-noju
 кто-ТОР делать-PRF-3SG.SOSG вчера-ADV

‘Давай принесем сюда мою лодку, которую ты видишь, кто-то, очевидно, ею пользовался вчера’.

- (51) *bu mɔzaʔa-da sɔʒa-an kɔmita-zaf*
 он работа-OBL.SG.3SG хороший-PROL.SG любить-3SG.SOSG.PST
 ‘Он очень любил свою работу’.

Помимо не отягощенных дополнительными семантическими оттенками употреблений в значении завершенной ситуации, энецкие имперфективные глаголы употребляются и в экспериенциальных контекстах, сообщающих сам факт (опыт) участия аргумента в соответствующей ситуации (в терминах [Падучева 1996: 43—46; 1998] — общефактическое экзистенциальное). Так, в (52) представлено употребление имперфективного глагола с указанием на факт осуществления ситуации в течение жизни человека, а в (53) — на факт ее осуществления в рамках релевантного периода времени (в данном случае сезона). Прямые соответствия так называемому «общефактическому двунаправленному» [Гловинская 1982: 122—124; Падучева 1998], то есть использование для завершенной ситуации с уже аннулированным результатом имперфективного глагола, отличающегося от соответствующего перфективного только видовым значением, как в примере (54), представлены в энецком материале крайне маргинально; однако вполне характерно употребление в аналогичных контекстах других имперфективных глаголов. Так, в примере (55), денотативно соответствующем отмененной ситуации ‘прийти’, где в русском языке (как и в русском переводе) требуется глагол *приходить*, употребляется имперфективный глагол *d'azur-* ‘ходить’.

(52) *mod'-xoo kuna-xoo oona-zutf torse oza*
я-ТОР когда-ТОР есть-1SG.S.PST такой мясо
‘Я-то когда-то ел такое мясо’.

(53) *badu-? nie-zutf d'azu-r-?*
тундра-DIR NEG-1SG.S.PST идти-MULT-CONN
‘В тундру я не ходил’.

(54) *kuna-xoo val'a eke eu? meziza-f nod to-go-sa?*
когда-ТОР Валя этот сюда гостить-CVВ ты.DAT прийти-DUR-Q.3SG.S
‘Когда-нибудь Валя к тебе в гости сюда приезжала?’

(55) *bud'i? kod'i-za-xa-d'i? d'azu-bi*
они_(двое) спать-PTCP.SIM-DAT.SG-OBL.SG.3DU идти.MULT-PRF.3SG.S
‘Пока они спали, он приходил (букв. ходил)’ {речь идет о том, что герои нарратива пытались подкараулить медведя, разорвавшего их вещи, но заснули}.

В то же время между употреблениями русских и энецких имперфективных глаголов для выражения завершенной ситуации не обнаруживается полного параллелизма. С одной стороны, следует отметить, что русским глаголам несовершенного вида в «общефактическом значении» могут соответствовать и энецкие перфективные глаголы (см. раздел 7). С другой стороны, возможность выражать завершенную ситуацию у имперфективных глаголов в энецком языке шире, чем в русском: как было сказано, в энецком языке невозможен перфективный аспектуальный ракурс для длящихся фаз ситуаций, в связи с чем в тех контекстах, в которых в русском языке регулярно употребление делимитативных глаголов, в энецком языке регулярно употребляются имперфективные глаголы. Пример (56) иллюстрирует такое употребление имперфективных глаголов в нарративе, а (57) — в модальном контексте.

(56) *kiuz-noju nie-? ner-e-z?, oona-?*
утро-ADV ребенок-PL встать-М-3PL.M есть-3SG.S
‘Утром дети встали, поели (букв. едят)’.

(57) *otuz-noju nie-d masara-d*
осень-ADV NEG-2SG.S работать-FUT.CONN
‘Осенью не поработаешь (букв. не будешь работать)’.

Как и русские глаголы несовершенного вида, энецкие имперфективные глаголы могут иметь капацитивное значение — значение способности как генерализации повторяющейся

ситуации (в терминах [Падучева 1996; 1998], «потенциальное» значение несовершенного вида), как в (58)—(59).

- (58) *kasa-jʔ* *ani* *ɛnej* *baza-an* *dʔrija*
товарищ-НОМ.СГ.1СГ и настоящий слово-ПРОЛ.СГ разговаривать.3СГ.С
‘Мой товарищ тоже говорит на энецком языке’.
- (59) *kere-ta* *poguŋa-f*
сам-ОБЛ.СГ.3СГ рыбачить-3СГ.С.ПСТ
‘Она сама рыбачила’.

Как и в русском языке, с фазовыми глаголами в энецком языке сочетаются имперфективные глаголы, что можно видеть в примерах (60)—(62), где с различными глаголами, выражающими фазовые значения, сочетаются имперфективные инфинитивы, в случае необходимости — с имперфективирующими показателями аспектуальной деривации, как в (62). В то же время, в отличие от русского языка, в энецком употребление имперфектива с фазовым глаголом является не жестким правилом, а строгой тенденцией — так, в энецких текстах засвидетельствовано несколько примеров, где наиболее употребительный фазовый глагол *pɛ-* ‘начать’ сочетается с перфективными фазовыми глаголами, как в (63).

- (60) *pogu-dʔ* *dʔsie-d*
рыбачить-СВВ закончить-2СГ.С
‘Ты уже закончил рыбачить’.
- (61) *modʔ* *ani* *buniki-jʔ* *mazu-dʔ* *ŋaar-e-zʔ*
я и собака-НОМ.СГ.1СГ лаять-СВВ перестать-М-3СГ.М
‘А собака моя перестала лаять’.
- (62) *toni-ʔ* *tɔda-go-f* *tɔz* *pɛɛ-b* *ani*
туда-ДИР залезть-ДИР-СВВ как начать-1СГ.СОСГ и
‘Как я начал туда подниматься’.
- (63) *pɔguru-f* *pɛ-d* *nʔe-buʔ*
сплести-СВВ начать-ФУТ.СОНН НЕГ-1СГ.СОСГ.СОНТ
‘Я начну плести (букв. сплести)’.

7. Употребление энецких перфективных глаголов в сопоставлении с русскими

Совпадая с русскими перфективными глаголами в том, что касается базовых употреблений, энецкие перфективные глаголы имеют заметно более широкую дистрибуцию.

Как и русские глаголы совершенного вида, энецкие перфективные глаголы сочетаются с обстоятельством кратности¹⁷, как в (64).

- (64) *tɔmini-nʔ* *tɔri* *ʃize* *raz* *tɔri* *nɔbuza-a*
так_и-ОБЛ.СГ.1СГ так два раз так отпустить-1СГ.СОСГ
‘Так я ее упустил два раза’.

Как и русские глаголы совершенного вида, энецкие перфективные глаголы сочетаются с обстоятельством срока (65), хотя следует отметить, что формально такие обстоятельства не отличаются от обстоятельств длительности, ср. приводившиеся выше примеры (46)—(47).

¹⁷ Следует отметить, что это редкий контекст в энецких текстах, а само слово *raz* ‘раз’, образующее такие обстоятельства, заимствовано из русского языка.

- (65) *nexu? d'eri kasu-da, nexu? d'eri*
 три день высохнуть-FUT.3SG.S три день
 ‘За три дня высохнет, за три дня’.

Энецкие перфективные глаголы чаще, чем русские глаголы совершенного вида, употребляются в контекстах, где сообщается о факте единичной законченной предельной ситуации, — иными словами, в ряде случаев на месте русского несовершенного вида в «общефактическом значении» в энецком языке употребляется перфектив. С одной стороны, наряду с имперфективными глаголами, как в (52)—(53), в энецком языке в экспериенциальном значении могут употребляться и перфективные, как в (66)—(67). Таким образом, по-видимому, зона экспериенциальных контекстов в энецком языке поделена между имперфективными и перфективными глаголами в зависимости от глагола, однако этот вопрос требует отдельного исследования.

- (66) *mod' an'i tərse mutfi? nɔdo-f nɔdo-? i-si-bu? an'i*
 я и такой обычай услышать-CVВ услышать-CONN NEG-Q-1SG.SOSG.CONT и
 ‘А я этот обычай слышать-то слышал (букв. услышать-то слышал ведь)’.

- (67) *mɔdi?ε-buf tfike fe*
 увидеть-1SG.SOSG этот дыра
 ‘Я видел (букв. увидел) эту дырку {в дырвом камне}’.

С другой стороны, наряду с показанным в примерах (54)—(55) употреблением энецких имперфективных глаголов в контекстах русского несовершенного вида в «общефактическом двунаправленном» значении, энецкий язык располагает иной стратегией для выражения завершенной ситуации в прошлом, результат которой не сохраняет актуальность: для выражения самого аспектуального значения завершенной ситуации в прошлом используется перфективный глагол, а для выражения семантического компонента аннулированного результата — форма Прошедшего времени, значение которой состоит не только в выражении временной референции к прошлому, но и в снятии актуальности ситуации в точке отсчета (см. подробнее о самодийском Прошедшем времени [Урманчиева 2005; 2006; 2016; Плунгян, Урманчиева 2015]). Так, в примере (68), где речь идет о единичном неактуальном завершенном действии в прошлом, употреблен перфективный глагол *kolta-* ‘вымыть, выстирать’, тогда как в его русском переводе использован глагол несовершенного вида *стирать* (и замена его на совершенный вид — употребление формы *выстирала* — дает неадекватный контексту перевод, так как подразумевает сохранение результата ‘платье выстирано’); аналогично в (69) перфективному глаголу *to-* ‘прийти’ в форме Прошедшего времени соответствует русский глагол несовершенного вида *приходить*.

- (68) *mod' eke palat'a-je-j? sedee kere-ni? kolta-af*
 я этот платье-PEJ-NOM.SG.1SG прошлый сам-OBL.SG.1SG вымыть-1SG.SOSG.PST
 ‘Я это платье давно сама стирала (букв. выстирала (было)). {А сейчас оно опять испачкалось}’.

- (69) *bɔgulia εu? to-?f*
 медведь сюда прийти-3SG.S.PST
 ‘Медведь сюда приходил (букв. пришел (было)). {А потом ушел, после того как в его сторону выстрелили}’.

Наряду с более широким, чем в русском языке, употреблением перфективных глаголов для выражения завершенных ситуаций в прошлом, энецкие перфективные глаголы также систематически употребляются на месте русских глаголов несовершенного вида в контекстах, во многом подразумевающих нейтрализацию аспектуального контраста, а именно при модальных глаголах (70)—(71) и в императиве (72)—(73). В то же время энецкий

язык располагает и возможностью употребления в таких контекстах имперфективных глаголов в тех случаях, когда в коммуникативное намерение говорящего входит подчеркивание именно внутреннего ракурса длящейся фазы ситуации; (74) показывает употребление имперфектива с модальным глаголом, а (75a—b) — контраст перфективного и имперфективного глагола в императиве.

(70) *te-ʔ pɔɔn an'i kan'je-f n'i-uʔ tara-ʔ*
 олень-PL за и уйти-CVB NEG-3SG.S.CONT быть_нужным-CONN
 'За оленями опять ведь надо идти (букв. уйти).'

(71) *pizi mε-f d'ɔxara-ʔ n'i-uʔ*
 гнездо сделать-CVB не_знать-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'Она же не умеет делать (букв. сделать) гнездо.'

(72) *εse-kuji-bʔ man-ʔ n'i-uʔ,*
 отец-POOR-NOM.SG.1SG сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
kɔda-zʔ, kɔda-zʔ taxa-ʔ
 уснуть-2SG.M.IMP уснуть-2SG.M.IMP там-DIR
 'Мой отец сказал: «Спи, спи (букв. усни, усни) там!»'

(73) *d'a sama-ʔ, toɔ-raʔ, toɔ-raʔ*
 земля зверь-PL прийти-2PL.S/SOSG прийти-2PL.S/SOSG
 'Звери земли, идите сюда, идите сюда (букв. придите, придите)!'

(74) *ɔsa feda-go-f tara*
 мясо сделать-DUR-CVB быть_нужным.3SG.S
 'Надо разделявать мясо.'

(75) a. *adu-zʔ kɔdo-d n'iʔ*
 сесть-2SG.M.IMP сани-OBL.SG.2SG на
 'Садись (букв. сядь) на сани!'

b. *pe-xon ad'i-ʔ, i-z tʃu-ʔ mε-t*
 улица-LOC.SG сидеть-2SG.S.IMP NEG-2SG.IMP войти-CONN чум-DAT.SG
 'Сиди на улице, не входи в чум!'

Как и русские глаголы совершенного вида, энецкие перфективные глаголы в форме Будущего времени употребляются в потенциальном значении с генерализованным аргументом (76)—(77), а также для выражения многократной ситуации («наглядно-примерное значение»); при этом возможность таких употреблений у энецкого перфектива шире, чем у русского: так, если (78) с генерализованным аргументом представляет собой характерный контекст русского «наглядного-примерного значения», то (79) с конкретно-референтным аргументом, где также использован энецкий перфективный глагол для выражения повторяющейся ситуации, в русском переводе требует несовершенного вида. Наконец, энецкие перфективные глаголы в форме Будущего времени маргинально употребляются и для обозначения единичной длящейся ситуации в настоящем (80). Употребления типа (80), несомненно, объясняются не собственно видовой семантикой энецкого перфектива, а тем, что энецкий показатель Будущего времени *-da-/-za-/-ta-* диахронически происходит из показателя имперфективирующей деривации (см. подробнее [Урманчиева 2006])¹⁸; вопрос о том, насколько многократные и потенциальные употребления Будущего времени перфективных

¹⁸ Этот показатель сохраняет характерную формальную черту деривационных показателей, отличающую их от словоизменительных. Как известно, в уральских языках основная отрицательная конструкция состоит из вспомогательного отрицательного глагола, берущего на себя все глагольное словоизменение, и специализированной формы лексического глагола — коннегатива; однако энецкий показатель Будущего времени в отрицательной конструкции присоединяется именно к основе

глаголов связаны с видом глагола или с особенностями показателя времени, мы в настоящее время оставляем открытым.

- (76) *bun'i to-zʔ, kere-ta ni to-zʔ*
 NEG.EMPH.3SG.S прийти-FUT.CONN сам-OBL.SG.3SG NEG.3SG.S прийти-FUT.CONN
 ‘Он {далеко ушедший олень} не придет, сам не придет’.
- (77) *tezaʔ sabie tuzuku n'e-d ko-d*
 сейчас особенно гриб NEG-2SG.S найти-FUT.CONN
 ‘Сейчас особенно грибов не найдешь’.
- (78) *pizi-d keu-d neru-d-e-di, baxa-la-da-r*
 гнездо-OBL.SG.2SG сторона-DAT.SG встать-FUT-M-2SG.M заговорить-CAUS-FUT-2SG.SOSG
 ‘Встанешь возле гнезда, заговоришь с ним’.
- (79) *tʃike nezi-ku-r an'i toni-ʔ keu-d an'i kanu-ta*
 этот теленок-DIM-NOM.SG.2SG и туда-DIR сторона-DAT.SG и уйти-FUT.3SG.S
 ‘А этот теленок {все время} обратно уходит (букв. уйдет)’.
- (80) *naza ŋul'i nizu-ta-za*
 мох очень порвать-FUT-3SG.SOSG
 ‘Он всю ягель рвет’.

В отличие от русского языка, в энецком отсутствует ограничение на употребление перфективных глаголов (в стандартном значении) в императиве при отрицании, за счет чего в прохибитивных контекстах систематически возникает соответствие энецкого перфектива русскому несовершенному виду, как в (81a) и (82a). Энецкий императив при отрицании, таким образом, наряду с другими контекстами, различает перфективный, как в (81a) и (82a), и имперфективный, как в (81b) и (82b), аспектуальный ракурс.

- (81) a. *tʃike nezi-ku-r fee-xuru-d i-z mis*
 этот теленок-DIM-NOM.SG.2SG кто-EVEN-DAT.SG NEG-2SG.IMP дать.CONN
 ‘Этого теленка никому не отдавай (букв. не отдай)’.
- b. *kasa-xa-d i-z mi-ko-ʔ*
 товарищ-DAT.SG-OBL.SG.2SG NEG-2SG.IMP дать-DUR-CONN
 ‘Не давай его своей сестре!’
- (82) a. *ʃiʔ i-z ɔ-ʔ*
 я.ACC NEG-2SG.IMP съесть-CONN
 ‘Меня не ешь (букв. не съешь)!’
- b. *oo-da ɔburu i-z oor-ʔ, tʃike an'i i-z oor-ʔ*
 есть-PTCP.SIM вещь NEG-2SG.IMP есть-CONN этот и NEG-2SG.IMP есть-CONN
 ‘Еду не ешь, и это тоже не ешь!’

Есть два специфических контекста, в которых в энецком языке употребляются только перфективные глаголы. Во-первых, это конструкции с отрицательным глаголом *kitʃe-* ‘чуть не’ (83). Во-вторых, это позиция зависимого предиката матричного глагола *lɔzɪs-* ‘не смочь’ (84).

- (83) *buniki-jʔ <...> kitʃe-za nɔʔɔ-ʔ*
 собака-NOM.SG.1SG чуть_не-3SG.SOSG схватить-CONN
 ‘Моя собака чуть его не поймала’.

лексического глагола, тогда как отрицательный глагол при сочетании с коннегативом Будущего времени употребляется в форме Аориста.

- (84) *kɔru-xon mɔta-f lɔziʔe-ziʔ maɣa-da*
 нож-LOC.SG отрезать-CVB не_смочь-3DU.SOSG спина-OBL.SG.3SG
 ‘Ножом они не смогли отрезать ее спину’.

8. Энецкий вид и аспектуальная композиция

Проблематика аспектуальной композиции, отрефлексируемая в работах М. Крипки [Krička 1992; 1998], связана с тем, как кумулятивность vs. квантованность¹⁹ аргумента влияет на предельность предикации. В английском языке, как и во многих других, если один из аргументов глагола является «инкрементальным» (наиболее употребительный термин из [Dowty 1991]; в [Падучева 2004] предложен русскоязычный термин «накопитель»), то квантованность этого аргумента ведет к предельности предикации, как в английских предложениях *He wrote a letter* ‘Он написал письмо’ и *He wrote the letters* ‘Он написал письма {известное конечное множество писем}’, тогда как кумулятивность этого аргумента — к неопределенности, как в английском предложении *He wrote letters* ‘Он пописал письма {неопределенное множество писем}’; существенно, что в обоих случаях мы имеем дело с одной и той же — перфективной — глагольной формой *wrote* ‘написал, пописал’. В [Dahl 1985: 75] было отмечено, что в славянских языках с их особым типом видовой системы мы наблюдаем иную картину: при сочетании перфектива с потенциально кумулятивным инкрементальным аргументом, как в русском предложении *Он написал письма*, предельность предикации сохраняется (ср. неграмматичность **Он написал письма два часа*), но инкрементальный аргумент в принудительном порядке интерпретируется как квантованный — в отличие от предложения *Он писал письма*, в предложении *Он написал письма* именная группа *письма* значит только ‘известное конечное множество писем’ (аналогично англ. *the letters*), но не ‘неопределенное множество писем’. Иными словами, если в английском языке за предельность глагола с инкрементальным аргументом отвечает этот аргумент, то в русском языке — сам глагол. Особенности русской и, шире, славянской аспектуальной композиции подробно исследованы в работах Х. Филип [Filip 1999; 2005] и Е. В. Падучевой [Paducheva 2009], а в [Татевосов 2009; 2015: 146] показано, что аналог славянской аспектуальной композиции может быть обнаружен и в языках других семей и ареалов.

Энецкая аспектуальная композиция повторяет русскую: предельность предикации однозначно задана глаголом и не зависит от свойств инкрементального аргумента. Более того, если в русском языке необходимо обращаться к лексически заданной предельности глагола, в общем случае не предопределяемой его аспектуальной характеристикой (предикация с *написать* всегда будет предельной, а с *пописать* — неопредельной, притом что оба глагола являются перфективными), то в энецком языке, где, как было сказано, перфективный ракурс невозможен применительно к длящейся фазе ситуации, можно говорить об аспектуальной композиции непосредственно перфективных vs. имперфективных глаголов.

Энецкие имперфективные глаголы всегда неопредельны; если сочетание энецкого имперфективного глагола с лексически кумулятивным инкрементальным аргументом (85a) не приводит ни к каким семантическим эффектам, то сочетание имперфективного глагола с лексически квантованным инкрементальным аргументом (85b) приводит к его реинтерпретации как кумулятивного и тем самым позволяющего неполное вовлечение в ситуацию. Энецкие перфективные глаголы всегда предельны; если сочетание перфективного глагола

¹⁹ Кумулятивность и квантованность определяются через (не)выполнение аддитивности: для кумулятивного объекта или предиката (в логике и формальной семантике в обоих случаях речь идет о предикате — именном или глагольном) верно, что любая его часть будет тем же объектом (например, любая часть *воды* является *водой*), тогда как для квантованного предиката это неверно (например, любая часть *яблока* не является *яблоком*). Более детальное и формализованное обсуждение этих понятий можно найти в [Krička 1992; 1998; Filip 2005; Татевосов 2015: 126—131].

с лексически квантованным инкрементальным аргументом (85с) семантически тривиально, то сочетание перфективного глагола с лексически кумулятивным инкрементальным аргументом (85d), как и в русском примере выше, приводит к его реинтерпретации как квантованного.

- (85) a. *kirba oona-batf*
хлеб есть-1PL.S/SOSG.PST
'Мы ели/поели хлеб {неопределенное количество хлеба}' (elic.).
- b. *no-lu kare oona-batf, pere-za kaja*
один-RESTR рыба есть-1PL.S/SOSG.PST половина-NOM.SG.3SG остаться.3SG.S
'Мы ели/поели одну рыбу {неопределенное количество мяса одной рыбы}, половина ее осталась' (elic.).
- c. *no-lu kare ama-batf*
один-RESTR рыба съесть-1PL.S/SOSG.PST
'Мы съели одну рыбу' (elic.).
- d. *kirba ama-batf*
хлеб съесть-1PL.S/SOSG.PST
'Мы съели хлеб {известное конечное количество хлеба}' (elic.).

В (86) приведены естественные примеры, аналогичные идеальным с точки зрения сопоставимости элицитированным (85). В (86a) имперфективный глагол *oor-* 'есть' сочетается с кумулятивным инкрементальным аргументом *tu?* 'сало, жир' и имеет ожидаемую предельную интерпретацию, но и в (86b), сочетаясь с квантованным инкрементальным аргументом *se?o kra-je* 'семь больших быков', он также имеет предельное прочтение, реинтерпретируя этот аргумент как кумулятивный 'запас мяса из семи больших быков'. В (86с) перфективный глагол *ə-* 'съесть' имеет предсказуемую предельную интерпретацию с квантованным инкрементальным аргументом *no? te* 'один олень', как и в (86d), поскольку кумулятивный инкрементальный аргумент *d'odazu katliet?* 'щучьи котлеты' реинтерпретируется как квантованный 'известное конечное количество щучьих котлет'.

- (86) a. *tšiba-d ese teni ba?a-xan tuz oo-da-za*
Чибя-ОБЛ.СГ.2СГ отец противоположный постель-ЛОС.СГ сало.ОБЛ есть-FUT-3СГ.СОСГ
'Отец Чибя на той стороне будет есть жир'.
- b. *eke se?o kra-je, mana, d'a tero oo-da-za*
этот семь бык-РЕЖ сказать.3СГ.С земля население есть-FUT-3СГ.СОСГ
'Эти семь бычищ, — она сказала, — население Земли будет есть'.
- c. *no-koo te ə-? nie-zim?*
один-ТОР олень съесть-CONN NEG-3ДУ.СОСГ.СОТ
'Одного оленя они таки съели'.
- d. *d'ibe-f d'odazu katliet-? əm-e-zaf*
быть_пьяным-СВВ шука котлета-ПЛ съесть-СОПЛ-3СГ.СОПЛ.ПСТ
'Он пьяный съел щучьи котлеты'.

В (85)—(86) приведены примеры с пациентивным инкрементальным аргументом (инкрементальной темой), но «славянский» тип аспектуальной композиции представлен в энецком языке и с другими инкрементальными аргументами. Так, примеры (87a—с) показывают сочетание энецких перфективных и имперфективных глаголов с так называемым инкрементальным путем («incremental path theme» по [Dowty 1991]). В (87a) инкрементальный путь задан через указание на его протяженность, а в (87b) — указанием на конечную точку, и в обоих случаях употреблены перфективные глаголы *kan'e-* 'уйти, пройти' и *tə-* 'дойти',

а предикации описывают предельные ситуации, которые завершены после того, как путь пройден полностью. В (87с) также представлено указание на конечную точку, но употреблен имперфективный глагол *d'azu-* 'идти', предикация получает неопредельную интерпретацию, и указание на конечную точку только задает направление движения.

- (87) a. *biu? metra piro-on kan'e-z?*
 десять метр мера-PROL.SG уйти-1SG.S
 'Я прошел примерно метров десять'.
- b. *kasa-ni? no? biz baru-d to-e-ni?*
 товарищ-OBL.SG.1SG с вода.OBL край-DAT.SG дойти-M-1DU.M
 'Мы с товарищем дошли до берега'.
- c. *nadu-saj guli entfeu-? d'ez d'aza-f*
 рог-СОМ очень человек-PL в_сторону идти-3SG.S.PST
 'Он шел рогами прямо на людей'.

Таким образом, энецкая аспектуальная деривация повторяет славянскую, и можно предположить, что «славянский» тип аспектуальной композиции не случайно представлен в словоклассифицирующих аспектуальных системах, хотя эта связь нуждается в более массовой проверке²⁰. В силу того, что аспектуальное значение — и связанное с ним акциональное — зафиксировано у глагольной лексемы, вполне ожидаемо, что оно будет сохраняться во всех контекстах ее употребления, а значит, семантическим эффектам будет подвергаться не акциональная семантика предикации, а семантика аргументов.

9. Заключение

В настоящей работе была рассмотрена словоклассифицирующая видовая система энецкого языка в сопоставлении с русской.

Как можно видеть, самые яркие особенности русского и, шире, славянского вида представлены и в энецком языке и, хотя это и требует дальнейшего исследования и не обсуждалось в этой статье, могут быть спроецированы на самодийский вид в целом. Во-первых, это употребление имперфектива с обстоятельствами длительности: как в русском, так и в энецком языках контексты обстоятельств длительности типа 'долго' и 'в течение времени X' берут на себя имперфективные глаголы. Во-вторых, это сочетаемость имперфектива с фазовыми глаголами: в русском языке в качестве жесткого правила, а в энецком языке в качестве сильной тенденции с фазовыми глаголами употребляются имперфективные глаголы. В-третьих, это способность имперфективных глаголов выражать завершенную ситуацию, традиционно называемая в русской аспектологии «общефактическим значением несовершенного вида»; при этом здесь наблюдается не полный изоморфизм дистрибуции видов в русском и энецком языках — возможности таких употреблений у энецких имперфективных глаголов в чем-то шире, а в чем-то уже. В-четвертых, это маргинальный статус перфективного аспектуального ракурса для неопредельных фаз ситуаций: в русском языке в этой функции используются лишь специализированные делимитативные и пердуративные аспектуальные дериваты, а в энецком такая возможность отсутствует вовсе. В-пятых, это организация аспектуальной композиции: как в русском и, шире, славянских языках, так и в энецком за предельность предикации всегда отвечает глагольная лексема,

²⁰ Однако если, как мы предполагаем, верно, что в словоклассифицирующих видовых системах обязательно представлена «славянская» аспектуальная композиция, точно неверно обратное: так, в [Е. Ханина 2006] показано, что «славянский» тип аспектуальной композиции представлен в баскском языке, имеющем словоизменяемый вид, а в [Татевосов 2009] описан случай сосуществования «славянской» аспектуальной композиции со «среднеевропейской» в одном и том же идиоме — тубаларском диалекте алтайского языка.

а не свойства аргумента. Наконец, представлены и отдельные сходства в организации глагольной парадигмы: и в русском, и в энецком языках есть основная модально-временная форма, временная референция которой определяется видом глагольной лексемы, — морфологическое настоящее время в русском языке и Аорист в энецком; в обоих языках образование некоторых причастных форм имеет сильную тенденцию к тому, чтобы быть ограниченными только глаголами одного вида.

В то же время энецкая видовая система обнаруживает и существенные отличия от русской (славянской). Наиболее яркое и очевидное отличие касается лексико-морфологической организации энецкого вида (а также, видимо, и его происхождения): в отличие от русского языка, в энецком большинство непроемных глаголов являются перфективными; среди средств аспектуальной деривации, способных образовывать глагол противоположного вида, доминируют имперфективирующие, а имеющиеся перфективирующие деривации не связаны с локативной семантикой. Представлено и существенное отличие в употреблении видов: в энецком языке обнаруживается существенно более широкая дистрибуция перфективных глаголов, чем в русском, и, как кажется, это может быть непосредственно связано именно с тем, что энецкая видовая система преимущественно имперфективирующая. Имеются и более частные отличия энецкой видовой системы от русской: так, в энецком языке не повторяется обязательный в русском идиосинкратический выбор имперфектива в императиве при отрицании — данный контекст различает два вида наряду с прочими.

Суммирование различий между славянскими (в частности, русской) и самодийскими (в частности, энецкой) видовыми системами представляет собой необходимый шаг в типологии словоклассифицирующих видовых систем в целом, но было бы некорректно обнаруженные сходства в употреблении энецкого и русского вида экстраполировать на такие системы в целом. Так, можно отметить, например, что как сочетаемость имперфективных глаголов с обстоятельством длительности, так и употребление имперфективных глаголов для выражения завершенной ситуации, наблюдаемые и в русском, и в энецком, не универсальны для словоклассифицирующих видовых систем: в арауканском языке мапуче, представляющем собой еще более яркий пример имперфективирующей системы, чем энецкий, в обоих контекстах употребляются именно перфективные глаголы (всегда непроемные) [Smeets 2007: 165]. Сопоставление деталей употребления видов в таких системах на более обширном типологическом материале остается делом будущего.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— 1, 2, 3 лицо	DUR	— дуратив
ABL	— аблатив	EVEN	— ‘даже’
ACC	— аккузатив	EXCL	— восклицательная частица
ADJ	— адъективатор	FUT	— будущее время
ADV	— адвербиализатор	HAB	— хабитуалис
CAUS	— каузатив	HORT	— гортатив
COM	— комитатив	IMP	— императивная
CONN	— коннегатив		модально-временная серия
CONT	— «контрастивная» модально- временная серия лично-числовых окончаний		лично-числовых окончаний
CVB	— деепричастие/инфинитив	INC	— инцептив
CVB.SIM	— деепричастие одновременности	INCH	— инхоатив
DAT	— датив	LOC	— локатив
DEST	— дестинатив	M	— медиальная (возвратная) лично-числовая серия
DIM	— диминутив	MULT	— мультипликатив
DIR	— директив	NEG	— отрицательный глагол
DISC	— дисконтинуатив	NEG.EMPH	— эмфатический отрицательный глагол
DU	— двойственное число	NMLZ	— имя действия

NOM	— номинатив	S	— субъектная лично-числовая серия
OBL	— косвенный падеж	SBJV	— конъюнктив
PEJ	— пейоратив-аугментатив	SG	— единственное число
PL	— множественное число	SONSG	— субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта дв. или мн. ч.
POOR	— ‘бедненький’	SOPL	— субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта мн. ч.
PRF	— перфект	SOSG	— субъектно-объектная лично-числовая серия для объекта ед. ч.
PROB	— пробабилитив	SUP	— супин
PROL	— пролатив	SUPP	— суппозитив
PST	— претеритальная модально-временная серия лично-числовых окончаний	TOP	— топик
PTCP.ANT	— причастие предшествования	TRANSL	— транслатив
PTCP.SIM	— причастие одновременности		
Q	— интеррогатив		
RESTR	— рестриктив		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2007 — Аркадьев П. М. Заметки к типологии префектива // Иванов В. В. (ред.). *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков*. М.: Пробел-2000, 2007. С. 17—30. [Arkadiev P. M. Notes on prefective typology. *Areal 'noe i geneticheskoe v strukture slavyanskikh yazykov*. Ivanov V. V. (ed.). Moscow: Probel-2000, 2007. Pp. 17—30.]
- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянских культур, 2015. [Arkadiev P. M. *Areal'naya tipologiya prefiksalnogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal typology of the prefixal perfective (based on the data of European and Caucasian languages)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Аркадьев, Шлуинский 2015 — Аркадьев П. М., Шлуинский А. Б. Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии // Вестник СПбГУ. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2015. № 3. С. 4—24. [Arkadiev P. M., Shluinsky A. B. Verb-classifying aspectual systems: Towards a typology. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 "Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika"*. 2015. No. 3. Pp. 4—24.]
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of the Russian verbal aspectual oppositions]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Горбова 2017 — Горбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24—52. [Gorbova E. V. Aspectual formation of russian verbs: Inflection, derivation, or a set of quasigramemes? (“Sore points” of Russian aspectology revisited). *Voprosy Jazykoznanija*. 2017. No. 1. Pp. 24—52.]
- Гусев 1994 — Гусев В. Ю. К реконструкции прасеверосамодийской глагольной системы. Курсовая работа. М.: РГГУ, 1994. [Gusev V. Yu. *K rekonstruktsii praseverosamodijskoi glagol'noi sistemy. Kursovaya rabota* [Towards a reconstruction of the Proto-North-Samoyedic verbal system. Term paper]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994.]
- Гусев 2010 — Гусев В. Ю. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Буркова С. И. (ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 54—65. [Gusev V. Yu. Statives and decausatives in *-w in Samoyedic languages. *Materialy 3-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po samodistike*. Burkova S. I. (ed.). Novosibirsk: Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. Pp. 54—65.]
- Гусев 2012 — Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2012. Т. VIII. № 2. С. 311—360. [Gusev V. Yu. Aspect in Nganasan. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2012. Vol. VIII. No. 2. Pp. 311—360.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zalizniak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Анна Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]

- Иосад и др. 2005 — Иосад П. В., Пазельская А. Г., Цюрупа М. А. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // Подлесская В. И., Архипов А. В., Ландер Ю. А. (ред.). Четвертая типологическая школа. М.: РГГУ, 2005. С. 171—177. [Iosad P. V., Pazelskaya A. G., Tsyurupa M. A. Typologically significant parameters of the verbal lexicon: Imperfectivizing derivations of Nenets. *Chetvertaya tipologicheskaya shkola*. Podlesskaya V. I., Arkhipov A. V., Lander Yu. A. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2005. Pp. 171—177.]
- Исаченко 1960 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава: Издательство Словацкой АН, 1960. [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim* [The grammatical system of Russian in comparison with Slovak]. Part 2. Bratislava: Slovak Academy of Sciences Publ., 1960.]
- Казакевич 2008 — Казакевич О. А. К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации // Плуян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 114—126. [Kazakevich O. A. On the models of the description of Selkup verbal derivation. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 114—126.]
- Кирьянов, Шагал 2011 — Кирьянов Д. П., Шагал К. А. Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2011. Т. VII. № 3. С. 93—98. [Kirianov D. P., Shagal K. A. Future active perfective participle in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2011. Vol. VII. No. 3. Pp. 93—98.]
- Кузнецова 2008 — Кузнецова А. И. Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы ее выражения // Плуян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 103—113. [Kuznetsova A. I. Aspectual derivation in Selkup: Semantic modification of the verb and modes of its expression. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 103—113.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. М.: Издательство Московского университета, 1980. [Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku* [Essays on Selkup]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1980.]
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. [Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ, 1984.]
- Оскольская 2016 — Оскольская С. А. К вопросу об аспектуальной системе нанайского языка // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 76—93. [Oskolskaya S. A. A study of the aspectual system of Nanai. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 1. Pp. 76—93.]
- Оскольская, Шлуинский 2014 — Оскольская С. А., Шлуинский А. Б. К сопоставлению аспектуальной деривации в урало-алтайских языках // Девяткина Е. М., Ганенков Д. С., Мазурова Ю. В., Маховиков Д. В., Шлуинский А. Б. (ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Канцлер, 2014. С. 198—219. [Oskolskaya S. A., Shluinsky A. B. Towards comparison of aspectual derivation in Ural-Altaic languages. *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statei po materialam Tret'ei konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»*. Devyatkina E. M., Ganenkov D. S., Mazurova Yu. V., Makhovikov D. V., Shluinsky A. B. (eds.). Moscow: Kantsler, 2014. Pp. 198—219.]
- Падучева 1989 — Падучева Е. В. Вид и лексическое значение глагола // Научно-техническая информация. Серия 2. 1989. № 12. С. 24—31. [Paducheva E. V. Aspect and lexical meaning of the verb. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. Ser. 2. 1989. No. 12. Pp. 24—31.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic studies]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 1998 — Падучева Е. В. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // *Russian Linguistics*. 1998. Vol. 22. No. 1. Pp. 35—58. [Paducheva E. V. Towards a classification of concepts and terms of the Russian aspectology. *Russian Linguistics*. 1998. Vol. 22. No. 1. Pp. 35—58.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 46—57. [Paducheva E. V. The “incremental theme” and Russian aspectology. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 5. Pp. 46—57.]
- Перцов 1998 — Перцов Н. В. Русский вид: словоизменение или словообразование? // Чертова М. Ю. (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры,

1998. С. 343—355. [Pertsov N. V. The Russian aspect: Inflection or derivation? *Tipologiya vida: problema, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998. Pp. 343—355.]
- Петрухина 2000 — Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Издательство Московского университета, 2000. [Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspectual categories of the verb in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 2000.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плунгян, Урманчиева 2015 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Контрастивное прошедшее в энецком языке: уникальный плюсквамперфект и его экспансия в глагольной системе // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. Т. XI. № 2. С. 431—468. [Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. The contrastive past in Enets: A unique pluperfect and its expansion in the verbal system. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. Vol. XI. No. 2. Pp. 431—468.]
- Прокофьев 1937 — Прокофьев Г. Н. Энецкий (енисейско-самоедский диалект) // Прокофьев Г. Н. (ред.). Языки и письменность народов Севера. Т. 1. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 75—90. [Prokof'ev G. N. Enets (Yenissey-Samoyedic dialect). *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa*. Prokof'ev G. N. (ed.). Vol. 1. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1937. Pp. 75—90.]
- Серебренников 1960 — Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Serebrennikov B. A. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoi i volzhskoi grupp* [Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volgaic groups]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960.]
- Сорокина 1975а — Сорокина И. П. Категория глагольного вида в энецком языке // Дульзон А. П. (ред.). Языки и топонимия Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1975. С. 131—139. [Sorokina I. P. The category of verbal aspect in Enets. *Yazyki i toponimiya Sibiri*. Dul'zon A. P. (ed.). Tomsk: Tomsk Univ. Publ, 1975. Pp. 131—139.]
- Сорокина 1975б — Сорокина И. П. Морфология глагола энецкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛО ИЯз АН СССР, 1975. [Sorokina I. P. *Morfologiya glagola enetskogo yazyka*. Kand. dis. [Morphology of the Enets verb. Cand. dis.]. Leningrad: Leningrad Branch of the Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1975.]
- Сорокина 1990 — Сорокина И. П. Выражение глагольной множественности в энецком языке // Черемисина М. И., Цыганкин Д. В., Володин А. П., Больдт Е. Н., Филистович Т. П. (ред.). Лексика и грамматика агглютинативных языков. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический институт, 1990. С. 47—55. [Sorokina I. P. Expression of verbal plurality in Enets. *Leksika i grammatika agglutinativnykh yazykov*. Chermisina M. I., Tsygankin D. V., Volodin A. P., Bol'dt E. N., Filistovich T. P. (eds.) Barnaul: Barnaul State Pedagogical Institute, 1990. Pp. 47—55.]
- Сорокина 2010 — Сорокина И. П. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010. [Sorokina I. P. *Enetskii yazyk* [Enets]. St. Petersburg: Nauka, 2010.]
- Сорокина, Болина 2001 — Сорокина И. П., Болина Д. С. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб.: Просвещение, 2001. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Slovar' enetsko-russkii i russko-enetskii* [Enets-Russian and Russian-Enets dictionary]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2001.]
- Сорокина, Болина 2005 — Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskie teksty* [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005.]
- Сорокина, Болина 2009 — Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкий словарь. СПб.: Наука, 2009. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskii slovar'* [Enets dictionary]. St. Petersburg: Nauka, 2009.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Акциональная композиция и акциональная модификация // Татевосов С. Г. (ред.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 78—133. [Tatevosov S. G. Actional composition and actional modification. *Tubalarskie etyudy*. Tatevosov S. G. (ed.). Moscow: The Institute of World's Literature, Russian Academy of Sciences, 2009. Pp. 78—133.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2015. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya*. [Actionality in lexicon and grammar: Verb and event structure]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

- Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола: актантно-акционные классы и типы спряжения // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 81—114. [Tatevosov S. G. Structure and interpretation of Tundra Nenets verbs: Eventuality types and conjugation classes. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 3. Pp. 81—114.]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. [Tereshchenko N. M. *Oчерk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [A sketch of Nenets (Yurak-Samoyed) grammar]. Leningrad: Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1947.]
- Терещенко 1966 — Терещенко Н. М. Энецкий язык // Лыткин В. Е., Майтинская К. Е. (ред.). Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 438—457. [Tereshchenko N. M. Enets. *Yazyki narodov SSSR*. Vol. 3: *Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki*. Lytkin V. E., Maitinskaya K. E. (eds.). Moscow: Nauka, 1966. Pp. 438—457.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [Nnganasan]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Урманчиева 2005 — Урманчиева А. Ю. «Прошедшее время» энецкого языка // Осипова О. А., Которова Е. Г., Полякова Н. В., Фильченко А. Ю. (ред.). Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск: Дельтаплан, 2005. С. 99—104. [Urmanchieva A. Yu. "Past tense" in Enets. *Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie yazykov i kul'tur*. Osipova O. A., Kotorova E. G., Polyakova N. V., Fil'chenko A. Yu. (eds.). Tomsk: Del'taplan, 2005. Pp. 99—104.]
- Урманчиева 2006 — Урманчиева А. Ю. Время, вид или модальность? Глагольная система энецкого языка // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 84—100. [Urmanchieva A. Yu. Tense, aspect or modality? Verbal system of Enets. *Voprosy Jazykoznanija*. 2006. No. 4. Pp. 84—100.]
- Урманчиева 2013 — Урманчиева А. Ю. Образование форм аориста в самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2013. Т. IX. № 2. С. 734—767. [Urmanchieva A. Yu. Aorist formation in Samoyedic languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2013. Vol. IX. No. 2. Pp. 734—767.]
- Урманчиева 2016 — Урманчиева А. Ю. «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2016. Т. XII. № 2. С. 443—502. [Urmanchieva A. Yu. "Antipodes" of perfect in Samoyedic languages: Nenets past tense. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2016. Vol. XII. No. 2. Pp. 443—502.]
- Е. Ханина 2006 — Ханина Е. В. Структура события и баскский глагол. Дипломная работа. М.: МГУ, 2006. [Khanina E. V. *Struktura sobytiya i baskskii glagol*. Diplomnaya rabota [Event structure and the Basque verb. Graduate thesis]. Moscow: Moscow State Univ., 2006.]
- О. Ханина, Шлуинский 2012 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Эмфатические отрицательные глаголы в энецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Т. 116. № 1. С. 115—121. [Khanina O. V., Shluinsky A. B. Emphatic negative verbs in Enets. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. Vol. 116. No. 1. Pp. 115—121.]
- О. Ханина, Шлуинский 2016 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2016. Т. XII. № 2. С. 425—474. [Khanina O. V., Shluinsky A. B. Enets perfect: Discursive usage of the evidential-admirative perfect. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2016. Vol. XII. No. 2. Pp. 425—474.]
- Хелимский 1994 — Хелимский Е. А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Хелимский Е. А. (ред.). Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку. М.: РГГУ, 1994. С. 190—221. [Helimski E. A. An outline of Nnganasan morphonology and inflectional morphology. *Taimyrskii etmolingvisticheskiy sbornik*. No. 1. *Materialy po nnganasanskomu shamanstvu i yazyku*. Helimski E. A. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1994. Pp. 190—221.]
- Хелимский, рук. — Хелимский Е. А. Материалы к словарю энецкого языка. Рукопись. Доступна по адресу: http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten/_Helimski-Enzisch.zip [Helimski E. A. *Materialy k slovaryu enetskogo yazyka* [Materials for the Enets dictionary]. Manuscript. Available at: http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten/_Helimski-Enzisch.zip]
- Шлуинский 2012 — Шлуинский А. Б. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2012. Т. VIII. № 2. С. 950—996. [Shluinsky A. B. The factative and related categories: Towards a typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2012. Vol. VIII. No. 2. Pp. 950—996.]

- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*. 1989. Vol. 13. No. 1. Pp. 51—103.
- Castrén 1854 — Castrén M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dickey 2000 — Dickey S. M. *Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach*. Stanford: CSLI, 2000.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. Pp. 547—619.
- Filip 1999 — Filip H. *Aspect, eventuality types and nominal reference*. New York: Garland Publishing, 1999.
- Filip 2005 — Filip H. On accumulating and having it all. *Perspectives on aspect*. Verkuyl H., de Swart H., van Hout A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2005. Pp. 125—148.
- Harrison, Albert 1976 — Harrison Sh. Ph., Albert S. Y. *Mokilese reference grammar*. Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1976.
- Helimski 1997 — Helimski E. *Die Matorische Sprache*. Szeged: JATE Finnugor Tanszék, 1997.
- Hoffmann 1963 — Hoffmann C. *A grammar of the Margi language*. London: Oxford Univ. Press, 1963.
- Klumpp 2005 — Klumpp G. Aspect markers grammaticalized from verbs in Kamas. *Acta Linguistica Hungarica*. 2005. Vol. 52. No. 4. Pp. 397—409.
- Krifka 1992 — Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal construction. *Lexical matters*. Sag I. A., Szabolsci A. (eds.). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992. Pp. 29—53.
- Krifka 1998 — Krifka M. The origins of telicity. *Events and grammar*. Rothstein S. (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1998. Pp. 197—235.
- Künnap 1978 — Künnap A. *System un Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe*. Vol 2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen, 1978.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Paducheva 2009 — Paducheva E. V. Telicity and incremental theme. *Russian Linguistics*. 2009. Vol. 33. No. 2. Pp. 109—119.
- Siegl 2011 — Siegl F. Aspect in Forest Enets and other Siberian indigenous languages — when grammaticography and lexicography meet different metalanguages. *Documenting endangered languages — achievements and perspectives*. Haig G. L. J., Nau N., Schnell S., Wegener C. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. Pp. 121—149.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.
- Smeets 2007 — Smeets I. *A grammar of Mapuche*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Tomelleri 2010 — Tomelleri V. Slavic-style aspect in the Caucasus. *Suvremena Lingvistika*. 2010. Vol. 36. No. 69. Pp. 65—97.

Получено / received 30.07.2016.

Принято / accepted 27.09.2016.

**ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ, ПОКАЗАТЕЛИ
(на материале русского, французского и итальянского языков)***

© 2017

Ольга Юрьевна Инькова

Женевский университет, Женева, 1211, Швейцария; Институт проблем информатики
ФИЦ ИУ РАН, Москва, 119333, Российская Федерация; olga.inkova@unige.ch

В статье предлагается описание генерализации как семантической категории. У этого понятия выделяются три значения: генерализация как а) логико-семантическое отношение, б) неотъемлемое свойство предложения, связанное с его языковой структурой, в) пропозициональное отношение. Основное внимание уделено генерализации как логико-семантическому отношению, в котором выделяются три разновидности: суммирующая, индуктивная и обосновывающая. Автор описывает функции генерализации в тексте, а также дает краткий обзор ее показателей в русском, французском и итальянском языках. В заключение отмечается, что логико-семантическое отношение генерализации является не только метатекстовым, как это принято считать, но может быть установлено также на уровне связываемых этим отношением пропозиций.

Ключевые слова: генерализация, итальянский язык, логико-семантические отношения, русский язык, семантика, французский язык

**GENERALIZATION:
DEFINITION, DISCOURSE FUNCTIONS, MARKERS
(in Russian, French, and Italian)**

Olga Inkova

Université de Genève, Geneva, 1211, Switzerland; Institute of Informatics Problems of the FRC CSC,
Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation; olga.inkova@unige.ch

The paper offers a description of generalization as a semantic category. First, the author distinguishes three values of this concept: generalization as a) logical-semantic relation, b) inherent property of the utterance related to its linguistic structure, and c) propositional attitude. The main attention is paid to generalization as a logical-semantic relation with the three subtypes of summarizing, inductive, and justifying generalization. The author describes the textual functions of generalization and also proposes a brief contrastive overview of its markers in Russian, French, and Italian. In conclusion, the author suggests that the logical-semantic relation of generalization is not only metatextual, as is commonly believed, but can be established at the level of propositions.

Keywords: French, generalization, Italian, logical-semantic relations, Russian, semantics

* Исследование выполнено в Институте проблем информатики ФИЦ ИУ РАН в рамках проекта «Логическая структура текста: контрастивный анализ показателей логико-семантических отношений в русском, французском и итальянском языках», поддержанного РФФИ (грант № 16-18-10004).

Я рассказал Октябрьине Михайловне про Семенова. Не про то, конечно, откуда у меня взялись для нее деньги, а так — вообще. В принципе, про Семенова (А. Геласимов, «Год обмана. Роман, где разбиваются сердца»).

En général, avec trop de froideur ou trop d'ardeur, nous voyons tous les objets dans un sens contraire (G. Zimmermann, «Traité de l'expérience en général et en particulier dans l'art de guérir»).

1. Вводные замечания

Понятия, выражаемые словами *генерализация*, *обобщение*, *обобщать*, *вообще* и подобными, являются фундаментальными для рационального мышления, да и мышления в целом. Они лежат в основе любого знания: научного, паранаучного, преднаучного и обыденного, так как генерализация, или обобщение, — один из методов познания, позволяющий человеку формулировать закономерности в развитии мира и общества и моделировать свое поведение. Это область, где взаимодействуют конкретное и абстрактное, т. е. частный случай и пример, с одной стороны, и принципы или закономерности, которые распространяются на большое количество частных случаев, с другой. Тем не менее генерализация, также, впрочем, как и симметричная ей спецификация, почти не изучена как семантическая категория. Показательно в этом отношении отсутствие словарных статей о них в [ЛЭС] и энциклопедии «Русский язык» [РЯ]. Насколько нам известно, генерализации посвящены на сегодняшний день лишь два диссертационных исследования на немецком языке [Drescher 1992; Bürgel 2006]. К ним можно добавить два исследования показателей генерализации во французском [Molinier 2005] и итальянском [Manzotti 2015] языках, в последнем из которых также делается попытка определить саму семантическую категорию генерализации. На теоретическом уровне встает, следовательно, вопрос об определении когнитивной операции генерализации в ее различных проявлениях и употреблении. На эмпирическом уровне представляется интересным сравнить, как различные языки концептуализируют эту операцию: внутриязыковой анализ позволит узнать, какими средствами располагает тот или иной язык для выражения генерализации; межязыковой анализ даст возможность описать различия в функционировании микросистем средств выражения обобщения в сопоставляемых языках. Эмпирическим аспектом данной проблемы не следует пренебрегать еще и потому, что наиболее интересные (но достаточно редкие) комментарии по данному вопросу содержатся, как правило, в толковых словарях, и речь идет именно о словарных статьях, посвященных тому или иному показателю генерализации.

Однако уже на этом первом уровне лексической семантики, точнее лексикографии, основные словари трех сопоставляемых языков — русского, французского и итальянского — дают довольно размытую картину, предлагая зачастую неудовлетворительные или даже тавтологические определения, которые постулируют практически полную синонимию показателей генерализации. Так, во французском языке, где арсенал средств генерализации принадлежит, как во всех романских языках, к этимологическому гнезду *gen-* (входящему очевидным образом к лат. *gēnus*, *-ēris*, откуда прилагательное *gēnērālis*, наречия *gēnērālīter* и *gēnērātīm* и т. д.), наиболее авторитетный словарь «Le Trésor de la langue française informatisé» [TLFi] в статье *général* фиксирует существование трех выражений (*locutions*):

— *en général* (= *d'un point de vue général*, дословно: 'с обобщенной точки зрения' или же 'взяв в общем'). Здесь же дается выражение *parler en général* (= *Parler sans entrer dans les considérations particulières* 'Говорить, не вдаваясь в частные соображения').

- (1) Les gens se parlent de plus en plus rarement; *en général*, quand on se force à dire la vérité en face, c'est qu'il est PRESQUE trop tard [Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997—2000)].

Люди все реже говорят друг с другом; и *вообще*, когда кто-то решается наконец сказать тебе правду в лицо, это значит, что уже почти слишком поздно [Фредерик Бегбедер. 99 франков (И. Волевич, 2002)]¹.

— *en règle générale* (= *dans la plupart des cas* ‘в большинстве случаев’):

- (2) Le conseil des Ministres décida, que des statuts spécifiques devaient être établis pour l’Institut, élaborés par un comité russe de patronage et que, *en règle générale*, cette question demandait « la plus grande prudence... » [www.ifspb.com. Le site de l’Institut Français à Saint-Pétersbourg (2002—2006)].

Совет Министров решил, что должен быть составлен особый устав Института, выработанный русским попечительным комитетом и что *вообще* «вопрос этот требует весьма осторожного к себе отношения...» [www.ifspb.com. Сайт Французского института в Санкт-Петербурге [ABBY LingvoPRO] (2002—2006)].

— *d’une manière générale* (= *ordinairement* ‘обычно’):

- (3) Pour en revenir aux phénomènes chimiques, on pourra dire *d’une manière générale* que les phénomènes chimiques n’engendrent pas la vie quoiqu’ils en soient une condition de manifestation (C. Bernard, *Princ. méd. exp.*, 1878, p. 244)

Возвращаясь к химическим феноменам, можно *в принципе* сказать, что химические феномены не порождают жизни, хотя они являются условиями ее проявления (пример из [TLFi: *général*]).

Отдельная статья посвящена в [TLFi] наречию *généralement*, которое толкуется при помощи выражений *d’une manière générale*, *dans la plupart des cas* и для которого даются синонимы: *en général*, *communément*, *ordinairement*. Можно легко заметить, что все они (за исключением *communément* ‘обычно’) уже были использованы для толкования трех предыдущих выражений с компонентом *général*.

Словари итальянского языка, который, в отличие от других романских языков, различает также *in genere* и *in generale*, менее лапидарны в своих определениях. Словарь «Sabatini Coletti» [SC], который, как правило, дает очень подробную и точную информацию о так называемых дискурсивных словах, выделяет у *in generale* три значения, следуя в этом за словарем итальянского языка [VLI]:

i) *in modo generico* ‘в общем виде’, *senza specificare* ‘без уточнений’:

- (4) <...> non si capiva se volesse contraddire mio padre o parlare così *in generale*... [Italo Calvino. *Il barone rampante* (1957)]

<...> непонятно было, возражает ли он отцу или разглагольствует *вообще* [Итало Кальвино. Барон на дереве (Лев Вершинин, 1965)].

ii) (в функции фразового наречия) *perlopiù* ‘главным образом’, *di solito* ‘обычно’:

- (5) *In generale* il processo creativo in Dostoevskij, come egli lo manifestava nei suoi quaderni, si distingueva decisamente dal processo creativo degli altri scrittori (per esempio, L. Tolstoj) [Michail Bachtin. *Dostoevskij: poetica e stilistica* (Giuseppe Garritano, 1968)].

Вообще творческий процесс у Достоевского, как он отразился в его черновиках, резко отличен от творческого процесса других писателей (например, Л. Толстого) [Михаил Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1929)].

¹ При отсутствии других указаний в работе использованы примеры из основного корпуса [НКРЯ], а также из параллельных французского и итальянского подкорпусов. В силу ограниченности последних для иллюстративного материала были использованы как прямые, так и обратные переводы. Переводы словарных статей и приводимых в них примеров с французского и итальянского языков сделаны автором.

iii) *per quanto riguarda la maggior parte* ‘в том, что касается большинства’:

- (6) Conservava una memoria da computer per quanto riguardava lo sterminato archivio della radio e la musica *in generale* [Giorgio Faletti. Io uccido (2002)].
 Пьеро обладал поистине компьютерной памятью в том, что касалось безграничного архива записей на радио и музыки *вообще* [Джорджо Фалетти. Я убиваю (Ирина Константинова, 2005)].

Заметим, что каждое из трех значений *in generale* связано с определенной синтаксической функцией: 1) модификатор глагола (V) или глагольной группы (VP) в (i); 2) модификатор пропозиции (P) в (ii); 3) модификатор имени (N) или именной группы (NP) в (iii), при этом имя является именем класса.

Наречие *generalmente* также, по мнению словаря [SC], имеет три значения, которые, однако, не совсем совпадают со значениями *in generale*:

- i) *in genere, solitamente, il più delle volte* ‘обычно’: *Generalmente alla sera vado a dormire verso le undici* ‘Обычно вечером я ложусь спать около одиннадцати’ (т. е. второе значение *in generale*);

ii) *in maggioranza, per quanto riguarda la maggioranza* ‘в большинстве случаев’:

- (7) <...> tra la vergine e l'uomo, affinché costui possa cader vittima della malia, dev'esserci un divario di diversi anni — mai meno di dieci, direi; *generalmente* trenta o quaranta, e in alcuni casi conosciuti addirittura novanta [Vladimir Nabokov. Lolita (Giulia Arborio Mella, 1993)].

<...> необходима разница в несколько лет (я бы сказал, не менее десяти, но *обычно* в тридцать или сорок — и до девяноста в немногих известных случаях) между девочкой и мужчиной для того, чтобы тот мог подпасть под чары нимфетки [Владимир Набоков. Лолита (1955—1967)].

iii) «с фразовым значением», *da un punto di vista d'insieme* ‘с точки зрения целого’: *generalmente parlando* ‘вообще говоря’.

Наконец, *in genere*, также по мнению [SC], означает *generalmente, perlopiù* ‘главным образом’, употребляясь «в функции фразового наречия», что предполагает другие возможные употребления с более узкой сферой действия:

- (8) *In genere* sono ben disposta verso la gente, ma a quel punto ero veramente offesa [Lidia Chukovskaja. Incontri con Anna Achmatova (Giovanna Moracci, 1990)].
 Я *вообще* хорошо отношусь к людям, но тут я очень обиделась [Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой (1976)].

Добавим к этому, что многотомный словарь [GDLI] Сальваторе Батталли различает у *in generale* и его синонимов, которые употреблялись на разных этапах истории итальянского языка (*sulle generali, al generale, per il generale, per le generali*), два значения: i) значение квантификатора класса объектов или ситуаций, которое можно перефразировать с помощью *в большинстве случаев, в большинстве, главным образом, обычно*; ii) значение обобщения, утверждения высокой степени абстракции, сделанное «не вдаваясь в частности». Речь идет, по-видимому, о базовом семантическом различии между экстенционалом (или денотатом) и интенционалом (или сигнификатом), которое мы должны иметь в виду при анализе генерализации и ее показателей.

Что касается русского языка, то в лексическом поле генерализации мы наблюдаем обычную для научной терминологии конкуренцию корней латинского и славянского происхождения. Однако если для полнзначных слов могут использоваться оба корня, по-видимому, с различной стилиевой принадлежностью и частотностью (ср. *обобщение* — *генерализация, обобщать* — *генерализировать, обобщающее* — *генерализованное высказывание*), то среди

наречий и служебных слов возможны только образования от славянского корня *общ-*: *вообще* и *в общем*.

Словарная статья *вообще* в [БАС] выделяет у этого слова два значения, соответствующие интенциональной («в общем смысле слова, в общем, по отношению ко всему, в целом»); здесь же даются вводные словосочетания *вообще говоря*, *вообще сказать*) и экстенциональной генерализации («во всех случаях, всегда»). Однако для иллюстрации первого значения наряду с таким примером, как *Белокопытов был очень милый мальй, балагур, весельчак, немножко хвастун, вообще — душа общества*, где в сферу действия *вообще* попадает предикат, дается также [Пушкин] *для русского искусства то же, что Ломоносов для русского просвещения вообще*, где *вообще* является модификатором именной группы. В еще большей степени различие между интенциональной и экстенциональной генерализацией прослеживается в «Активном словаре русского языка» [АСРЯ], в котором за *вообще* закрепляются две группы употреблений: в функции наречия и частицы, и именно в этой последней рубрике фигурирует выражение *вообще говоря*. Этот словарь дает наиболее подробное описание *вообще*, наряду с [МАС], который, считая *вообще* во всех случаях его употребления наречием, отмечает у него пять следующих значений (при этом различная природа генерализации в этих толкованиях теряется):

- i) по отношению ко всему, во всех отношениях, в общем: *[Бобохов] пил одно только пиво домашнего изделия и проявлял вообще страшную скаредность*;
- ii) при любых условиях, обстоятельствах: *Разжигать костры он вообще запрещал, это было опасно*. Сюда же относится употребление *вообще* в сочетании с отрицанием в значении ‘совсем не..., вовсе не...’: *Генерал боялся, что вообще не уснет этой ночью*;
- iii) при существительном обозначает: в общем, в целом, не выделяя частных: *Произносили тосты... и за дам, участвующих на пикнике, и за всех дам вообще*;
- iv) в сочетании с союзом и употребляется для присоединения предложения, выражающего мысль более общую по сравнению с той, которая выражена в предыдущем предложении: *Она дала мне слово, что будет ежедневно заходить к нему и вообще заботиться о его здоровье*;
- v) в значении обобщающего слова перед итогом, заключением: — *Ты сегодня, Ваня, не в духе, — сказал он, — не спал, должно быть, — Да, плохо спал... Вообще, брат, скверно себя чувствую*².

Что касается второго показателя генерализации, *в общем*, то [БАС] и [МАС] закрепляют за этим выражением значения ‘в конечном результате’, ‘в итоге’ [МАС], ‘в целом’, ‘в итоге’ [БАС], который приводит такой пример: *От прежних выселков, хуторков, скитов, мельниц и следа нет. В общем, картина постепенного и несомненного вырождения*; тогда как [МАС] приводит следующий: *Очень хвалил [картину]. Сделал несколько замечаний относительно разных мелочей, но в общем очень хвалил*. Как мы видим, отнести выражение *в общем* в этом значении к показателям «чистой» генерализации, т. е. не осложненной никакими дополнительными оттенками, не представляется возможным, так как оно выражает близкие к генерализации значения вывода, обобщающего заключения (пример [БАС]) или, как в примере [МАС], целого (в его противопоставлении частям).

К толкованиям словарей мы еще вернемся в ходе нашего анализа, а сейчас сделаем предварительные выводы на основе лексикографических данных. Первый — и достаточно предсказуемый — состоит в том, что значения прототипических показателей генерализации, а также их количество во французском, итальянском и русском языках в значительной степени различны. В русском языке нет, например, точного эквивалента для итал. *generalmente*

² О. Ю. Богуславская, автор статьи *вообще* в [АСРЯ], выделяет у *вообще* шесть значений с несколькими формулировками, но они в основном совпадают со значениями [МАС], шестое значение является за счет выделения значения ‘совсем не...’ в отдельное.

и франц. *généralement*, а у русск. *вообще* есть значение интенсифицирующей генерализации, не знающей исключений (ср. значение (ii) ‘совсем не..., вовсе не...’ в [MAC]), сближающее его с немецким *überhaupt* [König 1983], но не характерное для итальянских и французских показателей генерализации.

С другой стороны, на теоретическом уровне встает проблема определения когнитивной операции генерализации и ее разновидностей, а также ее функции в тексте. Действительно, генерализация считается одним из логико-семантических отношений, устанавливаемых на уровне организации текста (см., например, [Drescher 1992; 1993; 1996a; Арутюнова 1999; Bürgel 2006; Breindl et al. 2014; Birzer 2015]). Иными словами, это отношение не связывает две ситуации, а указывает на то, каким образом говорящий организует свою мысль, какие языковые средства он для этого выбирает, т. е. на то, как он «подает» свою мысль. Отсюда и квалификация отношения генерализации как метатекстового [Лосева 2004; Breindl et al. 2014; Birzer 2015]. Несмотря на отдельные исследования показателей генерализации, остается нерешенным вопрос о том, что именно называть генерализацией, а также о том, существует ли один тип генерализации или можно выделить несколько разновидностей в зависимости от того, какой тип логической операции позволяет осуществить переход от частного к общему и для чего он используется. Можно ли считать показатели генерализации, такие как франц. *en général*, итал. *generalmente* или русск. *вообще*, показателями отношения генерализации, иначе говоря, коннекторами, или у них другая функция в высказывании, позволяющая установить собственно отношение генерализации. Как, наконец, отношения генерализации соотносятся со смежными семантическими отношениями, например, вывода или обобщающего сравнения?

2. Генерализация: терминологические уточнения

Прежде чем перейти непосредственно к анализу, необходимо сделать несколько терминологических уточнений, поскольку сам термин «генерализация» используется для обозначения довольно разных понятий, более или менее связанных между собой.

2.1. Генерализация как логико-семантическое отношение

В первую очередь, речь может идти о логической операции, посредством которой в общей динамике текста в определенных семантических условиях осуществляется переход от более частного к более общему, а также о логико-семантическом отношении, основанном на этой операции. В линейной структуре текста более частный фрагмент текста будет предшествовать более общему³. Но под генерализацией можно понимать также и результат этой операции⁴: высказывание, содержащее обобщение.

- (9) Когда прогулки были днем, там сидела высокая блондинка. Она нам казалась красивой. Впрочем, все женщины тогда нам казались красавицами — машинистка или секретарша [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

³ В этом отношении мы не разделяем позицию [Birzer 2015: 92—95], которая при анализе *вообще говоря* приравнивает две семантические структуры: переход от частного к общему и переход от общего к частному. Для нас в последнем случае идет речь о другом логико-семантическом отношении: отношении спецификации.

⁴ См., например, наиболее разработанную словарную статью GENERALIZATION в [OED], где находит место также и процесс генерализации: «1. The action or process of generalizing, i.e. of forming, and expressing in words, general notions or propositions obtained from the observation and comparison of individual facts or appearances; also, an instance of this. 2. quasi-concr. A result of this process; a general inference. 3. The process of becoming general, or spreading over every part».

Так, в (9) переход от p_1 (*Она нам казалась красавицей*) к p_2 (*все женщины тогда нам казались красавицами*) отражает логическую операцию генерализации, на которой основано отношение генерализации между p_1 и p_2 ; наконец само p_2 есть генерализация, т. е. результат логической операции. Заметим также, что в данном конкретном случае (9) отношение генерализации не опирается ни в коей мере на индуктивное рассуждение на основе p_1 , но что скорее, наоборот, p_1 подведено под общую закономерность p_2 . Кроме того, мы видим, что отношение генерализации может (например, при наличии в высказывании таких коннекторов, как *но* или *впрочем*) комбинироваться с другими логико-семантическими отношениями: в нашем примере *впрочем* заставляет пересмотреть возможный статус ситуации p_1 как единичного случая [Инькова 2013]⁵. Наконец, пример (9) позволяет убедиться в том, что отношение генерализации может быть не маркировано никаким специфическим показателем, в отличие от (10), где переход от p_1 к более общему p_2 эксплицитно выражен деепричастием *обобщая*. Заметим попутно, что операция генерализации и здесь не опирается на индукцию:

- (10) Мы шли к школе с девочкой-лисичкой, и ее якобы тонкие ножки пользовались большим успехом у римских пацанов, они всегда свистели и вихлялись нам вслед. Замечу, *обобщая*, что мои женщины вызывали истерику всегда, везде и у всех [Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)].

2.2. Абсолютная генерализация

Термин «генерализация», или «обобщение», используется также для наименования свойства некоторых высказываний распространяться на класс предметов или явлений в силу универсальной квантификации входящих в их состав актантов или сирконстантов. Такие высказывания «отражают связь каждого предмета какого-либо класса с тем или иным свойством, присущим данному классу» [Кондаков: 399]. В неформальной логике иногда различаются родовые, или генерические, и универсальные высказывания, первые из которых содержат относительно простые житейские правила, формулы поведения и оценки, обобщения человеческого опыта, не претендующие на фактическую универсальность (см. [Ласопа 2005: 16]; но основополагающим лингвистическим исследованием остается [Kleiber 1987]). Иными словами, они остаются истинными, даже если некоторые элементы класса не обладают соответствующим свойством. Ср. с этой точки зрения: *Итальянцы едят спагетти* и *Все дельфины — млекопитающие*.

Эта проблематика хорошо известна и в значительной степени изучена, поэтому мы не будем останавливаться на этом аспекте генерализации подробно. Уточним лишь, поскольку это важно для нашего анализа, что можно выделить по меньшей мере три типа генерализации в данном ее понимании в зависимости от того, что именно является предметом квантификации: а) квантификация субъектного терма, когда предикация распространяется на все элементы данного класса, иначе говоря, генерализация в узком логическом смысле этого слова, в результате которой получаются общие суждения. В данном случае употребляются кванторы общности, положительные или отрицательные (*все, всякий, каждый* и подобные, ср.: *Все дети плачут, Каждый за себя*); б) квантификация предиката, когда предикат имеет обобщенное значение, которое не может быть сведено к одному частному случаю, как, например, в высказывании *Она много работает*, в отличие от *Она сидит и работает*; и в) квантификация сирконстанта (*Это происходит повсюду, Она всегда права* и подобные). В конечном счете, речь всегда идет о неотъемлемом свойстве пропозиционального содержания высказывания.

Именно в этом смысле употребляет в своих работах термин «генерализация» и Т. М. Николаева для анализа «скрытой» семантики частиц. Речь идет, однако, об «имплицитной» или «скрытой» генерализации, на которую опираются частицы в своем функционировании [Николаева 2000: 98]. Так, высказывание *И веревочка на что-нибудь пригодится* с частицей

⁵ Об участии генерализации в выражении других логико-семантических отношений см. раздел 4.

и опирается, согласно анализу Николаевой, на генерализацию «Такие пустышки, как веревочка, считаются непригодными», а высказывание *Он трудится, как врач* опирается на генерализацию «Все врачи много трудятся» [Там же: 98—99]. Для нас важны два положения, сформулированные в цитируемой работе. Во-первых, что «практически все частицы... участвуют в выражении скрытой семантики генерализации». Во-вторых, что «скрытая генерализация... всегда противоположна констатируемому» [Там же: 98—99]. Важными они являются потому, что в настоящей работе мы будем анализировать, наоборот, эксплицитную генерализацию и ее показатели, причем способы оформления обобщающих высказываний с абсолютной генерализацией и их разновидности останутся за рамками данного исследования. С другой стороны, русский язык не очень богат показателями эксплицитно выраженного отношения генерализации в чистом виде, к чему мы еще вернемся.

2.3. Генерализация как способ представления действительности

Генерализация является также одним из способов представления ситуации конкретным высказыванием. Иными словами, говорящий при помощи данного высказывания представляет ситуацию, абстрагируясь от деталей, которые только бы затемнили общую картину. Это означает, что описание ситуации может быть признано истинным только на достаточно высоком уровне обобщения, оставляя в стороне некоторые частные аспекты, которые в данной коммуникативной ситуации видятся говорящему мало интересными или незначительными. Этот способ представления действительности «без частных» обязательно требует эксплицитного языкового выражения — показателя генерализации, который предупреждает собеседника об особой перспективе видения ситуации. Во французском языке это могут быть такие выражения, как *sur un plan général, en règle générale, en général, généralement parlant*, в итальянском *in linea generale, in linea di massima, parlando in generale*, в русском *вообще говоря* и *вообще*, причем многие из этих выражений используются для выражения генерализации первого типа (см. генерализация в значении 1 выше). После такого caveat невозможно будет упрекнуть говорящего в том, что он пренебрег частностями. А значит, генерализация в этом — метатекстовом — значении находится в области разных видов пропозиционального отношения, которое, наряду с другими функциями, обеспечивает оптимальную интерпретацию высказывания. Заметим также, что показатели генерализации как определенной перспективы видения ситуации плохо совместимы с абсолютными генерализациями. Ср. в этом отношении неприемлемость в строго логических общих суждениях *вообще говоря* и его синонимов в сопоставляемых романских языках: **Вообще говоря, все дельфины — млекопитающие*; итал. **In generale, tutti i delfini sono mammiferi*; франц. **En général, tous les dauphins sont mammifères*.

Для иллюстрации различий между разными значениями, вкладываемыми в понятие генерализации, рассмотрим такие примеры:

- (11) Мне на полет в космос не жалко было бы, пожалуй, одного рубля. За такие деньги я бы полетел. Маршрут я бы выбрал попроще. *Вообще*, по-моему, интереснее сам процесс подготовки. Летит же турист не сам, его везут [Вы бы за сколько в космос полетели? (2002) // «Дело» (Самара), 2002.06.02].
- (12) Значит, кризис — явление стабильное. Упадок *вообще* стабильнее прогресса [Сергей Довлатов. Фиалиал (1987)].
Evidentemente la crisi è un fenomeno stabile. *In generale*, la decadenza è più stabile del progresso [Sergej Dovlatov. La filiale New York (Laura Salmon, 2010)].
Evidemment, la crise est un phénomène stable. La décadence, *en général*, est plus stable que le progrès (перевод наш. — О. И.).

В (11) высказывание с *вообще* содержит мнение говорящего относительно того, что интереснее: сам полет в космос или его подготовка. Это мнение предваряется двойной

модализацией: сначала говорящий при помощи *вообще* сигнализирует, что его утверждение может быть признано в частных аспектах не соответствующим действительности, а затем при помощи *по-моему*, еще одного показателя точки зрения, указывает, что это его личное мнение, которое не исключает других возможных. При этом частная ситуация, послужившая говорящему для генерализации, в контексте отсутствует. В (12), напротив, общее утверждение p_2 (*упадок вообще стабильнее прогресса*), содержащее квантификацию предиката, делается после частного утверждения p_1 (*кризис — явление стабильное*), и именно p_2 заставляет пересмотреть p_1 , уже обладающее высокой степенью обобщенности, как частный случай еще более общей закономерности. Отношение между p_1 и p_2 можно квалифицировать как отношение генерализации.

При анализе генерализации необходимо, таким образом, иметь в виду следующие четыре положения. Во-первых, и мы об этом уже упоминали, тот факт, что некоторые показатели генерализации (русск. *вообще*, франц. *en général* и итал. *in generale*) могут служить как для выражения логико-семантического отношения генерализации, так и (в первую очередь?) для выражения пропозиционального отношения, а именно обобщенного представления ситуации; см. для *вообще* приведенные выше (11) и (12), для *en général* — высказывание, послужившее эпиграфом к данной работе, для *in generale* (12) выше и (13):

- (13) Una lettera di cambio, *in generale*, è un'obbligazione scritta, concisa, contenente la parola *cambio* con la quale il sottoscrittore si obbliga, con la sua firma, pagare al creditore (L. Nouguier, M. Della Croce Petrucci, «Delle lettere di cambio e degli effetti di commercio in generale»).

Вексель, *вообще говоря*, является кратким по форме и содержащим слово *обмен* письменным обязательством заплатить кредитору, которое берет на себя подписавшее его лицо (перевод наш. — О. И.).

Во-вторых, тот факт, что результатом операции генерализации не обязательно должно быть генерализованное или универсальное высказывание типа (2) выше. Так, в (14) заключительная фраза несомненно содержит некоторое обобщение, однако вряд ли здесь можно говорить об универсальном или даже генерализованном высказывании в строгом смысле этого термина, поскольку речь идет об именной группе (*музыкальная семья*) с конкретной референцией, а сама операция генерализации произведена на основе минимального количества элементов множества (*мама и папа*).

- (14) Мама помогала папе-баянисту проводить массовки и утренники в школах, вечера и праздники на заводах и фабриках. Она стала успешно осваивать профессию массовика. Потому можно сказать, что я родилась в «музыкальной» семье [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994—2003)].

В-третьих, как мы видели, генерализация как логико-семантическое отношение может быть выражена показателем, более (русск. *вообще говоря*, итал. *più in generale*, франц. *plus généralement* и подобные) или менее специализированным (русск. *вообще*, итал. *in generale*, франц. *en général*), но показатель может и отсутствовать: соответствующее отношение должно быть реконструировано на основе семантического наполнения высказывания или более широкого контекста. Кроме того, см. наш пример (9), отношение генерализации, особенно при наличии в высказывании других коннекторов, может сочетаться с другими логико-семантическими отношениями, прежде всего, с отношением мотивации и противопоставления, а точнее, поглощаться ими. Об этом речь пойдет ниже.

В-четвертых, наконец, чтобы адекватно описать функционирование показателей генерализации и ее функций в тексте, необходимо различать два ее проявления: генерализация **in praesentia** и **in absentia**. Генерализацией *in praesentia* мы предлагаем называть такие семантические структуры, в которых присутствуют как более частное положение вещей, служащее отправной точкой для операции генерализации, так и обобщенное положение вещей, результат операции генерализации; см., например, (9), (10), (12). Генерализацией *in absentia*

будут, следовательно, считаться такие семантические структуры, где присутствует только обобщенное положение вещей, такие, как (3), (4) или (11) ниже. Очевидно, что логико-семантическое отношение генерализации всегда будет генерализацией *in praesentia*, особенно при отсутствии специальных показателей этого отношения. Тем не менее ни присутствие в высказывании частного положения вещей и его обобщения, ни присутствие в нем показателя генерализации не является гарантией того, что мы имеем дело именно с отношением генерализации; ср. (6) или (8) выше, а также (35) ниже, в котором высказывание, маркированное *вообще* (*Вообще, ветер дурак*), ни в коей мере не является обобщением предыдущего высказывания (*Во все щели дует собачий ветер*).

Таким образом, необходимо, с одной стороны, учитывать разные значения, вкладываемые в понятие «генерализация»: 1) генерализация как логико-семантическое отношение; 2) генерализация как внутренняя неотъемлемая характеристика высказывания, т. е. абсолютная генерализация; 3) генерализация как пропозициональное отношение; при этом показатели генерализации в этих разных значениях образуют во многом пересекающиеся множества, что, естественно, не облегчает задачу исследователя. С другой стороны, необходимо учитывать тип семантической структуры, в которой осуществляется генерализация, различая генерализацию *in praesentia* и *in absentia*.

3. Логико-семантическое отношение генерализации и его типы

Из трех видов генерализации, описанных в предыдущем разделе, в данном исследовании нас будет интересовать первый. Прежде всего, необходимо дать определение генерализации как логико-семантическому отношению (R_{gen}), обеспечивающему связность текста. Заметим сразу, что R_{gen} редко фигурирует в классификациях логико-семантических отношений. Оно, например, отсутствует в списке риторических отношений, используемых в рамках теории риторической структуры, разработанной У. Манном и С. Томпсон [Mann, Thompson 1987; 1988; Mann et al. 1992], а также в их расширенном списке, предложенном в работе [Кибрик, Подлеская 2009: 438—440]. Нет его и в фундаментальной работе [Kortmann 1997], посвященной показателям логико-семантических отношений, выражаемых в рамках синтаксического подчинения в языках Европы. В отечественной лингвистике отношение от частного к общему упоминается в учебнике для вузов [Гальперин 1974: 112] как один из восьми видов логической связи между единицами текста. Однако ему не дано определения, а тот факт, что в этом списке отдельно фигурируют также отношения от конкретного к абстрактному, не позволяет понять, что именно должно соответствовать генерализации в нашем понимании этого термина⁶. В исследованиях последних лет отношение генерализации начинает упоминаться как разновидность отношений, связанных с выбором формы высказывания (см., например, [Manzotti 2002; Wolf, Gibson 2005; Prasad et al. 2008; Breindl et al. 2014; Ferrari 2014: 158; Webber 2016]), но определяется, как правило, на основе функционирования показателей, синонимичных русск. *вообще говоря*, т. е. содержащих глаголы класса *verba dicendi* и лишь как отношение, симметричное спецификации, без каких-либо последующих уточнений⁷.

Мы предлагаем называть генерализацией такое логико-семантическое отношение, которое в общей динамике текста осуществляет переход от множества $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ «частных»

⁶ В этой связи заметим, что в отечественной лингвистике нет и устоявшегося термина для интересующего нас отношения: например, [Баранов и др. 1993; Алгазина 1994; Кобозева, Лауфер 1994; Прияткина и др.] используют термин «обобщение», [Арутюнова 1999; Николаева 2000] — термин «генерализация», [Петрова 2012] — термин «расширение».

⁷ Ср., например, определение показателей генерализации в работе [Breindl et al. 2014: 1151]: «Die generalisierenden Konnektoren *allgemein(er)/ganz allgemein gesagt/gesprochen/formuliert* bilden Konstruktionen, die zu den durch spezifizierende und exemplifizierende Konnektoren gebildeten Konstruktionen invers sind: Bei ihnen ist die Bedeutung ihres externen Konnektivs spezieller als die ihres internen». Далее следуют примеры.

пропозиций (простых или сложных, т. е. состоящих, в свою очередь, из двух или более пропозиций) к обобщающей пропозиции p_{gen} (которая также может быть простой или сложной), результату операции генерализации. Обобщающая пропозиция на понятийном уровне включает в себя все частные p_i (она может быть названа их общим знаменателем), а также в некоторых случаях другие пропозиции p_j , которые не эксплицированы в предыдущем контексте, но могут входить в заданное множество по своим свойствам; наконец, обобщающая пропозиция p_{gen} не связана с множеством p_i никаким другим логико-семантическим отношением, кроме генерализации. Схематично R_{gen} можно представить следующим образом:

$$R_{gen}: \{p_1, p_2, \dots, p_n\}_{base} \rightarrow p_{gen}$$

Множество $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ является базой генерализации, причем n может быть равным единице (см. пример такой структуры в (12) выше и в (32) ниже). Этот термин является более общим, чем база индукции, поскольку, как будет показано, R_{gen} не сводится к индукции⁸.

Логико-семантическое отношение генерализации R_{gen} , или генерализация, позволяет тексту двигаться вперед в том смысле, что она увеличивает его объем материально и семантически, добавляя новую информацию [Motsch, Pasch 1987; Drescher 1992; 1993; 1996a]. Но ее природа, если можно так сказать, вертикальна, статична, и в этом она схожа со спецификацией или переформулированием (см. место генерализации в системе логико-семантических отношений в работе [Breindl et al. 2014]; ср. также отнесение реплик Обобщения и Конкретизации к подклассу Вертикальных интерпретирующих речевых актов в работе [Кобозева, Лауфер 1994]). Однако, как мы увидим, R_{gen} является не только метатекстовым отношением, но может быть установлено и между пропозициями.

R_{gen} может быть, как мы уже упоминали, никак не сигнализировано говорящим или же выражено специальным показателем, эксплицитно указывающим на переход на более высокий уровень абстракции. Это могут быть уже перечисленные нами наречные выражения или деепричастия (русск. *суммируя, обобщая*, итал. *generalizzando*, франц. *en généralisant*), во французском и итальянском языках инфинитивы с предлогами цели (итал. *per parlare più in generale*, франц. *pour parler plus généralement*), а в русском клаузы типа *если говорить более общо / более обобщенно*).

Кроме того, в линейной структуре текста обобщающая пропозиция p_{gen} может непосредственно следовать за базой генерализации или же быть отделена от нее одним или несколькими предложениями s_i ; r , t , u , v — любые предложения, не участвующие в отношении генерализации:

$$\dots, r, \{p_1, p_2, \dots, p_n\}_{base} (s_1, s_2, \dots) p_{gen}, t, u, v, \dots$$

В результате при интерпретации текста не всегда можно легко распознать и определить границы составляющих генерализацию фрагментов текста, особенно тех, которые образуют ее базу: где она начинается и где завершается, из скольких элементов она состоит и т. д.?

- (15) Квартира их была просторная, некоммунальная, если верно помнится — в два этажа. [В кабинете отца — солидные книги] p_1 . Оттуда впервые — запах солидных, старых, редко доставаемых книг. Мы подолгу рассматривали энциклопедии и почтительно ставили на место. [Все в этом доме было серьезно и основательно] p_{gen} [Давид Самойлов. Общий дневник (1977—1989)].

Например, в (15) обобщающее предложение p_{gen} (*все в этом доме было серьезно и основательно*) отделено от предложения, послужившего основой для обобщения (*в кабинете отца — солидные книги*), двумя предложениями, не входящими в логико-семантическое отношение генерализации. Это, однако, сугубо практические проблемы построения и интерпретации текста, на которых мы не будем подробно останавливаться в дальнейшем описании.

⁸ Речь идет именно об индукции, а не о дедукции, как полагает С. Бирцер [Birzer 2015: 96].

Предложенное определение генерализации не затрагивает тем не менее природу концептуальной операции, лежащей в основе перехода от базы $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ к обобщающему предложению p_{gen} . Действительно, несколько когнитивных операций совместимы с данным определением. Их описание имеет интерес не только с теоретической точки зрения, так как позволяет лучше понять функционирование показателей генерализации в разных ее проявлениях.

3.1. Суммирующая генерализация

В первую очередь, можно выделить так называемую *суммирующую генерализацию* Gen_{Σ} , которая выводит p_{gen} путем сложения, суммирования пропозиций p_i , составляющих ее базу, причем всех их и только их, не распространяя обобщающую пропозицию p_{gen} на другие возможные случаи. Наверно, поэтому такая генерализация довольно редко встречается в тексте: p_{gen} лишь резюмирует то, что в аналитическом виде было сказано ранее, являясь суммой (Σ) составляющих базу p_i .

- (16) Маша, ты спишь? Ты слышишь, как мама с тобой говорит. [Мама любит тебя] p_1 . [Папа любит тебя] p_2 , [все в семье любят тебя] p_{gen} . Ты замечательная девочка (<http://doshkola5.ru/developing-techniques/shichida/pyatiminutnyiy-shichida-nastroy.html>; дата обращения: 24.06.2016).

Речь идет, как правило, о множествах с небольшим количеством элементов, которые могут быть легко исчислены. Интересно, что для такой интерпретации в (16), как и в (14) выше и (17) ниже, понятие «семья» сводится к ее минимальной составляющей — родителям.

В основе суммирующей генерализации лежит индуктивное умозаключение, а точнее, одна из его разновидностей: полная индукция. История фундаментального понятия «индукция», под которым подразумевается в широком смысле слова «форма мышления, посредством которой мысль наводится на какое-либо общее правило, общее положение, присущее всем единичным предметам какого-либо класса» [Кондаков: 200] (см. также авторитетные издания [Lalande; DF]), простирается на два с лишним тысячелетия. Это понятие используется в философии, логике, математике, и смысл, в него вкладываемый, неизбежно претерпел изменения, в результате чего индуктивное умозаключение может находиться на противоположных полюсах шкалы верифицируемости: от математической индукции, одного из методов доказательства, основанного на рекурсивности, до индукции Бэкона — Милля, позволяющей сделать обобщающие выводы на основе знаний лишь о некоторых элементах класса и используемой для формулирования гипотез, объяснений, предписаний, между которыми, если можно так сказать, находится полная, «совершенная», Аристотелева индукция, являющаяся перечислением всех частных случаев и имеющая форму силлогизма. Она и лежит в основе нашей суммирующей генерализации.

Итак, при суммирующей генерализации, которая является лишь сокращенным способом выражения того, что уже было известно, делается вывод о всем классе каких-либо предметов или ситуаций на основании знания о всех без исключения предметах и ситуациях данного класса. В (16) выше переход от $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ к обобщающему предложению p_{gen} выражен квантором общности⁹ в p_{gen} . Напротив, маркирование p_{gen} посредством различных

⁹ Суммирующую генерализацию не следует путать с другой семантической структурой, где в обобщающем высказывании также появляется квантор общности; ср.: Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — *все это* ваша история, ваша гордость [Лариса Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом (2004) // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15]. Здесь предложение *все это ваша история, ваша гордость* содержит лишь резюмирующую анафору: *все это* суммирует элементы, перечисленные в предыдущих предложениях (*камни, памятники, старые вещи, документы*). Принципиальное различие между генерализацией и резюмирующей анафорой данного типа состоит в следующем: при генерализации речь идет о пропозициях $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$, в каждой из которых одному из элементов данного множества

показателей генерализации, а priori возможных, приводит к довольно неожиданным последствиям как для интерпретации высказывания, так и для его приемлемости. Ср. в этом отношении модификации примера (16):

- (16') [Мама любит тебя] p_1 . [Папа любит тебя] p_2 , в общем, [все в семье любят тебя] p_{gen} .
[La mamma ti vuole bene] p_1 . [Il papà ti vuole bene] p_2 . Insomma, [tutti nella famiglia ti vogliono bene] p_{gen} .
- (16'') [Мама любит тебя] p_1 . [Папа любит тебя] p_2 , вообще [все в семье любят тебя] p_{gen} .
[La mamma ti vuole bene] p_1 . [Il papà ti vuole bene] p_2 . *In genere/*Generalmente, [tutti nella famiglia ti vogliono bene] p_{gen} .
[Maman t'aime] p_1 , [papa t'aime] p_2 . *En général/*Généralement, [tous dans la famille t'aiment] p_{gen} .

Если в *общем*, как и итал. *insomma* (буквально 'в сумме'), которые подводят итог тому, что было сказано ранее, здесь безупречны — см. аутентичный пример (17), — то итал. *generalmente* и *in genere* и франц. *généralement* и *en général* являются бесспорно аграмматичными, как и русск. *вообще*, если только не расширить множество *семья*, включив в него других членов, не перечисленных ранее, как в (17').

- (17) [Отец у меня — хирург] p_1 , [мама — акушерка] p_2 , в общем, [медицинская семья] p_{gen} , а я вот в кузнецы подался [Василий Теркин. «Всюду нужны лидеры»] (2003) // «Сельская новь», 2003.11.11].
- (17') [Отец у меня — хирург] p_1 , [мама — акушерка] p_2 ,^{??} *вообще* [медицинская семья] p_{gen} .
[Отец у меня — хирург] p_1 , [мама — акушерка] p_2 , [у нас *вообще* медицинская семья] p_{gen} .
[Mio padre è chirurgo] p_1 , [mia madre è levatrice] p_2 , [direi che siamo *in generale* una famiglia di medici] p_{gen} .
[Mon père est chirurgien] p_1 , [ma mère est sage-femme] p_2 , [nous sommes tous *en général* médecins dans la famille] p_{gen} .

Но в таком случае речь будет идти об универсальной квантификации обобщающей позиции p_{gen} , которая уже не является простой суммой перечисленных ранее p_i , что, как можно заметить, требует значительной перестройки высказывания, особенно в итальянском языке, и предполагает, кроме того, взгляд на семью в диахроническом аспекте (как в прошлом, так и в настоящем и, возможно, в будущем).

Что касается русск. *вообще* в функции частицы или вводного слова, т. е. отделенного запятой от остальной части высказывания, и *вообще говоря*, а также итал. *in generale* и *generalizzando*, франц. *généralement parlant*, они будут по меньшей мере странными в данном контексте, и это несмотря на то, что суммирующая генерализация лишь переформулирует сказанное выше.

Показатели генерализации, имеющие семантику русск. *в общем* и итал. *insomma*, как мы видели, совместимы с суммирующей генерализацией, распространяющейся только на перечисленные в базе p_i . Наоборот, они кажутся неприемлемыми, в отличие от *вообще* или итал. *in generale*, *in genere* и *generalmente* и их французских эквивалентов, в «расширенных»

приписывается некоторое свойство, которое затем распространяется на все элементы множества (см. определение абсолютной генерализации в [Кондаков] выше); при резумптивной, суммирующей, анафоре в предыдущем контексте лишь перечисляются элементы, которые затем объединяются в множество при помощи квантора общности, и только после этого им приписывается некоторое общее свойство.

суммирующих генерализациях, т. е. в таких, которые, как в (18), добавляют а posteriori к элементам, составляющим базу генерализации, другие элементы, называя их эксплицитно; ср. противоположную степень приемлемости модификаций примера (18) с *в общем*, которое подводит итог сказанному, и абсолютно приемлемое *вообще*, которое, наоборот, открывает новое семантическое целое с перечислением членов семьи, не упомянутых ранее, что делает его вполне уместным в данном контексте:

- (18) [Отец Мирона передавал матери Антипова всякие советы, как писать заявления, кому звонить, куда идти] p_1 . [Мать Мирона передавала советы хозяйственные и медицинские] p_2 . Она отлично знала особенности московских рынков, почему-то предпочитала Палашовский. [Все в этой семье давали советы] p_{gen} . Мирон говорил: «Коли обнял девушку, надо держать крепко. Как можно крепче». Даже тринадцатилетний Сенька давал советы, где покупать дешевые рассыпные папиросы [Ю. В. Трифонов. *Время и место* (1980)].
- (18') [Отец Мирона передавал матери Антипова всякие советы, как писать заявления, кому звонить, куда идти] p_1 . [Мать Мирона передавала советы хозяйственные и медицинские] p_2 . Она отлично знала особенности московских рынков, почему-то предпочитала Палашовский. **В общем/Вообще* [все в этой семье давали советы] p_{gen} . Мирон говорил: «Коли обнял девушку, надо держать крепко. Как можно крепче». Даже тринадцатилетний Сенька давал советы, где покупать дешевые рассыпные папиросы.

3.2. Индуктивная генерализация

Второй концептуальной операцией, лежащей в основе перехода от основы генерализации $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ к p_{gen} является неполная индукция, в результате которой делается какой-либо общий вывод о классе предметов на основании знания лишь о некоторых предметах данного класса [Кондаков: 381]. Именно за этой разновидностью индуктивного умозаключения, как исторически первой схемой логической индукции, закрепляется термин «индуктивное» в узком смысле этого термина [ФЭС: 207—208; Lalande: 508]. Поэтому данный вид генерализации мы и предлагаем называть *индуктивной*: Gen_{ind} [Inkova, Manzotti 2017]. Она рассматривает p_i как неполные, неисчерпывающие данные, но которые тем не менее позволяют экстраполировать присущие им свойства на другие подобные случаи, устанавливая таким образом некоторую закономерность, вероятность, верную для всех схожих случаев.

- (19) ⟨...⟩ при той же энергии способность частицы, столкнувшейся с ядром, испускать гамма-лучи будет обратно пропорциональна квадрату ее массы. А [так как масса протона в 1840 раз больше массы электрона, он будет излучать... примерно в 3,5 миллиона раз слабее электрона, обладающего той же кинетической энергией] p_1 . *Вообще* можно сказать, что [излучают только легкие частицы; тяжелые частицы с той же энергией излучают несравнимо слабее] p_{gen} [А. О. Вайсенберг. *Космические лучи // «Наука и жизнь»*, 1950].

Пример (19) несомненно представляет собой классическую индуктивную генерализацию научного характера, устанавливающую общую закономерность — способность частиц испускать гамма-лучи — на основе ограниченного числа случаев, а именно двух частиц: протона и электрона. Результат генерализации представлен, кроме того, эксплицитно как гипотеза (*можно сказать*). При этом, в (19) в сферу действия *вообще* попадает только модализатор *можно сказать*, а вся структура синонимична *вообще говоря*, т. е. мы имеем дело с интенциональной генерализацией. *Вообще* можно здесь считать наречием образа действия, характеризующим глагол *сказать* или *говорить*.

В (20) та же индуктивная генерализация касается самой обобщающей пропозиции p_{gen} : *каждый человек понимает успех по-своему*, задавая экстенционал именной группы.

- (20) А вот исследование социологов Фонда общественное мнение, о котором рассказал журнал «Социальная реальность» (Е. Вовк «Счастье плюс...» «СР» №1, 2008), показало, что [само понятие успеха не чуждо ни старшим, ни младшим поколениям, что и те, и другие относятся к нему очень положительно — только понимают они успех по-разному] p_1 . Можно сказать, что [вообще каждый человек понимает успех по-своему] p_{gen} [Елена Ускова. Знакомьтесь: «человек успешный» // «Знание — сила», 2009].

Вообще каждый человек означает не только людей двух возрастных групп, охваченных социологическим опросом (*старшие и младшие поколения*), но любого человека без исключения. Французские и итальянские показатели генерализации *en général* и *in generale* возможны в обеих семантических структурах — (19) и (20), причем в (19) они будут находиться после попадающей в сферу их действия языковой единицы (франц. *on pourrait dire en général...*, итал. *si potrebbe dire in generale...*), в отличие от итал. *in genere* и *generalmente*, а также от франц. *généralement*, неприемлемых в данных семантических структурах.

Заметим в этой связи, что индуктивная интенциональная генерализация, сформулированная в p_{gen} , как и индуктивная экстенциональная генерализация, оформляемая итал. *generalmente* и *in genere* и франц. *généralement*, допускают исключения. Поэтому они плохо совместимы не только с универсальными суждениями (см. выше), но с любыми высказываниями, не предполагающими исключения из правил или не допускающими иной уровень абстракции, т. е. такой, который не принимал бы во внимание частности; ср.: *Сумма внутренних углов треугольника равна 180°* и *Вообще (говоря), сумма внутренних углов треугольника равна 180°*; франц. *En général, Généralement, la somme des angles internes du triangle est de 180°*; итал. *In generale/In genere/Generalmente, la somma degli angoli interni del triangolo è di 180°*. Такие высказывания возможны лишь при употреблении показателей генерализации в функции смягчения категоричности высказывания, например при указании в ироническом модусе на ошибку. Кроме того, они приемлемы в некоторых специфических контекстах; ср. пример из [Арутюнова 1999: 824] для *в общем*: *В общем все змеи, конечно, пресмыкающиеся, но некоторые умеют еще и прыгать*.

В следующем, уже не научном, примере Gen_{ind} также исходит из двух частных случаев, причем здесь встает вопрос, упомянутый нами выше, об определении границ элементов, составляющих базу генерализации (поэтому мы его и оставили без разметки), а также более общий вопрос о том, как должны соотноситься $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ и p_{gen} :

- (21) Тогда научился шпарить задним ходом на полных скоростях: спереди торчат лапы и мешают. До сих пор задом езжу лучше... А еще чистил снег — вызывает главный инженер и кричит: «Садись на бульдозер, а то в тюрьму пойдешь!» И я чистил — на тракторе с ножом... *Вообще*, если бы не работяги — ничему бы не научился! [Петр Меньших. Я знаю, что такое заводить! (2004) // «За рулем», 2004.04.15]

Фрагмент текста, предшествующий *вообще*, описывает две ситуации, служащие основой для обобщения. Но возникает вопрос, в чем именно они заключаются, т. е. нужно ли, например, в них включать элементы, которые мы поместили в скобки: p_1 = говорящий научился ездить задним ходом (на полной скорости на тракторе); p_2 = говорящий научился чистить снег (трактором с ножом). Иными словами, насколько частными должны быть ситуации, описанные в базе генерализации, чтобы на их основе можно было бы вывести обобщение довольно высокой степени абстракции p_{gen} = *если бы не работяги — ничему бы не научился*? Кроме того, в отличие от (19) и (20), где Gen_{ind} осуществлялась на основе множества объектов — носителей общего признака, в (21) Gen_{ind} делается на основе различных свойств, которыми обладает один объект. Причем обобщающее высказывание p_{gen} должно быть понято здесь как описывающее тип действий, частными случаями которого являются $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$.

К этой же разновидности индуктивной экстенциональной генерализации относятся высказывания типа (22), где *вообще* вводит родовое обозначение действия: *привести себя*

в порядок, тогда как в предыдущем контексте перечислены его конкретные проявления *высушить волосы, переодеться, переобуться*; см. также пример к значению (i) в [МАС] выше, где указано лишь одно конкретное проявление скарденности:

- (22) Для того чтобы [высушить волосы] p_1 , [переодеться] p_2 , [переобуться] p_3 и вообще [привести себя в порядок] p_{gen} , пришедшему к прокуратору понадобилось очень мало времени [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)].

Данный тип генерализации, «типизирующей» действие или признак, следует отличать от генерализации, «типизирующей» ситуацию; ср. (23), где частная ситуация *она была со мной приветлива* обобщается в следующем высказывании для всех возможных обстоятельств, в которых может реализовываться ситуация *она приветлива*:

- (23) Относился к ней по-дружески, и [она была со мной приветлива] p_1 . [Она вообще была приветливая] p_{gen} , но ее приветливость держала мужиков на расстоянии... [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)]

Различие между двумя типами генерализации хорошо видно в тех случаях, когда обобщаемое действие или признак не является носителем предикативности, как например, в (24), где «типизируется» действие *читать* (при этом база для генерализации может быть не эксплицирована), или в (25), где «типизируется» свойство (*быть*) *красивым* в его разнообразных видах и противопоставляется его конкретным проявлениям (*что именно кажется вам красивым в них*):

- (24) Я стал плохим читателем, я уже совсем не могу читать нечто *вообще*, понимаете? Заниматься *вообще* чтением, читать *вообще* книги... [Л. К. Чуковская. Борис Пастернак. Первая встреча (1962)]
- (25) Рассматривайте произведения искусства, наблюдайте явления природы, пейзажи, растения, игру света, облака и т. п., стараясь отдать себе отчет, что именно кажется вам красивым в них. Не удовлетворяйтесь общим ощущением красивого *вообще* [М. А. Чехов. О технике актера (1945)].

Ср. также (26) и (27), где оба вида типизирующей генерализации касаются предиката интерпретации *вести себя странно*. Как известно, такие предикаты не обозначают никакого конкретного действия, а интерпретируют его как тип поведения [Падучева 2004: 340—342; Ю. Апресян 2009: 176—190].

- (26) Запад *вообще* ведет себя странно — по нашим меркам — когда речь идет о преступлениях сексуального характера. Их совершенно не заботит социальный статус, популярность, известность и прочие регалии «влиятельного человека», коего доказательно словили на недозволенном (<http://noviny.su/smi-00001873.html>; дата обращения: 30.06.2016).

В (26) *вообще* указывает на то, что типовая ситуация *Запад ведет себя странно* проявляется во всех обстоятельствах, связанных с преступлением сексуального характера, которые специфицируются в следующем предложении: независимо от социального статуса, популярности и т. д. человека, совершившего подобное преступление. Тогда как в (27) речь идет о типизации поведения *вести себя странно* на основе конкретного действия — произнесения слов с неясным смыслом:

- (27) Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость. — К чему это было сказано? — услышал гость внезапно треснувший голос. — [Этого нельзя было понять] p_1 . [Он *вообще* вел себя странно] p_{gen} , как, впрочем, и всегда [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)].

Об этом свидетельствует, с одной стороны, продолжение текста — см. (28), где описываются другие странности поведения, — а с другой, сравнительное придаточное, которое ясно показывает, что речь идет не о том, как ведет себя *всегда*, т. е. во всех обстоятельствах, Га-Ноцри, а именно о том, что он *ведет себя странно* во всех проявлениях этого действия. Ср. к тому же невозможность добавить *как всегда* в высказывание со значением «во всех обстоятельствах»: *“Он вообще ведет себя странно, как всегда.*

(28) — В чем странность? — Он все время пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих и все время улыбался какой-то растерянной улыбкой. — Больше ничего? — спросил хриплый голос [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)].

Таким образом, в генерализациях, типизирующих ситуации, в левом от показателя генерализации контексте описана ее реализация в конкретных обстоятельствах (отсюда частое присутствие в высказывании конкретизирующих обстоятельств времени, места, актантов), а в правом (p_{gen}) — та же ситуация, представленная как обобщенная, отсюда частое лексическое совпадение предиката p_{gen} и предиката p_i , обозначающего частную ситуацию; ср. (23) выше. В генерализациях, типизирующих действие или свойство, напротив, предикат p_i , описывающий его частное проявление, будет находиться, как правило, в отношениях гипонимии с предикатом p_{gen} , а при лексическом совпадении предикат p_{gen} должен иметь в качестве дополнения квантификатор общности; ср. (21) выше. Кроме того, генерализации, в которых обобщаются частные проявления некоторого действия или свойства, могут осуществляться в p_{gen} при помощи типического проявления данного свойства или действия, т. е. образца его проявления:

(29) Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что [он иногда внезапно смертен] p_i , вот в чем фокус! И [*вообще* не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер] p_{gen} [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)].

Свойство непредсказуемости, характеризующее судьбу человека, которое сначала вводится через конкретное его проявление, а именно тот факт, что человек не может предсказать момент своей смерти, обобщается затем в p_{gen} при помощи максимальной степени проявления непредсказуемости — невозможности сказать, что человек будет делать сегодня вечером. Отсюда, по-видимому, такое употребление *вообще*, в котором эта лексема завершает перечисление, вводя ситуацию, занимающую на шкале общего проявления признака, состояния и т. д. наиболее высокое место.

(30) Обстановка в комнате литсотрудников — мрачная. Воробьев драматически курит. Сидоровский глядит в одну точку. Делюкин говорит по телефону шепотом. У Милы Дорошенко *вообще* заплаканные глаза [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)].

Так, на шкале *мрачности обстановки* ситуация *плакать* занимает самое высокое положение, являясь, кроме того, типичным проявлением грусти¹⁰.

Заметим, наконец, что экстенциональная типизирующая генерализация, оформляемая при помощи русск. *вообще*, итал. *in generale*, франц. *en général*, не знает исключений, являясь тотализирующей и в высокой степени категоричной, в отличие от генерализации интенциональной, которая, наоборот, снимает категоричность высказывания за счет того, что говорящий а priori допускает исключения, а значит, и возражения.

¹⁰ Ср. работы [Гатинская 2002; Кобозева 2006], где это значение называется «градационным», а также предложенное О. Ю. Богуславской толкование лексемы *вообще* 1.2 в [АСРЯ: 246]: «Ситуация А1 занимает на шкале важности более высокое место, чем ситуация А2», — проиллюстрированное таким примером: *Не приписывайте себе чужих заслуг. И вообще, научитесь уважать людей.*

3.3. Обосновывающая генерализация

Третий тип генерализации, который помимо собственно отношения генерализации между ее базой и p_{gen} часто сопровождается — в обратном направлении — отношением мотивации, представляет собой такую семантическую конфигурацию, в которой обобщающая пропозиция p_{gen} вводит (напоминает, добавляет и т. д.) общую закономерность, принцип, правило, лежащие в основе частных случаев p_i . В отличие от суммирующей и индуктивной генерализации, эти правила, закономерности p_{gen} были установлены ранее, и в их функцию входит лишь объяснять или обосновывать частные случаи p_i . Следовательно, R_{gen} находится здесь в тесном взаимодействии с отношением мотивации, но устанавливаются они в противоположных направлениях: R_{gen} является прогрессивным отношением (от базы к p_{gen}), а отношение мотивации — регрессивным (от p_{gen} к базе). Отсюда и определение — **обосновывающая**, — которое предлагается для данного типа генерализации.

Приведем несколько примеров. В (31) тот факт, что две гайки могут вращаться вокруг общего центра масс, обосновывается через общую закономерность, характеризующую все тела вообще. Обобщающий принцип задан коннектором *более того*, вводящим, как известно, еще один, причем более веский, аргумент в пользу некоторого утверждения (см. также (10) выше и (33) ниже, где отношение добавления выражено глаголами *заметит* и *отметить*).

- (31) [Две одинаковые гайки могут прекрасно вращаться по орбитам вокруг общего центра масс] p_i . Более того, на самом деле [*вообще* все тела вращаются не «одно вокруг другого», а вокруг этого общего центра] p_{gen} (<https://thequestion.ru/questions/54648/>, дата обращения: 25.06.2016).

Таким образом, частный случай двух гаек, который мог бы вызвать у собеседника недоумение, не должен восприниматься как изолированный, т. е. как исключение из правила, а наоборот, как частный случай общей и достаточно известной закономерности.

Данный тип обобщения возможен и с интенциональной генерализацией, как в (32), где обобщающая пропозиция p_{gen} , которая подводит частный случай под общее правило, отрицая таким образом его уникальность, маркирована специализированным показателем интенциональной генерализации *вообще говоря*:

- (32) Сам Осетинский был, конечно, «гуляка праздный»... его выручало то, что [писал он невероятно быстро и обладал феноменальной памятью] p_i . *Вообще говоря*, [все московские денди этой генерации, о которых еще пойдет речь ниже, как один были не-заурядно одарены] p_{gen} [Николай Климонтович. Далее — *везде* (2001)].

Среди итальянских и французских показателей R_{gen} в данной семантической структуре возможны итал. *in generale* и франц. *en général* как с интенциональной генерализацией (с ее специфическими показателями итал. *parlando generalmente*, франц. *généralement parlant*), так и экстенциональной, занимая в этом случае неначальную позицию.

В (33) обосновывающая генерализация строится поэтапно. Сначала рассматривается один частный случай — электризация эбонита, затем приводится еще несколько частных случаев (*стекло, сургуч и другие материалы*) и лишь затем, причем в новом абзаце, приводится p_{gen} : в задачу генерализации входит объяснить, что электричество в результате трения можно получить не только из указанных материалов, но из всех тел вообще.

- (33) Простейший опыт получения электричества мы можем воспроизвести и сейчас, если потрем эбонитовую... палочку о кусок сукна или меха. Поднося после этого эбонитовую палочку к мелким кусочкам бумаги, волоса, заметим, что они будут притянуты к ней. (...) Кроме эбонита, такие же свойства обнаруживают стекло, сургуч и другие материалы. Эти свойства тел называются электрическими, а сами тела, находящиеся в таком состоянии, — наэлектризованными. Необходимо отметить, что при трении

электризуются *вообще* все тела, но некоторые из них, как эбонит, стекло, сургуч, можно при трении держать непосредственно рукой... (http://electrotechnika.narod.ru/elektricheskiy_tok.htm; дата обращения: 25.06.2016)

Данный тип генерализации, как мы видим, часто либо вводится коннектором или иным показателем, выражающим другое логико-семантическое отношение (см. также (9) и (10) выше), как бы подчиняясь ему или даже поглощаясь им, или же служит зачином для установления другого логико-семантического отношения, например противопоставления общего и частного. Это подводит нас к следующему вопросу: каковы функции генерализации в организации текста?

4. Функции генерализации в тексте

Анализируя семантику частиц, Т. М. Николаева отмечала следующее свойство генерализованных высказываний в значении 2 (см. раздел 2 выше): они «минимально связаны с контекстом, но ни с того ни с сего их не произносят» [Николаева 2000: 93]. Это утверждение можно распространить и на логико-семантическое отношение генерализации, точнее на обобщающие высказывания p_{gen} , полученные в результате операции генерализации, т. е. при переходе от множества частных случаев $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ к объединяющей их общей закономерности. В своем исследовании, посвященном текстовым функциям генерализации, М. Дрешер указывает на ее единственную функцию: генерализации функционируют как сигналы окончания некоторого тематического фрагмента, а точнее, как связующее звено между разными тематическими фрагментами («comme une espèce de joint entre différents épisodes thématiques») [Drescher 1996b: 140]¹¹. Высказывание с p_{gen} , действительно, часто начинает новый абзац, а значит, и новый тематический фрагмент текста; ср. (33) выше или (34):

(34) [С обеих сторон примирение было откровенно и без задних мыслей, что, разумеется, не помешало нам через неделю разойтись еще далее] p_1 . [Примирения *вообще* только тогда возможны, когда они не нужны] p_{gen} , то есть когда личное озлобление прошло или мнения сблизилась и люди сами видят, что не из чего ссориться. Иначе всякое примирение будет взаимное ослабление, обе стороны полиняют, то есть сдадут свою резкую краску [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1857)].

Высказывание, предваряющее генерализацию, заканчивает здесь описание примирения славянофилов с Герценом и его единомышленниками. А первое высказывание нового абзаца объясняет, почему они через неделю, «разумеется», рассорились еще больше. Таким образом, генерализация служит, с одной стороны, завершением предыдущего фрагмента текста, описывающего частный случай неудачного примирения, подводя его под общую закономерность, а с другой, начинает новый фрагмент, содержащий объяснение этой закономерности.

Кроме того, генерализации, особенно в их интенциональной разновидности, часто находятся на границе функционально разнородных текстовых фрагментов, сигнализируя переход, например, от повествования (34) или описания (35) к авторскому комментарию¹²:

(35) Я один. В доме никого нет. Во все щели дует собачий ветер (почему собачий?). *Вообще*, ветер дурак: дует в голом парке, а там и сорвать нечего. На дворе еще кое-как с ним справляюсь: стану спиной к ветру, голову вниз, ноги расставлю — и «наплевать», как

¹¹ Ср. также схожие наблюдения Н. Д. Арутюновой, которая, анализируя употребление *вообще*, отмечает, что эта лексема нередко используется «для завершения некоторой темы, изменения общей направленности разговора, переключения его в другое русло» [Арутюнова 1999: 826].

¹² Гатинская [2002: 125] говорит применительно к схожим случаям о функции *вообще* как «маркера попутных замечаний».

говорит садовник. А в комнате куда от этого бандита не спрячешься [Саша Черный. Дневник Фокса Микки (1927)].

Однако эта, довольно общая, функция генерализации — экстенциональной и интенциональной — как связующего звена между двумя тематическими фрагментами текста должна быть, на наш взгляд, уточнена, причем здесь необходимо различать два случая¹³.

В первом из них, о котором мы уже упоминали в предыдущем разделе, генерализация использована в рамках другого логико-семантического отношения, например мотивации, как в (33) выше. Она может быть также использована для выражения отношения неединственности в той ее разновидности, когда «второй из соединяемых фрагментов текста описывает множество, к которому относится элемент, указанный в первом фрагменте» [Инькова 2016: 47]; *вообще* будет здесь показателем экстенциональной генерализации:

(36) В это время к Розанову *не только* писательские круги, *но и вообще* интеллигенция, — относилась уже довольно враждебно [З. Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове) (1923)].

Генерализация совместима также с присоединительными отношениями (37) в сочетании с *да и* или с отношением альтернативы (38), квалифицируя вводимые этими коннекторами фрагменты текста как обобщающие:

(37) Я должен действовать агрессивнее, *да и вообще* мне многое нужно улучшать в своей игре [Ромуальд Шидловский. Кто хочет стать первой ракеткой. Лейтон Хьюитт проявляет большее рвение, чем Андре Агасси (2001) // «Известия», 2001.11.14].

(38) Подавать сразу же, но никогда не заворачивать их в газеты *или вообще* печатную бумагу [Елена Молоховец. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве / Булки и куличи (1875—1900)].

Генерализация часто используется и при противопоставлении, как в (39)¹⁴:

(39) Местами из-под сапог проступала черная вода, *но вообще* толстая подушка мха держала человека [Василь Быков. Болото (2001)].

Здесь генерализация задействована для противопоставления, оформляемого союзом *но*, частного случая (*местами проступала вода*), который может послужить для возможного ложного обобщения, и ситуации (*вообще мх держал человека*), которая опровергает это возможное обобщение. Противопоставление может идти и в обратном направлении: от общего к частному, как в (40), где *общая* вредность телесных наказаний противопоставляется, снова при помощи союза *но*, их полезности *в некоторых случаях*, которые являются исключениями из правила:

(40) ⟨...⟩ телесные наказания *вообще* вредны, *но* в некоторых случаях они полезны и незаменимы [А. П. Чехов. Крыжовник (1898)].

В таких семантических структурах речь идет, следовательно, не о логико-семантическом отношении генерализации, а о другом отношении, которое опирается на переход от общего к частному или от частного к общему и как бы поглощает его. Поэтому мы бы не стали приписывать *вообще* значения уступительности или противительности, как это предлагают В. Ю. Апресян [2015: 11] и [БТС], который, кроме того, признает за *вообще* в таких структурах, как (39) и (40), статус союза, что весьма спорно. Уступительная или противительная

¹³ Для экономии места мы приводим примеры только на русском языке, но все сказанное применимо и к данным французского и итальянского языков.

¹⁴ См. модификацию «Правила и исключения» базового значения *вообще* в работе [Баранов и др. 1993: 108—109].

интерпретация таких высказываний — результат взаимодействия семантического наполнения фрагментов текста и семантики связывающего их коннектора, а также прагматики интенциональной генерализации (единственно допустимой в таких структурах), разрешающей исключения, а значит, возможность противопоставления общего и частного, правила и исключения, тогда как *вообще* остается в таких высказываниях показателем генерализации, как и в сочетании с показателями других логико-семантических отношений¹⁵.

Отметим также частое использование генерализаций в сравнениях: *как обычно бывает, как всегда, как часто случается* и др.; ср. (41):

- (41) Пьеса была принята к постановке единодушно и даже с энтузиазмом, и, *как всегда бывает в таких случаях*, ей нашлось место в репертуаре этого же года [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960—2000)].

Функция таких сравнительных генерализаций — подвести на основе аналогии частный случай (в нашем примере тот факт, что данной пьесе нашлось место в репертуаре) под множество подобных, *таких*, случаев. Такие сравнения по своей семантике противоположны актуализирующим сравнениям, т. е. таким, которые вводят частный случай, иллюстрирующий общую закономерность; ср. (42):

- (42) А вот художественные рубрики существуют словно бы сами по себе, не всегда согласованы с направлением журнала, *как, например*, в «Новом мире» [Алексей Краевский. Журналы и поклонники // «Октябрь», 2003].

Второй случай использования генерализации в тексте представляют собой такие семантические структуры, в которых логико-семантическое отношение генерализации, точнее ее результат — обобщающее высказывание p_{gen} — служит отправной точкой для другого логико-семантического отношения. Как это ни парадоксально, довольно часто после генерализации следует возврат к частным случаям.

- (43) А свой старый инструмент 19 века я подарила одной музыкальной школе. Конечно, [было жаль расставаться с ним...] p_1 [Я *вообще* очень привязываюсь к вещам] p_{gen} . Храню, *например*, старинный медный подсвечник, принадлежавший еще моей прабабушке. Или вот — мельхиоровый кофейный сервиз: его я купила после первого своего концерта в парижской «Олимпии»... [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15]

Так, в (43) от частного случая трудного расставания со старым пианино говорящий переходит к обобщению (*я вообще очень привязываюсь к вещам*), а затем снова возвращается к перечислению частных случаев (об этом в (43) сигнализирует *например*; но этот переход может быть никак не маркирован, как в (9) или (18) выше), которые служат говорящему для того, чтобы проиллюстрировать или обосновать свою привязанность к вещам. Но частный случай может быть введен после сделанного обобщения, чтобы, наоборот, ограничить сферу его применения:

- (44) [У нас были одинаковые игрушки] p_1 , [одинаковая одежда] p_2 и *вообще* [всё довольно одинаковое] p_{gen} , *кроме* роста и веса [Борис Минаев. Детство Левы (2001)].

В (44) универсальность (выраженная квантором общности *всё*) обобщающего высказывания ограничена в последующем контексте двумя частными случаями, не попадающими под общую закономерность: рост и вес мальчиков.

Наконец (но этот список, скорее всего, не исчерпывающий), генерализация может служить отправной точкой для объяснения, как в (45), где за результатом генерализации *вообще наличие истории формирования капитала важно* следует причинный союз *потому что*, объясняющий это обобщение.

¹⁵ Ср. схожую с нашей позицию в работе [Арутюнова 1999].

- (45) [Сегодня богатым как никогда важно показать свою финансовую историю]р₁. *Вообще* [наличие истории формирования капитала принципиально важно]р_{ген}, потому что когда человек становится очень богатым, то у государства неизбежно возникает вопрос: а откуда деньги? [Светлана Сухова. Мы можем просчитать вас полностью (2003) // «Итоги», 2003.01.13]

Как в одном, так и в другом случае, т. е. когда генерализация встроена в другое логико-семантическое отношение и когда результат генерализации служит отправной точкой для нового отношения, представляется интересным изучить ее совместимость с другими логико-семантическими отношениями, так как в общей динамике текста некоторые отношения открывают возможность определенного продолжения или, наоборот, делают его невозможным¹⁶.

5. Показатели генерализации в русском, французском и итальянском языках: несколько замечаний в сопоставительном ключе

В предыдущих разделах, посвященных определению самого понятия генерализации и типов генерализации как логико-семантического отношения, уже можно было заметить, насколько различные ее показатели чувствительны к типу семантической структуры, в которой они употребляются, и что далеко не все из них взаимозаменяемы. Их исчерпывающее сопоставительное описание не может быть дано в нескольких строках, которые мы можем себе позволить в рамках данной статьи, поскольку такое описание требует глубокого анализа корпусных данных, способных отразить разнообразие и неустойчивость употреблений показателей генерализации. Многие вопросы остаются пока открытыми: от расхождения в значениях итальянских *in genere* и *in generale* до значительной разницы в частоте употреблений показателей генерализации в текстах разной стилиевой принадлежности; например, их особенно много в административно-деловых текстах. Привлечение диахронических данных также представляется необходимым, чтобы описать развитие у русского *вообще* значений, далеких от генерализации¹⁷, а для французского и итальянского языков — для того, чтобы понять, в какой момент за итал. *generalmente* и франц. *généralement*, с одной стороны, и итал. *in generale* и франц. *en général*, с другой, закрепляются настолько разные сферы употребления.

Поэтому в данном разделе мы в общих чертах подведем итог тому, что было сказано выше, сформулировав те положения, которые нам кажутся наименее спорными, опираясь в значительной степени на работу [Manzotti 2015] для итальянского языка и [Molinier 2005] — для французского.

1. Прежде всего, необходимо различать два противоположных способа делать обобщение. В итальянском и французском языках, располагающих несколькими показателями генерализации, эта оппозиция довольно четко выражена. С одной стороны, существуют наречия (итал. *in generale*, франц. *en général*), которые, в случае их употребления с сентенциальной сферой действия, выражают абстрагирующее пропозициональное отношение, а значит, интенциональную генерализацию; см. пример (5) выше и (46).

¹⁶ Такого рода исследование станет реализуемым, в частности, благодаря созданию базы данных показателей логико-семантических отношений, которая разрабатывается в рамках упомянутого ранее проекта РНФ, посвященного логической структуре текста. Фрагмент базы данных доступен на сайте <http://a179.ipi.ac.ru/PublicLingvoTest/main.aspx>.

¹⁷ Речь идет, прежде всего, об употреблении, которые квалифицируются как «экспрессивные» ([Гатинская 2002: 128; Шимчук, Щур; Баранов и др. 1993] и др.): *Такой талант стал. Вообще!*; *Ну ты, вообще, даешь!* (часто «ва-аше»), или диалогические употребления: — *Ты что загрузил?* — *Да так вообще...* [Арутюнова 1999: 829], где смысл *вообще*-реплик остается крайне неопределенным.

- (46) *En général, quand on commence un livre, il faut tâcher d'être attachant et tout, mais je ne veux pas travestir la vérité: je ne suis pas un gentil narrateur* [Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997—2000)].

Вообще-то любой автор, заводясь с новой книгой, должен прикинуться эдаким симпомпончиком [Фредерик Бегбедер. 99 франков (И. Волевич, 2002)].

С другой стороны, фразовые наречия франц. *généralement*, итал. *generalmente* и, в меньшей степени, *in genere*, которые ведут себя как слабые¹⁸ универсальные квантификаторы и, следовательно, выражают экстенциональную квантификацию ситуаций, утверждая некоторую закономерность или регулярность в их реализации; см. (7) выше и (47):

- (47) *Le projet de rapport est distribué assez tôt le dernier jour de la session (généralement une heure avant son adoption)* [Organisation des Nations Unies pour l'alimentation et l'agriculture [ABBYY LingvoPRO] (2008)].

Проект доклада предоставляется, как правило, за один час до начала процедуры его принятия [Международные стандарты на пищевые продукты Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (2008)].

Важно подчеркнуть, что сфера действия франц. *généralement*, итал. *generalmente* — всегда сентенциальная [Molinier 2005].

Наконец, с присловной сферой действия итал. *in generale* и франц. *en général* выражают экстенциональную типизирующую генерализацию; ср. для итальянского языка (6) выше и (48), где типизация подчеркнута дополнительно словом *atto* 'действие':

- (48) *Tuttavia, prima di cominciare a chiederci in che modo questo sia possibile, forse sarebbe opportuno interrogarci sull'effettiva considerazione che la nostra società ha per i libri e per l'atto di leggere in generale* [<http://www.laricerca.loescher.it/societa/1174-il-diritto-di-crescere-lettori.html>; дата обращения: 13.07.2016]

Однако, прежде чем понять, каким образом это можно реализовать, было бы своевременно спросить себя, как относится наше общество к книгам и к чтению вообще (перевод наш. — О. И.).

В русском языке распределение показателей «чистой» генерализации (которых, как мы видели, всего два, принадлежащих к классу дискурсивных слов: *вообще* и *вообще говоря*) по разным ее типам происходит по-другому. Если вводное слово *вообще говоря* закреплено для выражения интенциональной генерализации, то наречие *вообще* многозначно. В русской лингвистике сложилась давняя традиция использовать просодию для анализа семантики дискурсивных слов. В работах данного направления, посвященных *вообще* (ср. [Баранов и др. 1993; Ю. Апресян 1995; Кобозева 2006; АСРЯ; В. Апресян 2015]), выделяются grosso modo две группы его употреблений: как носителя фразового ударения и не допускающего фразовое ударение. Именно здесь и проходит граница между интенциональной (безударное употребление) и экстенциональной (под фразовым ударением) генерализацией. Но если французский и итальянский языки располагают показателем экстенциональной генерализации, охватывающей большинство случаев и допускающей исключения (франц. *généralement*, итал. *generalmente*), то в русском языке такого типа генерализации нет. Экстенциональная генерализация, выражаемая *вообще*, всегда всеобъемлюща и не терпит исключений. Это касается и типизации ситуаций, и типизации действий и признаков, и типизации класса; см. значение (ii) из [MAC] выше, а также толкования «во всех случаях, всегда» [БАС], «при любых условиях и обстоятельствах, в любое время» [Ефремова]. При этом, если романские языки могут выражать типизацию класса и действий/признаков (как правило, с присловной сферой действия в непредикативных структурах и в постпозиции по отношению

¹⁸ «Слабые» универсальные квантификаторы в том смысле, что они допускают исключения, ср. [Kleiber 1987: 60]: «quantification universelle affaiblie».

к модифицируемому фрагменту текста), то типизация ситуаций для них не характерна, может быть, в силу того, что квантификация ситуаций выражается в них франц. *généralement*, итал. *generalmente*, являющимися слабыми универсальными квантификаторами с сентенциальной сферой действия, тогда как лексема *вообще* с сентенциальной сферой действия «зарезервирована» за интенциональной генерализацией. Различие между русским и романскими языками начинается в выражении экстенциональной генерализации; см. Таблицу.

Таблица

Типы генерализации и их показатели
в русском, французском и итальянском языках

Язык	Интенциональная генерализация	Экстенциональная генерализация			
		Слабая универсальная квантификация ситуаций	Типизирующая генерализация		
			Ситуации	Действия, признаки	Класс
Итальянский	<i>in generale</i>	<i>generalmente, in genere</i>	—	<i>in generale</i>	<i>in generale</i>
Французский	<i>en général</i>	<i>généralement</i>	—	<i>en général</i>	<i>en général</i>
Русский	<i>вообще</i>	—	<i>вообще</i>	<i>вообще</i>	<i>вообще</i>

2. Важно также различать, что является предметом генерализации, как с синтаксической, так и с семантической точки зрения. Мы уже убедились, что различие в рамках экстенциональной генерализации (слабая vs. типизирующая) связано со сферой действия ее показателей: сентенциальная для слабой, предикативная и присловная — для типизирующей.

Для генерализации с присловной сферой действия, особенно для именных групп, важно также, какую референцию имеет именная группа. При типизирующей генерализации именная группа должна быть обязательно именем класса. Если в сферу действия показателя генерализации попадает имя с конкретной референцией (что, заметим, возможно только в русском языке), то его экстенционал уже задан, и тогда *вообще* квантифицирует, если так можно сказать, составные части обозначаемого им предмета, становясь синонимом *в целом, целиком*, и вряд ли здесь можно говорить о генерализации в нашем понимании.

(49) Вот как изображала на другой день газета Горького, враждебная большевикам, мои заключительные слова и *весь вообще* эпизод [Л. Д. Троицкий. Моя жизнь (1929—1933)].

А вот значение усилительной частицы при универсальных квантификаторах (*все, ничего* и др.) рождается на основе генерализации. Эти местоимения в большинстве случаев своего употребления (за исключением, пожалуй, абсолютных генерализаций) так или иначе привязаны к контексту: *Я все сделал* должно быть понято как *сделал то, что надо было сделать в данной ситуации*; *Я ничего не понял* — не понял ничего из того, что было сказано/услышано/прочитано. В сочетании с *вообще* происходит отрыв денотативной области местоимения от конкретной ситуации.

(50) В багажнике лежала люстра. Почему-то люстру Ира купила в первую очередь. [Когда еще не было шкафов, кровати]_p. [*Вообще* ничего не было]_{p^{gen}}. Она ехала домой совершенно счастливая, жевала булку, запивая ее кефиром. Видела, как ее подрезает огромная фура. Понимала, что ничего сделать не может. В больнице, как только Ира очнулась в реанимации, ей сказали, что она была беременная — шесть недель, — ребенка сохранить не удалось [Маша Трауб. Домик на Юге (2009)].

В (50) местоимение *ничего* употребляется два раза. В первом случае в сочетании с *вообще* его денотативная область охватывает не только предметы обстановки, перечисленные в данном контексте. Во втором случае — «ничего сделать не может» — употребление

вообще будет неуместно, так как речь идет именно о том, что Ирина могла бы сделать именно для того, чтобы избежать столкновение с фурой. Вряд ли поэтому *вообще* должно считаться в подобных употреблениях «усилительной частицей», синонимичной *совсем не*, *вовсе не*, как это предлагают словари (ср. значение (ii) из [МАС] выше). Контекст всегда должен позволять сделать обобщение, выводящее денотативную область местоимения за пределы описываемой ситуации. Такая трактовка тем более обоснована, что *вообще* сохраняет свою обобщающую семантику и с местоимением *всё*:

- (51) Свет, свет — видел купол света, как бы сверху, этот купол переливался и сверкал, свет исходил прямо из него и воздушно заполнял всё вокруг, из него изливались поющие голоса, гармония, такая, будто бы это звучали хором откуда-то из будущего тысячи и тысячи голосов... Но почему же будущая жизнь, *вообще* всё это «будущее» погрузило в такое ожидание: предчувствие чего-то, приготовление к чему-то... [Олег Павлов. Асистолия // «Знамя», 2009]

Заметим, что французские и итальянские показатели генерализации также могут сочетаться с универсальными квантификаторами; ср. (52) для французского и (53) для итальянского языков:

- (52) ⟨...⟩ ses différentes représentations à travers les médias et la littérature. Car ce sont ces moyens qui nous mettent en contact avec le savoir sur tout *en général* et l'orque dans ce cas précis (<http://tecfa.unige.ch/perso/lombardf/calvin/TM/03/brodard/orque-aimable-sanguinaire.html>; дата обращения: 14.07.2016).

⟨...⟩ различные представления о нем в масс-медиа и в литературе. Потому что это те средства, которые позволяют нам получить доступ к знаниям обо *всём вообще* и о *катке* в частности (перевод наш. — О. И.).

- (53) Io non capirò mai gli uomini, o forse loro non capiranno mai NIENTE *in generale* (<http://isaechia.it/2013/04/22/uomini-e-donne-la-mia-opinione-sulla-puntata-di-oggi-319/>; дата обращения: 14.07.2016).

Я никогда не пойму мужчин, или, может быть, они никогда не поймут ничего *вообще* (перевод наш. — О. И.).

Употребление *вообще* в функции типизации ситуации или действия/признака ставит, кроме того, онтологически важный вопрос о том, какая ситуация или действие может служить предметом обобщения. Например, можно сказать *Мне не нравится бегать вообще*, поскольку это действие имеет множество разнообразных способов реализации (можно бегать одному или с друзьями, утром или вечером, зимой или летом, на короткие или длинные дистанции и т. д.), и глагол *нравиться* (или *не нравится*) как раз и позволяет обобщить эти ситуации. Гораздо менее естественными будут утверждения ^{??}*Он продал телевизор вообще*; ^{??}*Он вообще купил книгу*. И дело здесь не только и не столько в совершенном виде предиката, сколько, по-видимому, в семантике глагола, поскольку высказывание *Он вообще повел себя странно* с совершенным видом будет абсолютно приемлемым, а *Он вообще покупает книги* с несовершенным остается довольно трудным для интерпретации. Следовательно, необходимо исследовать семантико-синтаксические ограничения, которые накладывает тот или иной тип генерализации как логико-семантического отношения.

3. Сами по себе показатели генерализации как в русском, так и в сопоставляемых романских языках не являются показателями логико-семантического отношения генерализации, т. е. коннекторами в том смысле, в котором принято говорить о коннекторах *потому что*, *но*, *если* и др. Они являются показателями пропозиционального отношения, и лишь присутствие в левом контексте базы генерализации позволяет интерпретировать содержащее их высказывание p_{gen} как результат генерализации. Иными словами, присутствие в контексте наречий или наречных выражений с семантикой генерализации не является достаточным критерием, позволяющим говорить об отношении генерализации и об их статусе

коннектора¹⁹. Они могут, например, появляться в абсолютном начале текста, а значит, не требуют для своей интерпретации обязательного левого контекста. Так, в (54) *en général* появляется в первой фразе главы:

- (54) *En général, quand on présente une discipline dans un ouvrage à visée didactique, on commence par effectuer un rapide parcours historique...* (D. Maingueneau, « Discours et analyse du discours », p. 9)

Вообще говоря, когда речь идет о том, чтобы представить какую-нибудь дисциплину в учебном пособии, принято начинать с краткого исторического очерка... (перевод наш. — О. И.).

И здесь важным представляется сделанное нами различие между генерализацией *in praesentia* и *in absentia*. Ср. в этом отношении (55), где *вообще говоря* лишь квалифицирует выбранное определение *произвольная* как абстрагирующееся от частных, являясь показателем пропозиционального отношения, и (56), где то же выражение может расцениваться как коннектор: левый контекст содержит базу генерализации, а содержащее его высказывание — ее результат (ср., в частности, местоимение *все* в p_{gen})²⁰:

- (55) Это множество шаблонов и образует базу данных, форма представления которой может быть, *вообще говоря*, произвольной [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004].

- (56) [На следующий день еще раз пришли проститься Таня и Павлик Эренфест] p_1 , [затем Шубниковы, преподнесшие мне на прощание конфеты и снимки, сделанные во время нашей Пасхальной поездки] p_2 . [А вчера, хотя поезд уходил в 7.40 утра, встала вся семья хозяев со мной проститься] p_3 , а [Обреимов прибежал небритый провожать меня на вокзал!] p_4 [Баловали меня, *вообще говоря*, все в Лейдене, все время без меры и незаслуженно!] p_{gen} [И. Е. Тамм. Из писем (1928)].

Единственными единицами, которые можно считать коннекторами генерализации, являются те, семантика которых эксплицитно выражает повышение уровня абстракции. Например, итал. *più in generale* и франц. *plus en général*, которые анафорически, через сравнительную степень, отсылают к предшествующей базе генерализации (элементы p_i которой уже должны быть, следовательно, в некоторой степени обобщающими), а также деэпричастия русск. *обобщая*, итал. *generalizzando*, франц. *en généralisant*, которые эксплицитно динамический характер осуществляемой операции генерализации. Заметим в этой связи, что русск. *вообще* не может быть подвергнуто градации, в отличие от романских *in generale* и *en général*, которые могут повышать степень абстракции, особенно в функции показателей интенциональной генерализации; ср. для итальянского языка *in generale* → *più in generale* → *molto più in generale* → *ancora più in generale* → *del tutto in generale* [Manzotti 2015: 229]. Русский язык может тем не менее выражать градацию обобщения при помощи других выражений, например, *говоря более/совсем общо*.

4. Наконец, отметим существование выражений, семантически близких к показателям генерализации, т. е. способных самостоятельно или при поддержке контекста выражать отношение обобщения. Это показатели, выражающие:

— итог сказанному (*в общем, в общих чертах, в итоге, в сущности, в целом, по сути и др.*);

¹⁹ Ср. схожую позицию в работах [Алгазина 1994: 97] и [Гатинская 2002: 124].

²⁰ Трудно поэтому согласиться с С. Бирцер, которая предлагает для *вообще говоря* такую схему развития его дискурсивных функций, в которой функция коннектора является стартовой и где этап «speaker's stance» соответствует приблизительно нашей квалификации «показатель пропозиционального отношения» [Birzer 2015: 110]: reformulating connective > speaker's stance > topic management > filler.

- норму или идеал (*в норме, в принципе, как правило, в идеале* и др.);
- обобщающее сравнение, погружающее частный случай во множество ему подобных (*как часто/всегда бывает/случается в таких/подобных случаях* и др.);
- обычность ситуации (*обычно, обыкновенно* и др.) или тот факт, что она характеризует большинство (*в большинстве случаев, большей частью, в массе, преимущественно* и др.).

Необходимо, следовательно, установить различия между этими отношениями и генерализацией как с понятийной точки зрения, так и с точки зрения функционирования их показателей.

6. Обобщая сказанное

Генерализация как семантическая категория является, как мы видели, сложным понятием сразу по нескольким причинам. Во-первых, потому, что его можно понимать как а) логико-семантическое отношение (R_{gen}), б) неотъемлемое семантическое свойство высказывания, связанное с его пропозициональным содержанием и в) пропозициональное отношение. Во-вторых, потому, что показатели генерализации часто полифункциональны и полисемичны, а кроме того, совместимы с различными концептуальными операциями, на которые опирается отношение генерализации. Наконец, потому, что микросистемы показателей генерализации в разных языках обнаруживают существенные различия как в количественном отношении, так и с точки зрения их функционирования.

Предложенное определение генерализации позволяет пересмотреть место генерализации в системе логико-семантических отношений. Как мы могли убедиться, генерализация есть не только метатекстовое отношение, касающееся выбора формы представления ситуации, как это принято считать, но и отношение, которое может быть установлено на уровне связываемых им пропозиций. Кроме того, проведенный анализ позволит на новой теоретической основе дать детальное описание показателей генерализации русского языка, в частности, в сопоставлении с другими языками, а также более четко определить семантически близкие к генерализации логико-семантические отношения и описать их показатели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АСРЯ — Апресян Ю. Д. (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2: В—Г. М.: Языки славянских культур, 2014.
- БАС — Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
- БТС — Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. В авторской редакции 2014 г. <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
- Ефремова — Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель-АСТ, 2004.
- Кондаков — Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.
- ЛЭС — Ярцева В. Н. (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая советская энциклопедия, 1990.
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorgo.ru>.
- РЯ — Караулов Ю. Н. (ред.). Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1997.
- Прияткина и др. — Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А., Сергеева Г. Н., Зайцева Г. Д., Окатова Н. Т., Токарчук И. Н., Крылова Г. М., Жукова Т. А., Петроченко Т. В., Завьялов В. Н. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток: ДВГУ, 2001.
- ФЭС — Ильичев Л. Ф., Федосеева П. Н., Ковалева С. М., Панов В. Г. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

- Шимчук, Щур — Шимчук Э. Г., Щур М. Г. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999.
- DF — *Dizionario di filosofia*. Treccani on-line, 2009. Available at: <http://www.treccani.it/enciclopedia/>.
- GDLI — Battaglia S. *Grande Dizionario della Lingua Italiana*, diretto da G. Bàrberi Squarotti. Torino: UTET, 1961—2004.
- SC — *Il Sabatini Coletti. Dizionario della lingua italiana*. Milano: RCS Libri — Divisione Education, 2013 (1^a ed. Firenze: Giunti, 1997).
- Lalande — Lalande A. *Vocabulaire technique et critique de la philosophie*. Paris: PUF, 1976.
- OED — *Oxford English Dictionary*. Available at: <http://www.oed.com>.
- TLFi — *Le Trésor de la Langue Française informatisé*. Available at: <http://atilf.atilf.fr>.
- VLI — Duro A. (a c. di). *Vocabolario della lingua italiana*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1986—1994.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алгазина 1994 — Алгазина Т. С. Об особенностях употребления вводно-союзных компонентов со значением обобщения // Русский язык в школе. 1994. № 2. С. 97—100. [Algazina T. S. Characteristics of parenthetical-connective components with the meaning of generalization. *Russkii yazyk v shkole*. 1994. No. 2. Pp. 97—100.]
- Ю. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об обозначаемом лексеме // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 178—198. [Apresian Yu. D. Types of lexicographic information about a lexeme's signifier. Apresian Yu. D. *Izbrannye trudy*. Vol. II: *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995. Pp. 178—198.]
- Ю. Апресян 2009 — Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. [Apresian Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Studies in semantics and lexicography]. Vol. 1: *Paradigmatika* [Paradigmatics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- В. Апресян 2015 — Апресян В. Ю. Связь семантических и коммуникативных свойств языковых единиц // Селегей В. П. (отв. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27—30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 2—18. [Apresian V. Yu. The connection of semantic and communicative characteristics of linguistic units. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Moskva, 27—30 maya 2015 g.)*. No. 14 (21). Selegei V. P. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2015. Pp. 2—18.]
- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Генерализация и структура дискурса // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 823—830. [Arutyunova N. D. Generalization and the structure of discourse. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999. Pp. 823—830.]
- Баранов и др. 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. [Baranov A. N., Plungian V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to Russian discursive words]. Moscow: Pomovskii i Partnery, 1993.]
- Гальперин 1974 — Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. Пособие по курсу общего языкознания. М.: Высшая школа, 1974. [Gal'perin I. R. *Informativnost' edinitz yazyka. Posobie po kursu obshchego yazykoznaniiya* [Informativity of linguistic units. A textbook on general linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1974.]
- Гатинская 2002 — Гатинская Н. В. Портрет лексемы вообще // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 122—130. [Gatinskaya N. V. A portrait of the lexeme вообще. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. *Filologiya*. 2002. No. 5. Pp. 122—130.]
- Инькова 2013 — Инькова О. Ю. «А в остальном, прекрасная маркиза...»: о семантике в *ostal'nom, v prochem, и vprochem* // Русский язык в научном освещении. 2013. Вып. 25. № 1. С. 21—40. [Inkova O. Yu. «Tout va très bien, madame la marquise...»: About the semantics of *v ostal'nom, v prochem, and vprochem*. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. Vol. 25. No. 1. Pp. 21—40.]
- Инькова 2016 — Инькова О. Ю. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: не только... но и // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 37—60. [Inkova O. Yu. Towards

- the description of multiword connectives in Russian: *ne tol'ko... no i 'not only... but also'*. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 2. Pp. 37—60.]
- Кибрик, Подлесская 2009 — Кибрик А. А., Подлесская В. И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus study of Russian spoken discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Кобозева 2006 — Кобозева И. М. Учет акцентно-просодического варьирования дискурсивного слова как средство уточнения его семантической структуры // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике (TEL-2005). Казань: КГУ, 2006. С. 107—117. [Kobozeva I. M. Taking into account accentual-prosodic variation of the discursive word as a means of its semantic structure specification. *Trudy Kazanskoi shkoly po komp'yuternoj i kognitivnoi lingvistike (TEL-2005)*. Kazan: Kazan State Univ., 2006. Pp. 107—117.]
- Кобозева, Лауфер 1994 — Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты // Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (отв. ред.). Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 63—71. [Kobozeva I. M., Laufer N. I. Interpretative speech acts. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deistvii*. Arutyunova N. D., Ryabteva N. K. (eds.). Moscow: Nauka, 1994. Pp. 63—71.]
- Лосева 2004 — Лосева С. В. Частицы в системе метатекстовых операторов. Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВГУ, 2004. [Loseva S. V. *Chastitsy v sisteme metatekstovykh operatorov*. Kand. dis. [Particles in the system of metatextual operators. Cand. dis.] Vladivostok: Far Eastern State Univ., 2004.]
- Николаева 2000 — Николаева Т. М. Частицы и ситуации. «Скрытая» семантика частиц // Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 92—105. [Nikolaeva T. M. Particles and situations. «Hidden» semantics of particles. *Ot zvuka k tekstu*. Nikolaeva T. M. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 92—105.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Петрова 2012 — Петрова Е. А. Классификация логико-семантических отношений между компонентами диктемы // Филология и культура. 2012. Вып. 27. № 1. С. 66—70. [Petrova E. A. Classification of logical-semantic relations between the components of a dicteme. *Filologiya i kul'tura*. 2012. Vol. 27. No. 1. Pp. 66—70.]
- Birzer 2015 — Birzer S. GENERALLY SPEAKING, connectivity and conversation management combined: The functions of Russian *voobšče govorja* and Polish *ogólnie mówiąc*. *Russain Linguistics*. 2015. No. 39. Pp. 81—115.
- Breindl et al. 2014 — Breindl E., Volodina A., Waßner U. H. *Handbuch der deutschen Konnektoren 2. Semantik der deutschen Satzverknüpfers*. Berlin: Walter de Gruyter, 2014.
- Bürgel 2006 — Bürgel Ch. *Verallgemeinerungen in Sprache und Texten*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006.
- Drescher 1992 — Drescher M. *Verallgemeinerungen als Verfahren der Textkonstitution. Untersuchungen zu französischen Texten aus mündlicher und schriftlicher Kommunikation*. Stuttgart: Steiner (Zeitschrift für französische Sprache und Literatur Beiheft), 1992.
- Drescher 1993 — Drescher M. Procédés de composition textuelle: la généralisation. *Actes du XXe congrès de linguistique et philologie romanes*. Vol. II. Sec. II: *Analyse de la conversation*. Hilty G. (éd.). Tübingen: Francke, 1993. Pp. 169—179.
- Drescher 1996a — Drescher M. Textkonstitutive Verfahren und ihr Ort in der Handlungsstruktur des Textes. *Ebenen der Textstruktur. Sprachliche und kommunikative Prinzipien*. Motsch W. (éd.). Tübingen: Niemeyer, 1996. Pp. 81—101.
- Drescher 1996b — Drescher M. L'apport des généralisations à l'organisation du discours narratif. *Autour de la narration*. Laforest M. (éd.). Québec: Nuit Blanche Éditeur, 1996. Pp. 135—150.
- Ferrari 2014 — Ferrari A. *Linguistica del testo. Principi, fenomeni, strutture*. Roma: Carocci, 2014.
- Iacona 2005 — Iacona A. *L'argomentazione*. Torino: Einaudi, 2005.
- Inkova, Manzotti 2017 — Inkova O., Manzotti E. Sur la notion de généralisation. *ComplexitéS*. Hadermann P., Housen A., Van Raemdonck D. (eds.). (Collection “Gramm-R”) Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. Pp. 187—204.
- Kleiber 1987 — Kleiber G. *Du côté de la référence verbale. Les phrases habituelles*. Berne: Peter Lang, 1987.
- König 1983 — König E. Polysemie, Polaritätskontexte und überhaupt. *Partikeln und Interaktion*. Weydt H. (éd.). Tübingen: Niemeyer, 1983. Pp. 160—171.

- Kortmann 1997 — Kortmann B. *Adverbial subordination. A typology and history of adverbial subordinators based on European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Mann, Thompson 1987 — Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Description and construction of text structures. *Natural language generation: New results in artificial intelligence, psychology and linguistics. Part II*. Kempen G. (ed.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1987. Pp. 85—95.
- Mann, Thompson 1988 — Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization. *Text*. 1988. Vol. 8. Pp. 243—281.
- Mann et al. 1992 — Mann W. C., Matthiessen Ch. M., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory and text analysis. *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. Mann W. C., Thompson S. A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1992. Pp. 39—78.
- Manzotti 2002 — Manzotti E. Scrivere su “argomenti di ordine generale”. *Nuova Secondaria*. 2002. Vol. 19. No. 8. Pp. 33—58.
- Manzotti 2015 — Manzotti E. Generalizzando. *Testualità. Fondamenti, unità, relazioni*. Ferrari A., Lala L., Stojmenova R. (a c. di). Firenze: Franco Cesati Editore, 2015. Pp. 205—231.
- Molinier 2005 — Molinier Ch. Les formes adverbiales du français construites sur l’adjectif général. *L’adverbe: Un pervers polymorphe*. Goes J. (éd.). Arras: Artois Presses Univ., 2005. Pp. 89—106.
- Motsch, Pasch 1987 — Motsch W., Pasch R. Illokutive Handlungen. *Satz, Text, sprachliche Handlung*. Motsch W. (éd.). (Studia grammatica XXV.) Berlin: Akademie-Verlag, 1987. Pp. 11—79.
- Prasad et al. 2008 — Prasad R., Dinesh N., Lee A., Miltsakaki E., Robaldo L., Joshi A., Webber B. The Penn Discourse TreeBank 2.0. *Proceedings of the 6th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2008)*. Marrakech, Morocco, 2008. Pp. 2961—2968. Available at: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2008/>.
- Webber 2016 — Webber B. Concurrent discourse relations. Talk presented at the *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: International Conference “Dialogue 2016”*, Moscow, June 1—4, 2016. Available at: www.dialog-21.ru/media/3488/webber.pdf.
- Wolf, Gibson 2005 — Wolf F., Gibson E. Representing discourse coherence: A corpus-based study. *Computational Linguistics*. 2005. Vol. 31. Pp. 249—287.

Получено / received 28.07.2016.

Принято / accepted 22.11.2016.

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА:
СЛОВСОЧЕТАНИЯ С БУКВАЛЬНЫМ
И НЕБУКВАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ***

© 2017

**Наталья Анатольевна Слюсарь,
Татьяна Евгеньевна Петрова,
Екатерина Владимировна Михайловская,
Наталья Владимировна Череповская,
Вероника Константиновна Прокопеня,
Дарья Алексеевна Чернова,
Татьяна Владимировна Черниговская[®]**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; [®]tatiana.chernigovskaya@gmail.com

Метафоры и другие выражения с небуквальным значением изучаются в рамках различных направлений лингвистики, и конкурирующие подходы зачастую предлагают противоположные взгляды на их роль в языке и мышлении и различные аспекты их использования и интерпретации. Некоторые из этих утверждений могут быть проверены экспериментально. В данной статье представлены два эксперимента на материале русского языка, в которых сравниваются особенности чтения выражений с буквальным и небуквальным значением. Полученные результаты могут быть интересны как для тестирования различных подходов к метафоре, так и для понимания природы единиц ментального лексикона и стратегий синтаксического анализа.

Ключевые слова: восприятие речи, выражения с небуквальным значением, ментальная грамматика, ментальный лексикон

**EXPERIMENTAL STUDIES OF GRAMMAR:
EXPRESSIONS WITH LITERAL AND NON-LITERAL MEANING**

**Natalia A. Slioussar, Tatiana E. Petrova, Ekaterina V. Mikhailovskaya,
Natalia V. Cherepovskaia, Veronika K. Prokopenya,
Daria A. Chernova, Tatiana V. Chernigovskaya[®]**

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics, Moscow,
101000, Russian Federation; [®]tatiana.chernigovskaya@gmail.com

Metaphors and other non-literal expressions are studied in different frameworks, which often offer opposing views on their role in language and thought and their interpretation and usage. Some of these claims can be tested experimentally. In this paper, we present two reading experiments comparing the processing of literal and non-literal expressions in Russian. The results may help to tease apart different approaches to metaphor as well as to gain a better understanding of what units may be stored in the mental lexicon and how syntactic processing may proceed.

Keywords: non-literal expressions, sentence processing, mental lexicon, mental grammar

* Поддержано грантом РФФ № 14-18-02135 «Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов».

Введение

Метафоры и другие выражения с небуквальным значением интересуют исследователей еще со времен Аристотеля. Рассматривая их в «Риторике» и «Поэтике», он противопоставил их «общеупотребительным» выражениям и определил основную их функцию как украшение речи. Многие работы, посвященные этой теме впоследствии, оспаривали различные аспекты предложенного Аристотелем подхода, но все же разделяли идею о том, что небуквальное выражение следует рассматривать как особенное, нехарактерное явление (см., например, [Black 1955; 1962; 1993; Searle 1979; 1993]).

Однако затем эта идея была подвергнута разносторонней критике в рамках нескольких влиятельных подходов. Так, согласно теории, сформулированной Дж. Лакоффом и его коллегами ([Lakoff, Johnson 1980; 1999; Lakoff 1993] и др.), способность к метафорическому переносу является основополагающей для нашего мышления и язык изобилует метафорами. Просто мы свыклись со многими из них настолько, что перестали замечать их метафорическую природу. Д. Дэвидсон в одной из работ [Davidson 1979] поставил себе целью доказать, что с точки зрения формальной семантики разницы между буквальным и небуквальным значением не существует. Это также несовместимо с представлением о метафоре как об особенном языковом явлении. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии (риторики, стилистики, литературной критики), в которой преобладали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию» ([Арутюнова 1990: 5], см. также [Метафора в языке и тексте 1988; Теория метафоры 1990]).

Споры о природе выражений с небуквальным значением нашли отражение и в экспериментальных лингвистических исследованиях. Так, в работах из области нейролингвистики и клинической лингвистики был поставлен вопрос о том, какие области мозга задействованы в порождении и восприятии таких выражений и можно ли их противопоставить в этом отношении буквальным выражениям [Черниговская, Деглин 1986; Bottini et al. 1994; Pynte et al. 1996; Eviatar, Just 2006; Gioia 2007; Mashal et al. 2007; Yang et al. 2009]. В целом результаты исследований свидетельствуют о существовании ряда различий между метафорическими и буквальными выражениями, хотя пока остается неясным, какие аспекты обработки метафорических выражений за них ответственны. В психолингвистических исследованиях в первую очередь обсуждаются механизмы обработки небуквальных выражений, и так как данная статья также посвящена этому вопросу, мы рассмотрим его подробнее.

Развивая свою теорию метафоры, философ Дж. Сёрль [Searle 1979] предположил, что, для того чтобы понять небуквальное значение, мы должны сперва рассмотреть буквальное значение соответствующего выражения и отвергнуть его, в то время как в подходе Д. Дэвидсона отрицается само разделение значений на буквенные и небуквенные. Эти и другие утверждения могут быть проверены экспериментально: например, если верна теория Сёрля, небуквенные выражения должны обрабатываться медленнее буквенных. Результаты экспериментальных исследований, посвященных этому вопросу, оказались интересны не только для тестирования различных подходов к метафоре, но и для понимания некоторых аспектов функционирования ментального лексикона и ментальной грамматики.

В небуквенном значении могут быть употреблены как отдельные слова (*Петр Иванович просто медведь. Он рычит на подчиненных*), так и целые словосочетания (*Петр Иванович потерял голову*). Если в первом случае можно попытаться свести всё к проблеме обработки лексической неоднозначности, то во втором возникают более сложные вопросы. Как информация о словосочетаниях, употребляющихся в небуквенном значении, представлена в ментальном лексиконе, в частности, хранятся ли они там целиком? Если да, то в каких случаях и какие факторы на это влияют? Как в зависимости от этого идет обработка грамматической структуры предложения при восприятии? В каком порядке осуществляется доступ к разным значениям? Является ли небуквенное значение более или менее трудным для восприятия? Первый результат ожидается в теории Сёрля и других подобных подходах,

второй — в том случае, если словосочетания с небуквальным значением имеют особый статус в ментальном лексиконе. И, наконец, целый класс подходов, скажем, предложенный Дэвидсоном, не предсказывает никаких различий между небуквальным и буквальным значением. Очевидно, что эти вопросы важны, в частности, для понимания природы единиц ментального лексикона и стратегий синтаксического анализа.

Различные подходы к восприятию выражений с небуквальным значением, которые были предложены в экспериментальной литературе, можно разделить на три большие группы: некомпозиционные, композиционные и гибридные. Модели, использующие некомпозиционный подход к таким выражениям (стандартная прагматическая модель, модель лексической репрезентации, модель прямого доступа), предполагают, что они являются отдельными единицами ментального лексикона [Bobrow, Bell 1973; Swinney, Cutler 1979; Gibbs 1980; Glass 1983]. Модели, отстаивающие композиционный подход (гипотеза декомпозиции идиом, модель конфигурации), отвергают идею об особом статусе таких выражений в ментальном лексиконе [Gibbs, Nayak 1989; Nunberg et al. 1994; Hamblin, Gibbs 1999; Tabossi et al. 2005; 2009; Cacciari 2014]. Они предполагают, что значение таких выражений всегда, в большей или меньшей степени, основано на значениях их компонентов, и пытаются продемонстрировать это даже для так называемых неразложимых идиом. Например, экспериментальные данные свидетельствуют о том, что частотность отдельных входящих в идиому слов играет роль при ее обработке — это возможно, только если при обработке происходит декомпозиция.

Наконец, модели, использующие гибридный подход к выражениям с небуквальным значением, провозглашают их языковыми единицами с двойственной или неоднозначной природой, при восприятии которых происходит одновременная активация обоих значений, а выбор одного из них осуществляется при помощи контекста [Titone, Connine 1999]. Гибридные модели, описывающие процесс порождения идиом, либо признают их цельность только на концептуальном уровне [Cutting, Bock 1997], либо предполагают, что при порождении идиом происходит активация как отдельных входящих в них их лемм, так и некой суперлеммы [Sprenger et al. 2006].

Проведенные исследования показали, что на восприятие выражений с небуквальным значением могут оказывать влияние такие факторы, как частотность, «знакомость» идиомы испытуемому (часто коррелирующая с частотностью), перцептивная выпуклость одного из значений идиомы (часто определяемая совокупностью первых двух факторов), различимость (т. е. прозрачность мотивировки для носителя языка), предсказуемость идиомы (определяемая положением «ключевого компонента», раскрывающего идиоматическую природу выражения), разрешающий контекст и его расположение относительно идиоматического выражения (данный фактор в большинстве теорий признается вспомогательным) [Ortony et al. 1978; Chernigovskaya 1994, 1999; Turner 1998; Giora 1999, 2003; McElree, Nordline 1999; Brisard et al. 2001; McGlone, Manfredi 2001; Glucksberg 2003; Bowdle, Gentner 2005; Jones, Estes 2006; Libben, Titone 2008; Lai et al. 2009; Черниговская и др. 2012; Titone, Libben 2014]. Однако в целом результаты исследований оказались противоречивыми и не позволяют пока с уверенностью остановиться ни на одном из описанных выше подходов.

В данной работе представлены результаты двух экспериментов на материале русского языка, посвященных изучению восприятия выражений с небуквальным значением в реальном времени¹. Многие предыдущие исследования использовали в качестве материала конструкцию *X — это Y* (например, *Петр Иванович просто медведь*) и метод прайминга, поэтому мы решили обратиться к другим конструкциям и другим экспериментальным методикам.

Проведенные эксперименты в разных отношениях дополняют друг друга. Во-первых, в них по-разному структурирован стимульный материал. В первом сравниваются одни

¹ Краткий предварительный анализ этих экспериментов был представлен в [Cherepovskaia, Slioussar 2014; Petrova, Mikhailovskaya 2014].

и те же выражения, употребленные в разных контекстах, предполагающих буквальное и небуквальное понимание этих выражений. Во втором — разные, но сбалансированные по различным параметрам выражения, употребленные в одном и том же нейтральном контексте.

Во-вторых, в этих экспериментах использованы разные методики: в первом — чтение с самостоятельной регулировкой скорости, во втором — анализ движений глаз при чтении. Первый метод дает менее детальные данные, зато с его помощью легче получить значимые различия между разными типами стимулов. Второй позволяет отследить различные особенности прочтения стимулов, связанные с ранними и поздними этапами их обработки. В итоге результаты экспериментов согласуются друг с другом, что является дополнительным подтверждением их валидности, но при этом позволяют посмотреть на процессы обработки выражений в буквальном и небуквальном значении с разных сторон.

1. Эксперимент 1

1.1. Гипотеза

Подавляющее большинство поведенческих исследований, в которых ставился вопрос о сравнительной трудности обработки буквального и небуквального значения при чтении, не обнаружили преимуществ буквального значения, вопреки предсказаниям ряда теорий [Searle 1979; 1993]. Тем не менее некоторые работы выявили такое преимущество [Brisard et al. 2001]. Мы предположили, что это может зависеть от того, насколько привычным для носителя языка является выражение с небуквальным значением. В данном эксперименте мы сравнили обработку двух типов словосочетаний с небуквальным значением с обработкой тех же словосочетаний, употребленных в буквальном значении.

К первому типу относятся так называемые «конвенциональные метафоры» — термин, введенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980]. Лакофф и Джонсон показали, что мы часто говорим о более абстрактных понятиях в терминах более конкретных, например, о времени в терминах пространства. В языке с этим связано множество выражений, например: *мне что-то предстоит, перед праздником, предыдущая / следующая неделя, много дней назад, на много дней вперед, промежутки времени* и т. д. Таким образом, конвенциональные метафоры зафиксированы на концептуальном уровне, но могут иметь различное языковое выражение: например, на метафоре «время как пространство» основан целый ряд выражений с небуквальным значением.

Ко второму типу относятся выражения с небуквальным значением, которые зафиксированы не только на концептуальном уровне, но и на уровне языка, например *большая шишка* или *сжечь корабли* (далее мы будем называть их идиоматическими). Нельзя сказать, что мы, например, используем хвойное дерево как метафору общества в целом, где большие шишки — начальники, маленькие шишечки или иголки — подчиненные, падение с дерева на землю означает смерть, социальную или физическую, и т. д., причем с этим связана целая группа различных слов и выражений, употребляющихся в небуквальном смысле, которая может пополняться. Ситуация иная: используется только одно словосочетание *большая шишка*.

Мы предположили, что первичная обработка буквального значения, которое затем должно быть отвергнуто, наблюдается только в случае новых, непривычных для носителя метафор — именно такие исследовались в работе [Brisard et al. 2001]. В остальных же случаях, включая рассматриваемые нами два типа выражений, буквальное значение не будет иметь никакого преимущества. Вторая наша гипотеза заключалась в том, что только выражения второго типа (идиоматические) имеют особый статус в ментальном лексиконе. Следовательно, для соответствующих словосочетаний можно ожидать более быстрого прочтения, когда они употребляются в небуквальном значении. А для словосочетаний первого типа (конвенциональных метафор) подобные различия не ожидаются.

1.2. Метод

В исследовании приняли участие 26 носителей русского языка (12 женщин, 14 мужчин) в возрасте от 17 до 42 лет; 15 испытуемых имели неоконченное высшее образование, 11 — высшее.

В качестве стимулов были использованы 20 пар предложений, содержащих интересующие нас выражения двух типов. Примеры приведены в (1)—(2); все стимулы представлены в Приложении 1. В одном из предложений в паре контекст придавал буквальный смысл интересующему нас словосочетанию, во втором смысл был метафорическим. Предложения были разделены на сегменты из двух-четырех слов, причем в каждой паре предложений совпадал ключевой сегмент (содержащий словосочетание, употребленное в буквальном или небуквальном значении), а также предыдущий сегмент и как минимум один последующий. Соблюдение этого условия было необходимо в связи с тем, что, когда мы переходим от одного слова к другому при чтении, обработка информации еще продолжается (это явление называют «эффектом перелива» (spill-over effect) [Just et al. 1982]).

- (1) а. *Новый сотрудник, / принятый в штат / в прошлом месяце, / **быстро сломался** / из-за непрерывной работы / и ушел / на больничный.*
- б. *Новый телевизор, / купленный бабушкой / в прошлом месяце, / **быстро сломался** / из-за непрерывной работы / и пылился / на столике.*
- (2) а. *В штабе бастующих / к вечеру появилась / **большая шишка**, / и стало понятно, / что их требования / будут учтены.*
- б. *На лбу у Вани / к вечеру появилась / **большая шишка**, / и стало понятно, / что он не сказал / маме всей правды.*

Чтобы проверить естественность предложений-стимулов, мы провели предварительный тест. 16 носителям русского языка, которые не участвовали в основном эксперименте, было предложено оценить их по двум пятибалльным шкалам (от 1 до 5), отражающим, насколько привычно они звучат и насколько они кажутся простыми для понимания. Пары предложений были разбиты на два списка, чтобы каждый информант оценивал только одно предложение из пары. Все предложения, кроме одного из второй группы, получили достаточно высокие оценки (в среднем 4,0 и выше по обеим шкалам, средние значения по группам варьировали от 4,4 до 4,6). Различия между предложениями внутри одной пары всегда были небольшими (в среднем не более 0,4 по каждой шкале). Соответственно, мы исключили из итогового эксперимента пару предложений, одно из которых получило низкие оценки, а также для симметрии пару предложений из первой группы, которые были оценены как наименее удачные.

После этого пары предложений были разбиты на два экспериментальных протокола (по методу латинского квадрата, т. е. количество предложений разных типов в каждом протоколе совпадало). К ним были добавлены 20 предложений-филлеров, чтобы отвлечь внимание участников от основной цели эксперимента, а также три тренировочных предложения. Тренировочные предложения предъявлялись в начале эксперимента, затем участники читали стимулы и филлеры в случайном порядке.

Прочитав каждое предложение, участники должны были ответить на вопрос по его содержанию, выбрав один из двух предложенных вариантов ответа. Это позволяло убедиться, что они читают достаточно внимательно. Пример вопроса и ответов приведен в (3).

- (3) *Куда ушел с работы новый сотрудник?
в отпуск ... на больничный*

В работе использовалась методика чтения с самостоятельной регулировкой скорости (self-paced reading task) [Just et al. 1982]. Предложения предъявлялись посегментно. Сначала

они появлялись на экране компьютера, замаскированные дефисами (т. е. все буквы были заменены на дефисы, а пробелы и знаки препинания сохранялись). При нажатии на клавишу «F» или «J» появлялся первый сегмент, при следующем нажатии он снова маскировался и появлялся следующий. Затем появлялся вопрос, после следующего нажатия — два ответа, из которых испытуемый выбирал, нажимая на «F» (вариант слева) или «J» (вариант справа). Эксперимент был проведен с помощью программы «Presentation» (www.neurobs.com), позволяющей измерять время реакции с точностью до 1 мс. В инструкции испытуемым объяснялась суть задания, а также содержалась просьба читать внимательно, но максимально быстро. О цели эксперимента испытуемые не знали.

1.3. Результаты и обсуждение

Мы анализировали правильность ответов на вопросы и время прочтения трех сегментов в стимульных предложениях: предшествующего ключевому, ключевого и следующего за ним. Предшествующие сегменты анализировались, чтобы проверить, что между парами предложений нет значимых различий к моменту появления ключевого словосочетания, последующие — чтобы отследить поздние этапы обработки ключевых сегментов. Все испытуемые дали 86,8 % и более правильных ответов на вопросы, поэтому на этом основании данные из дальнейшего рассмотрения не исключались (заметим также, что неправильные ответы пришлось на разные предложения).

Время реакции подверглось следующей предварительной обработке, стандартной для экспериментов такого типа [Ratcliff 1993]. Для каждого сегмента в каждом условии были установлены пороговые значения времени прочтения, соответствующие среднему времени плюс или минус 2,5 стандартных отклонения. Все реакции, находящиеся за пределами верхнего или нижнего порога (а таких было всего 2,7 %), были исключены из дальнейшего анализа. Заметим, что обычно в число таких реакций попадают случаи, когда испытуемый отвлекается от экспериментального задания и отвечает существенно медленнее обычного или же нечаянно нажимает на клавишу слишком быстро, не успев прочесть текст.

Затем были посчитаны средние значения времени реакции для трех сегментов в каждом условии. Они представлены в таблице 1. Используя метод дисперсионного анализа (one-way ANOVA), мы установили, что значимые различия между парами условий наблюдаются только для ключевых сегментов во второй группе, включавшей идиоматические выражения ($F(1,151) = 3,95, p = 0,05$; $F(1,17) = 5,22, p = 0,04$). Выражения в буквальном значении читались быстрее, чем те же выражения в буквальном. Во всех остальных случаях пары условий значимо не различались ($p > 0,05$).

Таблица 1

Среднее время прочтения различных сегментов в разных условиях. Эксперимент 1

Группы	Предыдущий сегмент		Ключевой сегмент		Последующий сегмент	
	Букв.	Небукв.	Букв.	Небукв.	Букв.	Небукв.
1	793 мс	768 мс	733 мс	738 мс	759 мс	808 мс
2	808 мс	792 мс	848 мс	735 мс	774 мс	771 мс

Таким образом, подтвердились обе экспериментальные гипотезы. Во-первых, ни для одной группы предложений не было выявлено преимущества буквального значения, что указывает на то, что мы не осуществляем к нему доступ, прежде чем обратимся к небуквальному. Во-вторых, в предложениях второй группы, где небуквальное значение зафиксировано как на концептуальном, так и на языковом уровне, оно обрабатывается быстрее. Это можно считать указанием на то, что подобные идиоматические выражения имеют особый статус в ментальном лексиконе. На уточнение природы этого особого статуса был направлен второй проведенный нами эксперимент. В предложениях первой группы подобных тенденций не наблюдается.

2. Эксперимент 2

2.1. Гипотеза

Целью второго эксперимента было рассмотрение процессов обработки словосочетаний с буквальным и небуквальным значением более детально, используя метод анализа движений глаз. Этот метод позволяет, в частности, развести явления, относящиеся к ранним и поздним этапам обработки информации при чтении. В качестве стимульного материала были отобраны идиоматические выражения с небуквальным значением (например, *тянуть резину*), а также аналогичные выражения с буквальным значением (например, *тянуть шланг*).

Если результаты второго эксперимента будут аналогичны первому, можно ожидать, что подобные выражения с небуквальным значением будут обрабатываться быстрее, чем выражения с буквальным. При этом мы сможем отследить, на каком этапе обработки возникает преимущество. Более быстрое прочтение на ранних этапах будет свидетельствовать о том, что идиоматические выражения «в готовом виде» извлекаются из ментального лексикона, не обрабатываясь по частям, как предполагается, например, в работе [Sprenger et al. 2006]. Преимущество на поздних этапах будет говорить о том, что идиоматические выражения не хранятся в ментальном лексиконе целиком, однако их проще интерпретировать и интегрировать в контекст, как полагают, например, К. Каччиари и П. Табосси [Cacciari, Tabossi 1988]. Это может быть связано с тем, что в ментальном лексиконе зафиксированы определенные особенности их значения.

2.2. Метод

В эксперименте приняли участие 30 носителей русского языка (15 мужчин, 15 женщин) в возрасте от 18 лет до 51 года. 18 испытуемых имело неоконченное высшее образование, 12 — высшее.

Для создания стимульного материала из «Словаря русской фразеологии» [Бирих и др. 1998] была отобрана 21 идиома, представлявшая собой словосочетание вида «глагол — (предлог) — существительное» (например, *лезть в бутылку*). Затем были составлены аналогичные словосочетания с буквальным значением, включавшие те же глаголы, что и идиоматические выражения, и близкие по длине и частотности существительные (например, *лезть в кровать*). Частотность лемм и словоформ определялась при помощи [НКРЯ]. Для каждой пары словосочетаний были составлены два стимульных предложения. Примеры даны в (4); все стимулы представлены в Приложении 2. Фрагменты, предшествующие ключевым словосочетаниям, а также непосредственно следующие за ними, во всех парах предложений совпадали.

- (4) а. *Хозяйке не хотелось **тянуть резину**, и она попросила меня срочно освободить квартиру.*
б. *Хозяйке не хотелось **тянуть шланг**, и она попросила меня полить весь огород из лейки.*

Чтобы проверить естественность составленных предложений, был проведен предварительный эксперимент, в котором приняли участие 30 носителей русского языка (15 мужчин, 15 женщин), не занятых в основном эксперименте. Предложения были поделены на два списка так, чтобы каждый испытуемый оценивал только одно предложение из пары. В первом списке было 11 предложений с идиомами и 10 — со словосочетаниями в буквальном значении, во втором — наоборот. Кроме того, в каждый список было добавлено по 11 предложений-филлеров, призванных отвлечь внимание испытуемых от предложений с идиомами.

Испытуемым предлагалось оценить естественность предложений по пятибалльной шкале (от -2 до +2). Все предложения получили средние оценки выше нуля, кроме одного, содержавшего идиому *поставить на вид* (средняя оценка -1,6). Это предложение было

исключено из основного эксперимента вместе с предложением, входящим с ним в одну пару. Таким образом, в основной эксперимент вошло 40 предложений.

Они были разделены на два экспериментальных протокола (по методу латинского квадрата, т. е. в каждый протокол входило только одно предложение из пары, количество предложений разных типов в каждом протоколе совпадало). Кроме 20 стимулов, протоколы также включали по 30 предложений-филлеров и три тренировочных предложения, которые предъявлялись в начале эксперимента. Порядок следования стимулов и филлеров в обоих протоколах был случайным. Чтобы проверить, насколько внимательно испытуемые будут читать предложения, к каждому стимулу и филлеру был составлен вопрос с двумя вариантами ответа, как в (5).

(5) *Что просила освободить хозяйка?*

1) квартиру; 2) комнату

В работе использовалась методика анализа движений глаз во время чтения, предполагающая регистрацию траектории движений глаз и длительности фиксаций². Эксперимент проводился на аппарате «EyeGaze analysis system» с помощью программы «Nyuan interactive minds eye-tracker». Перед началом эксперимента каждый участник проходил калибровку. В инструкции мы объясняли суть задания, но не сообщали о цели эксперимента, и просили испытуемых читать внимательно, но достаточно быстро.

Каждое предложение предъявлялось на экране компьютера на отдельном слайде, причем ключевые словосочетания в стимульных предложениях никогда не появлялись в самом начале или в самом конце строки, а также не разбивались на две строки. Испытуемые читали предложения с удобной для них скоростью, самостоятельно управляя сменой слайдов. После каждого слайда с предложением следовал слайд с вопросом и двумя вариантами ответов. Испытуемые выбирали один из ответов, нажимая на клавишу «1» или «2».

По окончании эксперимента мы просили испытуемых оценить, насколько им знакомы прочитанные ими идиомы. Для этого им предлагалась следующая шкала: 1 — значение выражения им незнакомо; 2 — они не уверены, что правильно понимают значение выражения; 3 — значение выражения хорошо им знакомо.

2.3. Результаты и обсуждение

Мы анализировали ответы испытуемых на вопросы к предложениям, их ответы на послеэкспериментальный опросник, а также запись движений глаз. Неправильные ответы на вопросы составили менее 5% от общего числа ответов. Средние оценки понятности были больше двух для каждой идиомы. Таким образом, на этом основании никакие данные не пришлось исключать из дальнейшего рассмотрения.

Что касается движений глаз, мы рассматривали три сегмента в стимульных предложениях: глагол и существительное (с предлогом) в составе ключевого словосочетания (сегменты V и N), а также следующее за ними слово ($N+I$), на котором могут проявиться описанные выше эффекты перелива. При анализе оценивались следующие показатели прочтения указанных сегментов: длительность первой фиксации (независимо от того, сколько раз затем на слове зафиксировался взгляд); время первого прочтения, т. е. сумма всех фиксаций на слове перед тем, как взгляд будет переведен вперед или назад; время повторного прочтения, т. е. сумма всех фиксаций на слове после того, как читающий вернулся к нему; вероятность регрессий (возвратов) к слову после первого прочтения.

² При чтении, как и при обработке другой визуальной информации, глаза постоянно находятся в движении: краткосрочные остановки (фиксации) чередуются со скачками (саккадами). Во время саккад информация не обрабатывается. Часть саккад является регрессивной, т. е. некоторые фрагменты текста прочитываются повторно [Rayner 1998].

Выбор этих показателей обусловлен тем, что они отражают разные этапы обработки слов при чтении. Так, считается, что длительность первой фиксации и время первого прочтения отражают ранние этапы восприятия и связаны с осуществлением лексического доступа. А время повторного прочтения и вероятность возвратных саккад к тому или иному сегменту текста обычно связывают с более поздним этапом восприятия, на котором происходит интерпретация слова и его интеграция в контекст [Rayner 1998].

Собранные нами данные были подвергнуты следующей предварительной обработке. Из рассмотрения были исключены предложения, где был обнаружен сбой траектории движения глаз (например, в случае, если испытуемого что-то отвлекало и он поворачивал голову). Кроме того, были исключены случаи, когда на каком-либо из трех ключевых сегментов отсутствовала фиксация при первом прочтении (т. е. испытуемый изначально «проскакивал» его). Процент исключенных данных составил 16,2 % от общего количества данных, собранных для стимульных предложений.

Средние значения выбранных нами переменных для трех анализируемых сегментов в двух экспериментальных условиях представлены в таблице 2. Вероятность регрессий считалась следующим образом: для каждого предложения мы определяли, сколько испытуемых его прочло и какой их процент прочел интересующий нас сегмент дважды (например, если какое-то предложение прочло 14 человек³ и 8 из них прочли ключевое существительное повторно, вероятность возвратов к этому существительному составляет 57,1 %).

Таблица 2

Средние показатели прочтения различных сегментов в разных условиях. Эксперимент 2

Сегмент	Показатель	Букв.	Небукв.
V	Длительность первой фиксации	223 мс	213 мс
	Время первого прочтения	292 мс	285 мс
	Время повторного прочтения	102 мс	65 мс
	Вероятность регрессий	36 %	28 %
N	Длительность первой фиксации	247 мс	237 мс
	Время первого прочтения	286 мс	274 мс
	Время повторного прочтения	84 мс	60 мс
	Вероятность регрессий	34 %	24 %
N+1	Длительность первой фиксации	220 мс	213 мс
	Время первого прочтения	292 мс	269 мс
	Время повторного прочтения	51 мс	36 мс
	Вероятность регрессий	20 %	16 %

Прежде чем установить, являются ли различия между условиями статистически значимыми, для временных переменных была проверена нормальность распределения при помощи критерия Шапиро — Уилка и гомогенность дисперсии при помощи критерия Ливена [Наследов 2004]. Для всех переменных распределение не было нормальным, а дисперсия оказалась гетерогенной в одном или двух рассматриваемых сегментах, поэтому для дальнейшей обработки был выбран не дисперсионный анализ, а непараметрический критерий Манна — Уитни. Для анализа вероятности возвратных саккад использовалась логистическая регрессия (случаи, когда сегмент прочитывался повторно, кодировались как «1», а когда прочитывался всего один раз, как «0»).

Статистически значимые различия между парами условий были обнаружены только в сегменте N, содержащем ключевое существительное: для выражений с буквальным значением

³ Каждое стимульное предложение в одном из двух условий было прочитано 15 участниками, но после предварительной обработки могло остаться меньше данных.

наблюдалось более долгое время повторного прочтения ($p = 0,03$) и большее количество регрессий ($p = 0,05$). Все остальные различия оказались незначимыми ($p > 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что идиомы обрабатываются быстрее, чем словосочетания с буквальным значением, однако это проявляется лишь на поздних этапах восприятия.

Мы можем сделать вывод, что обнаруженные различия возникают не на этапе лексического доступа, т. е. идиомы не извлекаются из ментального лексикона в готовом виде, а подвергаются синтаксическому и морфологическому анализу. Скорее, эти различия связаны с интерпретацией идиом и интеграцией в контекст предложения. Показательно, что они были зафиксированы именно при обработке существительных, которые в данном случае являются ключевыми компонентами, определяющими небуквальное значение словосочетаний. Такие результаты согласуются с моделью конфигурации [Cacciari, Tabossi 1988; Tabossi, Zardop 1993; 1995; Tabossi et al. 2005], которая предполагает, что именно обработка ключевого компонента идиомы запускает процесс ее распознавания и активации ее небуквального значения.

Заметим, что если ключевым компонентом является последнее слово идиомы, то мы ожидаем, что различия между словосочетаниями с буквальным и небуквальным значением проявятся только на поздних этапах. Это подтверждается результатами данного исследования, а также работы [Vainio, Nenonen 2007], в которой при помощи анализа движений глаз исследовались особенности чтения идиом и словосочетаний с буквальным значением на финском языке. Если же ключевым компонентом окажется первое входящее в идиому слово, активация небуквального значения начнется с самого начала восприятия идиоматической цепочки. Тогда различие в восприятии словосочетаний с буквальным и небуквальным значением может быть обнаружено уже на ранних этапах чтения последующих входящих в идиому слов. Именно такие результаты были получены в исследовании [Vainio et al. 2003] на материале финского языка, в рамках которого изучались словосочетания, первые компоненты которых не употребляются вне идиоматического контекста.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что два эксперимента, имеющие различный дизайн и проведенные с использованием разных методик, во многом дополняют друг друга. В целом результаты согласуются с моделью конфигурации [Cacciari, Tabossi 1988; Tabossi, Zardop 1993; 1995; Tabossi et al. 2005; 2009; Cacciari 2014], а также с выводами, сделанными в работах У. Швайгерта с коллегами [Schweigert 1986; 1991; Schweigert, Moates 1988]. Модель конфигурации не предполагает, что понимание небуквального значения требует активации и последующего подавления буквального или что выражения с небуквальным значением хранятся в ментальном лексиконе в неанализируемом замороженном виде и мгновенно оттуда извлекаются. Предполагается, что такие выражения подвергаются синтаксическому и морфологическому анализу и обработка ключевого компонента активирует хранящуюся в ментальном лексиконе информацию о небуквальном значении. На этом этапе идиомы обрабатываются быстрее, чем выражениями с буквальным значением.

Опираясь на результаты данного и целого ряда предыдущих исследований, мы полагаем, что преимущество буквального или небуквального значения при обработке зависит от того, насколько знакомой, привычной для носителя является метафора на концептуальном уровне, а также от того, насколько жестко зафиксировано ее языковое выражение. Первый эксперимент показал, что частотные метафоры обрабатываются не дольше выражений с буквальным значением, однако получают преимущество при обработке, только если выражаются каким-то одним определенным словосочетанием, с которым связаны в ментальном лексиконе. Второй эксперимент позволил проанализировать более детально, за счет чего такое преимущество возникает.

Если только первое слово в словосочетании не указывает однозначно на небуквальное значение, как, например, в эксперименте [Vainio et al. 2003] на материале финского языка, активация нужного значения начинается со второго компонента и проявляется на поздних

этапах обработки, так как оно не извлекается из ментального лексикона в готовом виде. Заметим также, что в ряде работ, где исследовались новые, непривычные для носителей метафоры [Brisard et al. 2001], они обрабатывались дольше, чем аналогичные выражения с буквальным значением. Вероятно, это связано с тем, что в ментальном лексиконе не хранится никакой информации об их возможном небуквальном значении.

В целом можно сказать, что данное исследование и другие работы в этой области могут быть интересны как для тестирования различных взглядов на природу небуквального значения, так и для получения более полного представления об особенностях хранящейся в ментальном лексиконе информации и ее использования при синтаксическом анализе предложений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СТИМУЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ 1

Группа 1

*Новый сотрудник, / принятый в штат / в прошлом месяце, / **быстро сломался** / из-за непрерывной работы / и ушел / на больничный.*

*Новый телевизор, / купленный бабушкой / в прошлом месяце, / **быстро сломался** / из-за непрерывной работы / и пылился / на столике.*

*После свадьбы / наши отношения / как-то незаметно / **зашли в тупик**, / и нужно было / искать выход / из сложившейся ситуации.*

*Гуляя по городу, / Петя и Вася / как-то незаметно / **зашли в тупик**, / и нужно было / искать выход, / плутая по дворам.*

*Как обычно, силы / в конце путешествия / **пришлось экономить**, / чтобы хватило / на последний переход.*

*Как обычно, деньги / в конце путешествия / **пришлось экономить**, / чтобы хватило / на обратный билет.*

*Сергей Иванович, / к ужасу всех родственников, / **разваливался на части**, / простояв три часа / под проливным дождем.*

*Любимый бабушкин стул, / к ужасу всех родственников, / **разваливался на части**, / простояв три часа / под проливным дождем.*

*Обрывок фразы, / неосторожно сказанной / старшим сыном, / **глубоко ранил** / Марию Петровну, / и ей пришлось / обратиться к психологу.*

*Осколок бутылки, / неосторожно разбитой / старшим сыном, / **глубоко ранил** / Марию Петровну, / и ей пришлось / обратиться к врачу.*

*Главный аргумент / Андрея Алексеевича / **был разбит** / из-за его неумения / ясно излагать / свои мысли.*

*Бампер машины / Андрея Алексеевича / **был разбит** / из-за его неумения / правильно парковаться.*

*Бедным первокурсникам / потребуется неделя, / **чтобы полностью переварить** / полученную вчера / на лекции информацию.*

*Пятнистому удаву / потребуется неделя, / **чтобы полностью переварить** / полученную вчера / порцию пищи.*

*Новая теория, / ставшая популярной, / **была построена** / на основе недавно обнаруженных / ученых закономерностей.*

*Новая гостиница, / ставшая популярной, / **была построена** / на основе недавно обнаруженных / старинных фундаментов.*

*Ухаживая за Полиной, / Павел был вынужден / **сбавить обороты**, / чтобы не испугать / робкую девушку / своей настойчивостью.*

*На крутом спуске / Павел был вынужден / **сбавить обороты**, / чтобы не испугать / ехавшую с ним / пожилую тетю.*

Группа 2

*На новой работе / вместо дружного коллектива / Ольга обнаружила / **змеиное гнездо** / и неожиданно для себя / впала в панику.*

*В густой траве / вместо белых грибов / Ольга обнаружила / **змеиное гнездо** / и неожиданно для себя / впаала в панику.*

*Когда Коля опаздывал, / учительнице математики / приходилось слушать / **бабушкины сказки** / вместо ожидаемых / искренних извинений.*

*Когда отключали свет, / пятилетней Оленьке / приходилось слушать / **бабушкины сказки** / вместо ожидаемых / диснеевских мультфильмов.*

*Опытный психолог / знает, как не попасть / **в больное место**, / когда надо поставить / пациенту диагноз.*

*Опытная медсестра / знает, как не попасть / **в больное место**, / когда надо поставить / пациенту капельницу.*

*В штабе бастующих / к вечеру появилась / **большая шишка**, / и стало понятно, / что их требования / будут учтены.*

*На лбу у Вани / к вечеру появилась / **большая шишка**, / и стало понятно, / что он не сказал / маме всей правды.*

*Участники конференции / начали безжалостно / **метать ядовитые стрелы** / в оцепеневшего от ужаса / неопытного докладчика.*

*Подоспевшие охотники / начали безжалостно / **метать ядовитые стрелы** / в оцепеневшего от ужаса / огромного зверя.*

*Когда Нинина затея / потерпела неудачу, / Полина первой / **бросила в нее камень** / и, не раздумывая, / потребовала ее уволить.*

*Когда дворовая собака / кинулась на ребят, / Полина первой / **бросила в нее камень** / и, не раздумывая, / закрыла собой малышей.*

*Сотрудники милиции / никак не могли / **раскусить крепкий орешек**, / как ни старались / выбить у него признание.*

*Рыжие белочки / никак не могли / **раскусить крепкий орешек**, / как ни старались / добраться до зернышка.*

*Коррупция и бюрократия / в этой стране / быстро создали / **благодатную почву**, / идеально подходящую / для роста преступности.*

*Используя удобрения, / предприимчивые фермеры / быстро создали / **благодатную почву**, / идеально подходящую / для выращивания овощей.*

*После ссоры / бывшим супругам / ничего не осталось, / **как сжечь корабли**, / чтобы в будущем избежать / подобных скандалов.*

*После поражения / старому вице-адмиралу / ничего не осталось, / **как сжечь корабли**, / чтобы в будущем избежать / захвата флота врагом.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

СТИМУЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ 2

Жирным шрифтом выделены существительные в ключевых словосочетаниях.

тянуть резину

*Хозяйке не хотелось тянуть **резину**, и она попросила меня срочно освободить квартиру.*

*Хозяйке не хотелось тянуть **шланг**, и она попросила меня полить весь огород из лейки.*

прижать к ногтю

*Полицейский прижал **к ногтю** бандита и заставил его сдаться властям.*

*Полицейский прижал **к сосне** бандита и приставил дуло пистолета к его виску.*

открыть варежку

*Я просто открыл **варежку** и даже не смог ничего ответить на это.*

*Я просто открыл **теплицу** и даже не смог войти туда от духоты.*

купить kota в мешке

*В Интернете можно купить **kota** в мешке, поэтому я ему не доверяю и хожу по магазинам.*

*В Интернете можно купить **сахар** в мешке на 100 рублей дешевле, чем в магазине.*

тряхнуть стариной

*Голливудская звезда тряхнула **стариной** и угодила в клинику для наркозависимых.*

*Голливудская звезда тряхнула **букетом** и угодила им прямо в лицо своему спутнику.*

портить кровь

*Этот спортсмен постоянно портит **кровь** всей команде.*

*Этот спортсмен постоянно портит **игру** всей команде.*

промывать мозги

*Мы расскажем, как нужно промывать **мозги**, чтобы сделать из человека послушного робота.*

*Мы расскажем, как нужно промывать **овоци**, чтобы сделать не только вкусный, но и полезный салат.*

лезть в бутылку

*Он часто лезет **в бутылку** и старается разозлить собеседника — ужас, а не человек!*

*Он часто лезет **в кровать** и старается забраться мне на голову — ужас, а не котенок!*

подложить свинью

*Он подложил **свинью** командиру, рассказав генералу о случившемся.*

*Он подложил **валенок** командиру под голову, чтобы ему удобнее спалось на жестком полу.*

отбросить коньки

*Старик отбросил **коньки** в самый неподходящий момент.*

*Старик отбросил **железки** в самый дальний угол комнаты.*

плевать в потолок

*Покормив кроликов, мальчишки сидели на лавке и плевали **в потолок** от скуки.*

*Покормив кроликов, мальчишки сидели на лавке и плевали **в клетку** от скуки.*

отдать концы

*Его армия чуть не отдала **концы** во Франции из-за эпидемии бубонной чумы.*

*Его армия чуть не отдала **города** во Франции на поругание врагу.*

съесть собаку на чем-либо

*Туземцы съели **собаку** на этом деле — было видно, что они отличные рыбаки.*

*Туземцы съели **девочку** на этом острове — с тех пор здесь больше не высаживают туристов.*

строить глазки

*Люди жалуются, что власти им строят **глазки** вместо того, чтобы принять необходимые меры.*

*Люди жалуются, что власти им строят **лачуги** вместо того, чтобы обеспечить достойным жильем.*

перемывать косточки

*Думаю, не стоит ему еще раз перемывать **косточки** в такой ужасной ситуации.*

*Думаю, не стоит ему еще раз перемывать **помидоры** в такой ужасной воде.*

висеть на волоске

*Он висел **на волоске**, и я чуть его не потеряла тогда, но он сумел побороть болезнь.*

*Он висел **на запястье**, и я чуть его не потеряла тогда, а это ведь такой дорогой фотоаппарат!*

делать погоду

*В школе не учат, как делать **погоду** в коллективе.*

*В школе не учат, как делать **задание** в коллективе.*

пудрить мозги

*Ассистентка не пудрила **мозги** актрисе, чтобы не нажать себе неприятностей.*

*Ассистентка не пудрила **веки** актрисе, чтобы не подчеркивать ее мелкие морщинки.*

тянуть ляжку

*Сам постановщик фильма тянул **ляжку** вместе со всеми.*

*Сам постановщик фильма тянул **жребий** вместе со всеми.*

поставить на вид

*Павел весь день был в плохом настроении, поэтому и поставил **на вид** этот ужасный инцидент своей секретарше.*

*Павел весь день был в плохом настроении, поэтому и поставил **на ночь** этот ужасный фильм.*

достать из-под земли

Она из тех, кто достанет **из-под земли** своего мужа, если тот от нее сбежит, не выдержав бесконечных скандалов.

Она из тех, кто достанет **из-под стола** своего мужа, валяющегося там в доску пьяным, уложит его спать, а потом еще и пожалеет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32. [Arutyunova N. D. Metaphor and discourse. *Teoriya metafory*. Moscow: Progress, 1990. Pp. 5—32.]
- Бирих и др. 1998 — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-пресс, 1998. [Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' russkoi frazeologii: Istoriko-etimologicheskii spravochnik* [A dictionary of Russian phraseology: A historico-etymological guide]. St. Petersburg: Folio-press, 1998.]
- Метафора в языке и тексте 1988 — Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. [*Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Наследов 2004 — Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004. [Nasledov A. D. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. St. Petersburg: Rech', 2004.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Теория метафоры 1990 — Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. [*Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress, 1990.]
- Черниговская и др. 2012 — Черниговская Т. В., Дубасова А. В., Риехакainen Е. И. Лексическая неоднозначность и организация ментального лексикона // Пятая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Калининград, 2012. С. 694—696. [Chernigovskaya T. V., Dubasova A. V., Riekhakainen E. I. Lexical ambiguity and the organization of mental lexicon. *Pyataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: tezisy dokladov*. Kaliningrad, 2012. Pp. 694—696.]
- Черниговская, Деглин 1986 — Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки Тартуского Университета. Труды по знаковым системам. Вып. 19. Тарту, 1986. С. 68—84. [Chernigovskaya T. V., Deglin V. L. Metaphorical and syllogistical thinking as a manifestation of functional asymmetry of the brain. *Uchenye zapiski Tartuskogo Universiteta. Trudy po znakovym sistemam*. No. 19. Tartu, 1986. Pp. 68—84.]
- Black 1955 — Black M. Metaphor. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1955. Vol. 55. Pp. 273—294.
- Black 1962 — Black M. Metaphor. *Models and metaphors*. Black M. (ed.). Ithaca (NY): Cornell Univ. Press, 1962. Pp. 25—47.
- Black 1993 — Black M. More about metaphor. *Metaphor and thought*. Ortony A. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. Pp. 19—41.
- Bobrow, Bell 1973 — Bobrow S. A., Bell S. M. On catching on to idiomatic expressions. *Memory and cognition*. 1973. Vol. 1. No. 3. Pp. 343—346.
- Bottini et al. 1994 — Bottini G., Corcoran R., Sterzi R., Paulesu E., Schenone P., Scarpa P., Frackowiak R. S. J., Frith C. D. The role of the right hemisphere in the interpretation of figurative aspects of language: A positron emission tomography activation study. *Brain*. 1994. Vol. 117. Pp. 1241—1253.
- Bowdle, Gentner 2005 — Bowdle B. F., Gentner D. The career of metaphor. *Psychological Review*. 2005. Vol. 112. Pp. 193—216.
- Brisard et al. 2001 — Brisard F., Frisson S., Sandra D. Processing unfamiliar metaphors in a self-paced reading task. *Metaphor and Symbol*. 2001. Vol. 16. Pp. 87—108.
- Cacciari 2014 — Cacciari C. Processing multiword idiomatic strings: Many words in one? *Mental Lexicon*. 2014. Vol. 9. Pp. 267—293.
- Cacciari, Tabossi 1988 — Cacciari C., Tabossi P. The comprehension of idioms. *Journal of Memory and Language*. 1988. Vol. 27. No. 6. Pp. 668—683.
- Cherepovskaia, Slioussar 2014 — Cherepovskaia N., Slioussar N. Comprehending metaphors of different types: Evidence from Russian. *The processing of lexicon and morphosyntax*. Torrens V., Escobar L. (eds.). Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2014. Pp. 25—42.

- Chernigovskaya 1994 — Chernigovskaya T. V. Cerebral lateralization for cognitive and linguistic abilities: Neuropsychological and cultural aspects. *Studies in language origins*. Vol. 3. Wind J., Jonker A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 56—76.
- Chernigovskaya 1999 — Chernigovskaya T. V. Evolutionary perspective for cognitive function: Cerebral basis of heterogeneous consciousness. *Semiotica*. 1999. Vol. 127. Pp. 227—237.
- Cutting, Bock 1997 — Cutting J. C., Bock K. That's the way the cookie bounces: Syntactic and semantic components of experimentally elicited idiom blends. *Memory and Cognition*. 1997. Vol. 25. No. 1. Pp. 57—71.
- Davidson 1979 — Davidson D. What metaphors mean. *On metaphor*. Sacks S. (ed.). Chicago: Univ. of Chicago Press. Pp. 29—45.
- Eviatar, Just 2006 — Eviatar Z., Just M. A. Brain correlates of discourse processing: An fMRI investigation of irony and conventional metaphor comprehension. *Neuropsychologia*. 1996. Vol. 44. Pp. 2348—2359.
- Gibbs 1980 — Gibbs R. W. Spilling the beans on understanding and memory for idioms and conversation. *Memory and Cognition*. 1980. Vol. 8. No. 2. Pp. 149—156.
- Gibbs, Nayak 1989 — Gibbs R., Nayak N. Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms. *Cognitive Psychology*. 1989. Vol. 21. Pp. 100—138.
- Giora 1999 — Giora R. On the priority of salient meanings: Studies of literal and figurative language. *Journal of Pragmatics*. 1999. Vol. 31. Pp. 919—929.
- Giora 2003 — Giora R. *On our mind: Saliency, context, and figurative language*. New York: Oxford Univ. Press, 2003.
- Giora 2007 — Giora R. Is metaphor special? *Brain and Language*. 2007. Vol. 100. Pp. 111—114.
- Glass 1983 — Glass A. L. The comprehension of idioms. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1983. Vol. 12. No. 4. Pp. 429—442.
- Glucksberg 2003 — Glucksberg S. The psycholinguistics of metaphor. *Trends in cognitive sciences*. 2003. Vol. 7. Pp. 92—96.
- Hamblin, Gibbs 1999 — Hamblin J. L., Gibbs R. W. Why you can't kick the bucket as you slowly die: Verbs in idiom comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1999. Vol. 28. No. 1. Pp. 25—39.
- Jones, Estes 2006 — Jones L., Estes Z. Roosters, robins, and alarm clocks: Aptness and conventionality in metaphor comprehension. *Journal of Memory and Language*. 2006. Vol. 55. Pp. 18—32.
- Just et al. 1982 — Just M. A., Carpenter P. A., Woolley J. D. Paradigms and processes in reading comprehension. *Journal of Experimental Psychology*. 1982. Vol. 3. Pp. 228—238.
- Lai et al. 2009 — Lai V. T., Curran T., Menn L. Comprehending conventional and novel metaphors: An ERP study. *Brain Research*. 2009. Vol. 1284. Pp. 145—155.
- Lakoff 1993 — Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and thought*. Ortony A. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. Pp. 202—251.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Lakoff, Johnson 1999 — Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. New York: Basic Books, 1999.
- Libben, Titone 2008 — Libben M. R., Titone D. A. The multidetermined nature of idiom processing. *Memory and Cognition*. 2008. Vol. 36. Pp. 1103—1121.
- Mashal et al. 2007 — Mashal N., Faust M., Hendler T., Jung-Beeman M. An fMRI investigation of the neural correlates underlying the processing of novel metaphoric expression. *Brain and Language*. 2007. Vol. 100. Pp. 115—126.
- McElree, Nordline 1999 — McElree B., Nordline J. Literal and figurative interpretations are competed in equal time. *Psychonomic Bulletin and Review*. 1999. Vol. 6. Pp. 486—494.
- McGlone, Manfredi 2001 — McGlone M. S., Manfredi D. A. Topic-vehicle interaction in metaphor comprehension. *Memory and Cognition*. 2001. Vol. 29. Pp. 1209—1219.
- Nunberg et al. 1994 — Nunberg G., Sag I. A., Wasow T. Idioms. *Language*. 1994. Vol. 70. No. 3. Pp. 491—538.
- Ortony et al. 1978 — Ortony A., Schallert D. L., Reynolds R. E., Antos S. J. Interpreting metaphors and idioms: Some effects of context on comprehension. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1978. Vol. 17. Pp. 465—477.
- Petrova, Mikhailovskaya 2014 — Petrova T., Mikhailovskaya E. Processing of idioms: Eye-tracking study on Russian language material. *Глобальный научный потенциал / Global Scientific Potential*. 2014. Vol. 10. No. 43. Pp. 160—162.
- Pynte et al. 1996 — Pynte J., Besson M., Robichon F.-H., Poli J. The time-course of metaphor comprehension: An event-related potential study. *Brain and Language*. 1996. Vol. 55. Pp. 293—316.

- Ratcliff 1993 — Ratcliff R. Methods for dealing with reaction time outliers. *Psychological Bulletin*. 1993. Vol. 114. Pp. 510—532.
- Rayner 1998 — Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 124. Pp. 372—422.
- Schweigert 1986 — Schweigert W. A. The comprehension of familiar and less familiar idioms. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1986. Vol. 15. Pp. 33—46.
- Schweigert 1991 — Schweigert W. A. The muddy waters of idiom comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1991. Vol. 20. Pp. 305—314.
- Schweigert, Moates 1988 — Schweigert W. A., Moates D. R. Familiar idiom comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1988. Vol. 17. Pp. 281—296.
- Searle 1979 — Searle J. *Expression and meaning*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Searle 1993 — Searle J. *Metaphor and thought*. Ortony A. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. Pp. 83—111.
- Sprenger et al. 2006 — Sprenger S. A., Levelt W. J. M., Kempen G. Lexical access during the production of idiomatic phrases. *Journal of Memory and Language*. 2006. Vol. 54. No. 2. Pp. 161—184.
- Swinney, Cutler 1979 — Swinney D. A., Cutler A. The access and processing of idiomatic expressions. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1979. Vol. 18. No. 2. Pp. 523—534.
- Tabossi, Zardon 1993 — Tabossi P., Zardon F. The activation of idiomatic meaning in spoken language. *Idioms: Processing, structure and interpretation*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1993. Pp. 145—162.
- Tabossi, Zardon 1995 — Tabossi P., Zardon F. The activation of idiomatic meaning. *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1995. Pp. 273—282.
- Tabossi et al. 2005 — Tabossi P., Fanari R., Wolf K. Spoken idiom recognition: Meaning retrieval and word expectancy. *Journal of Psycholinguistic Research*. 2005. Vol. 34. Pp. 465—495.
- Tabossi et al. 2009 — Tabossi P., Fanari R., Wolf K. Why are idioms recognized fast? *Memory and Cognition*. 2009. Vol. 37. Pp. 529—540.
- Titone, Connine 1999 — Titone D. A., Connine C. M. On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions. *Journal of Pragmatics*. 1999. Vol. 31. No. 12. Pp. 1655—1674.
- Titone, Libben 2014 — Titone D., Libben M. Time-dependent effects of decomposability, familiarity and literal plausibility on idiom priming: A cross-modal priming investigation. *Mental Lexicon*. 2014. Vol. 9. No. 3. Pp. 473—496.
- Turner 1998 — Turner M. *The literary mind: The origins of thought and language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Vainio et al. 2003 — Vainio S., Hyönä J., Pajunen A. Facilitatory and inhibitory effects of grammatical agreement: Evidence from readers' eye fixation patterns. *Brain and Language*. 2003. Vol. 85. No. 5. Pp. 197—202.
- Vainio, Nenonen 2007 — Vainio S., Nenonen M. Reading idioms in Finnish: An eye-tracking study. *Collocations and idioms 1: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes*. Nenonen M., Niemi S. (eds.). (Studies in languages 41.) Joensuu: Univ. of Joensuu, 2007. Pp. 363—377.
- Yang et al. 2009 — Yang F. G., Edens J., Simpson C., Krawczyk D. C. Differences in task demands influence the hemispheric lateralization and neural correlates of metaphor. *Brain and Language*. 2009. Vol. 111. Pp. 114—124.

Получено / received 09.02.2016.

Принято / accepted 22.11.2016.

ВЛИЯНИЕ СЕНСОМОТОРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПОНИМАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ: ДАННЫЕ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ*

© 2017

Анна Кестучё Лауринавичюте^{a, b, c, d},
Анна Витальевна Крабис^a,
Нина Омаровна Фаризова^b,
Валерия Андреевна Толкачева^a,
Ольга Викторовна Драгой^{a, e}

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; ^b Университет Потсдама, Потсдам, 14469, Германия; ^c Йельский университет, Нью-Хейвен, 06520, США; ^d Московский НИИ психиатрии, Москва, 107076, Российская Федерация; ^e annlaurin@gmail.com

В данном экспериментальном исследовании проверяется гипотеза о том, что сенсомоторный стереотип — типичный порядок действий с объектами в физическом мире — может влиять на понимание пространственных языковых конструкций, в частности, что соответствие поверхностного порядка слов сенсомоторному стереотипу (например, в конструкции *положить сумку в коробку* порядок слов соответствует порядку действий стереотипа — взять сумку, положить ее в коробку) может облегчать, а несоответствие (*положить в коробку сумку*) — затруднять понимание подобных конструкций. В исследовании с регистрацией движений глаз 40 носителей русского языка слушали предложения и соотносили их с изображениями на экране. В предложных конструкциях (*положить сумку в коробку*) движения глаз испытуемых не различались в зависимости от соответствия порядка называния объектов сенсомоторному стереотипу, а в инструментальных конструкциях (*накрыть шапкой шарф*) соответствие между порядком называния и сенсомоторным стереотипом облегчало понимание.

Ключевые слова: воплощенное сознание, понимание, регистрация движений глаз, сенсомоторный стереотип

THE INFLUENCE OF SENSORIMOTOR STEREOTYPES ON THE COMPREHENSION OF SPATIAL CONSTRUCTIONS: EVIDENCE FROM EYE-TRACKING

Anna K. Laurinavichyute^{a, b, c, d}, Anna V. Chrabaszcz^a, Nina
O. Farizova^c, Valeria A. Tolkacheva^a, Olga V. Dragoy^{a, d}

^a National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; ^b University of Potsdam, Potsdam, 14469, Germany; ^c Yale University, New Haven, 06520, USA; ^d Moscow Research Institute of Psychiatry, Moscow, 107076, Russian Federation; ^e annlaurin@gmail.com

In an eye-tracking study we tested the hypothesis that comprehension is facilitated by a match between the order of the verb and its arguments in a sentence and the order of the actual sensorimotor interaction with these objects (for example, in the phrase *put the bag into the box*, the order of the arguments corresponds to the order of motor actions: take the bag, put it into the box) could facilitate comprehension

* Данное исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-04-00518а.

of such constructions. We tested 40 native Russian speakers in a visual world sentence-picture matching task. In prepositional constructions, there was no difference between conditions that matched or mismatched sensorimotor stereotypes, whereas in instrumental constructions, sensorimotor stereotypes facilitated comprehension.

Keywords: embodied cognition, eye-tracking, language comprehension, reversible constructions, sensorimotor bias

Введение

Одним из достижений современной лингвистики стало разнообразие перспектив при изучении языка. В числе прочих в фокус внимания ученых попала область, традиционно находившаяся на периферии психологической науки, — влияние когнитивных процессов на функционирование языка. В рамках интеграционного подхода к изучению сознания ставится под сомнение существование «модулей сознания» как отдельных, инкапсулированных блоков, ответственных за узкий набор функций [Fodor 1986; Coltheart 1999]. Напротив, постулируется, что ни один из когнитивных процессов не является изолированным от внешнего мира и внутренней среды организма.

Интеграционный подход в психологии (центральным понятием которого является воплощенное познание, *embodied cognition*) исследует взаимодействие различных когнитивных модальностей, например, зрительной и моторной: М. Такер и Р. Эллис [Tucker, Ellis 1998] показали, что люди активируют репрезентацию хватательного действия, видя ручку чашки, и это влияет на скорость их реакции в задании, не связанном с данным действием (определить, находится ли чашка в прямом или перевернутом положении). Позже в эксперименте, исследующем прайминг моторных действий, Х. Б. Хельбиг и коллеги [Helbig et al. 2006] показали, что симуляция хватательного движения ускоряет визуальное распознавание объектов, к которым оно потенциально применимо: краткая демонстрация двух объектов, к которым может быть применено одно и то же моторное движение (например, сжатие плоскогубцев и щипцов для орехов), облегчало их название, в отличие от демонстрации двух объектов, манипуляции с которыми производятся с помощью разных движений. С. Босбах и коллеги [Bosbach et al. 2005] продемонстрировали, что суждения о весе объекта, который поднимает человек, основываются на симуляции действия в собственной моторной системе: двое испытуемых, лишенных сенсорной информации от своего тела в результате разрушения периферических нейронных связей, делали значительно больше ошибок в суждениях, чем контрольная группа. В свою очередь, нейровизуализационные исследования показывают: когда люди представляют предмет, который ассоциируется с определенным запахом, в их мозге активируются зоны, отвечающие за обоняние [González et al. 2006], а когда они представляют себе еду — зоны, отвечающие за вкусовые ощущения [Simmons et al. 2005]. Все эти исследования рассматриваются как свидетельства в пользу глубокого влияния информации о сенсомоторном опыте человека на более абстрактный уровень мышления.

Аналогичные предположения лежат в основе функционального подхода к языку, где язык рассматривается как часть общего процесса коммуникации, включающего широкий внешний и внутренний контекст. В частности, в последнее десятилетие активно обсуждается теория о том, что понимание и порождение не отдельные, а тесно переплетающиеся процессы, и понимание основывается на симуляции порождения [Kempen et al. 2012; Meyer et al. 2016]. Ф. Чэнг и А. Джессоп [Chang, Jessop 2015] сравнили результаты моделирования и направления взгляда людей в экспериментальном исследовании и показали, что когнитивная модель, использующая симуляцию порождения при понимании, позволяет предсказывать направление взгляда человека во время прослушивания предложений, соотнесенных с изображениями на экране. Другим примером функционального подхода к языку может служить то, что некоторые теоретические модели как понимания, так и порождения речи отталкиваются не от языковых, а от когнитивных категорий: например, в модели [Alday et al. 2014] пони-

мание языковых конструкций основывается на когнитивном механизме быстрого поиска субъекта действия, идентификация которого играет ключевую роль в процессе понимания.

Помимо уровня абстрактной концептуализации событий, языковая обработка также тесно связана с физиологическим функционированием человека: нейровизуализационные исследования продемонстрировали, что при чтении про себя глаголов, обозначающих движения руками, ногами и лицом, у испытуемых активируются группы нейронов, задействованные в моторной реализации соответствующих действий [Hauk et al. 2004; Buccino et al. 2005; Pulvermüller et al. 2005; Marino et al. 2012]. Данные результаты подтверждают предположение, что сенсомоторный опыт имеет непосредственное влияние на языковую обработку. В пользу тесной связи языка и неязыкового восприятия говорят также клинические наблюдения за пациентами с поражением мозга и сопутствующими речевыми расстройствами. Так, А. Р. Лурия [1962] перечислил типы языковых выражений, понимание которых нарушено у пациентов с теменно-затылочными поражениями, и предположил наличие единого пространственного компонента, реализующегося как в языке, так и при зрительно-пространственном восприятии. В эти языковые выражения входят, среди прочих, конструкции, называющие пространственные отношения, — предложные (*Ставить ящик на бочку*) и инструментальные (*Накрывать шарфом шляпу*). При нарушении единого пространственного компонента у пациентов возникают как трудности в сфере зрительно-пространственного гнозиса, так и сложности понимания таких конструкций; см. также [O'Grady, Lee 2005].

Опираясь на результаты предыдущих исследований, можно предположить, что сенсомоторные стереотипы действий могут влиять на языковую обработку также и у неврологически здоровых носителей языка. Сенсомоторный стереотип в данном случае понимается как прототипическая, наиболее естественная и частотная последовательность действий с предметами окружающего мира. Возможно, что соответствие порядка называния этих предметов, выраженное в поверхностном порядке слов, порядку действий с ними в физическом мире может облегчить понимание соответствующих языковых конструкций. Целью данной работы являлось исследование роли сенсомоторных стереотипов в понимании языковых конструкций, а именно независимое влияние прямого / непрямого порядка слов и соответствия / несоответствия порядка слов моторному стереотипу. Мы ожидали, что легче всего происходит обработка предложений, в которых прямой порядок слов и моторный стереотип совпадают, а конструкции с непрямым порядком слов, не соответствующие моторному стереотипу, должны быть наиболее сложными. Конструкции, где эти признаки не находятся в прямом соответствии (например, где прямой порядок слов не соответствует моторному стереотипу), должны продемонстрировать, какой из этих двух факторов имеет более существенное значение для понимания пространственных отношений.

Для решения поставленной задачи был выбран метод регистрации движений глаз при прослушивании историй, также известный как парадигма «Визуальный мир» (см. обзор [Федорова 2008]): в типичном эксперименте испытуемые видят на экране четыре изображения и слышат предложение или историю, каким-то образом связанную с этими изображениями. Эта парадигма получила широкое распространение в психолингвистических исследованиях в последние 15 лет благодаря тому, что она позволяет с миллисекундной точностью получить информацию о направлении внимания во время прослушивания языкового материала. Данные о движениях глаз интерпретируются на основании гипотезы связности (*linking hypothesis*, см. [Tanenhaus et al. 2000]), постулирующей, что фиксация взгляда на объекте совпадает с активацией соответствующей лексической репрезентации. Еще одним достоинством исследований движений глаз является высокая экологическая валидность подобных экспериментов: участники не выполняют никаких специальных действий, связанных с экспериментальной процедурой — они просто слушают истории в то время, как их взгляд свободно блуждает. Использование парадигмы «визуальный мир» в нашем исследовании позволяет получить детальную информацию о процессе интерпретации языкового высказывания во время его развертывания, поскольку здоровые взрослые носители

русского языка могут испытывать трудности в процессе понимания языкового материала, но не в его итоговой интерпретации.

1. Метод

Были отобраны два типа конструкций русского языка, различающихся в том, соответствует ли прямой порядок слов в них сенсомоторным стереотипам, — предложные и инструментальные, см. таблицу 1.

Таблица 1

Пример экспериментального стимула

Тип конструкции	Условие	Предложение	Соответствие моторному стереотипу	Порядок слов
Предложная	a	<i>Мальчик кладет сумку в коробку</i>	да	прямой ¹
Предложная	b	<i>Мальчик кладет в коробку сумку</i>	нет	непрямой
Инструментальная	c	<i>Бабушка накрывает шапкой шарф</i>	да	непрямой
Инструментальная	d	<i>Бабушка накрывает шарф шапкой</i>	нет	прямой ²

Важно, что предложные конструкции с прямым порядком слов (*Мальчик кладет сумку в коробку*) отражают соответствующий сенсомоторный стереотип (взять сумку, положить в коробку), а с непрямым порядком слов (*Мальчик кладет в коробку сумку*) — нет. Напротив, в инструментальных конструкциях сенсомоторный стереотип отражается в предложениях с непрямым порядком слов (*Бабушка накрывает шапкой шарф* — взять шапку, накрыть шарф), а не с прямым (*Бабушка накрывает шарф шапкой*). Использование таких диссоциирующихся языковых конструкций позволяет определить влияние сенсомоторных стереотипов на их понимание вне зависимости от порядка слов. Нам важно разграничить влияние сенсомоторных стереотипов и порядка слов потому, что прямой порядок слов требует меньше ресурсов для обработки (см., например, [Levy 2008]), и, если конструкции с прямым порядком слов соответствуют сенсомоторному стереотипу, мы не сможем разделить вклад этих факторов в языковую обработку.

Стимульный материал эксперимента состоял из 48 экспериментальных и 24 отвлекающих предложений. Экспериментальные предложения были разделены на два листа для предъявления таким образом, чтобы один и тот же испытуемый слышал только один вариант каждого экспериментального предложения — в одном из двух возможных условий. Отвлекающие предложения повторялись в обоих листах; таким образом, каждый лист состоял из 48 предложений. Порядок предъявления предложений был псевдослучайным.

Все экспериментальные предложения являются обратимыми, т. е. такими, что их невозможно понять, опираясь только на лексическое значение слов [Статников и др. 2011; Ахутина и др. 2016]. Для правильной интерпретации предложений необходимо декодировать грамматические маркеры — предлоги и флексии. Например, предложение *Мальчик кладет мешок в ведро* является обратимым, так как без учета грамматических маркеров допускает с точки зрения представлений о свойствах объектов физического мира две интерпретации: можно поместить как мешок в ведро, так и ведро в мешок. В отличие от экспериментальных, все отвлекающие предложения были необратимыми, как, например: *Мальчик ставит ведро в кладовку*.

При нормировании материала правдоподобность экспериментальных предложений и их обратимых вариантов (не вошедших в данный материал) была оценена носителями русского

¹ См., например, [Dyakonova 2009].

² Вопрос о базовом порядке слов остается дискуссионным [Сиротинина 1974; Bailyn 2012], но в подкорпусе [НКРЯ] со снятой неоднозначностью прямое дополнение предшествует непрямому дополнению в творительном падеже в 1,35 раз чаще, чем следует за ним.

языка, не участвовавшими в основном эксперименте: 89 респондентов оценивали приемлемость предложений и их обратимых вариантов по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно ненормально, а 5 — полностью нормально. Только те предложения, которые не отличались от их обратных эквивалентов с точки зрения рейтинга правдоподобности, были включены в стимульный материал. Напротив, отвлекающие предложения и их обратные эквиваленты (например, *Мальчик ставит ведро в кладовку* и *Мальчик ставит кладовку в ведро*) должны были значительно отличаться, чтобы войти в эксперимент (предложные конструкции: $t = 10,08$, $p < 0,001$, инструментальные: $t = 19,05$, $p < 0,001$). Полный список предложений, вошедших в эксперимент, представлен на странице исследования [Пространство в языке].

Для каждого предложения было создано два рисунка: один соответствовал смыслу предложения, другой был либо противоположен (в случае экспериментальных предложений), либо иррелевантен (в случае отвлекающих предложений). Размер рисунков в эксперименте составлял 800×600 пикселей, разрешение — 300 ppi. Пример зрительного стимульного материала представлен на рисунке 1 (в ходе эксперимента использовались изображения в цвете).

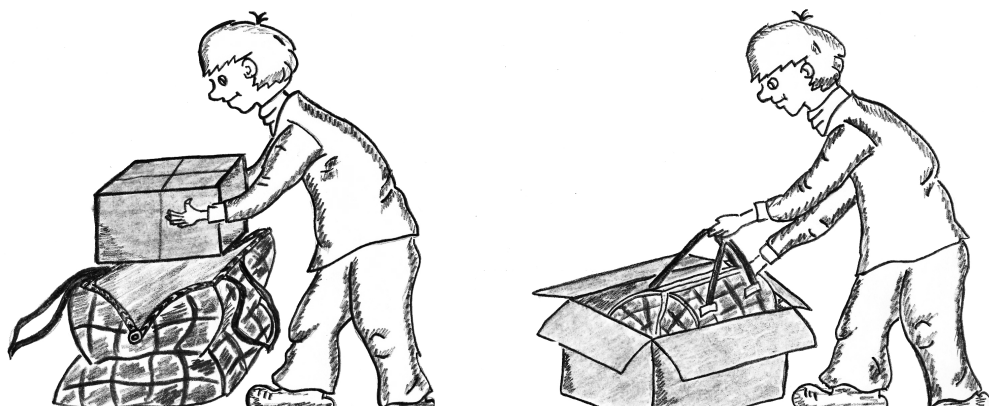

Рис. 1. Зрительный материал для экспериментального предложения *Мальчик кладет сумку в коробку*.

Все предложения предъявлялись на слух. Они были записаны женщиной-диктором с ровной интонацией при частоте дискретизации 44100 Hz и отредактированы в программе «Praat» [Voersma, Weenink 2017]. В каждой аудиозаписи с точностью до нескольких миллисекунд были размечены следующие области интереса: 1) первое слово в предложной или инструментальной конструкции (*сумку*), 2) второе слово в предложной или инструментальной конструкции (*в коробку*). В случаях, когда конструкция содержала предлог, он относился к тому же региону, что и следующее за ним слово. Предъявление экспериментальных стимулов было дано в программе «Experiment Builder».

Мы предполагали, что различия в правильности ответов, времени реакции испытуемых и доле взглядов на правильный рисунок должны отражать степень когнитивной сложности обработки определенной языковой конструкции. Чем легче конструкция с точки зрения языковой обработки, тем быстрее испытуемые выбирают правильный рисунок и тем дольше смотрят на него. Как только испытуемый понимает, какой рисунок соответствует предложению, он скорее всего зафиксирует взгляд на нем и будет готовиться выбрать его в качестве правильного ответа. Когда испытуемый сомневается, он будет дольше сравнивать рисунки, переводя взгляд с одного на другой, и равные доли взглядов на оба рисунка будут свидетельствовать о более сложной обработке. Мы ожидали, что в соответствии с сенсомоторными стереотипами испытуемые будут сначала интерпретировать постглагольное существительное как объект в предложных конструкциях и как инструмент — в инструментальных, т. е. дольше смотреть на правильное изображение в условиях, соответствующих моторным стереотипам.

2. Процедура

В эксперименте участвовали 43 взрослых монолингвальных носителя русского языка (11 мужчин и 32 женщины) с нормальным или скорректированным до нормального зрением в возрасте от 18 до 53 лет (средний возраст — 22 года). Перед началом эксперимента все испытуемые были ознакомлены с процедурой проведения эксперимента и подписали согласие на участие и обработку полученных данных на условиях анонимности.

Эксперимент начинался с инструкции по прохождению процедуры калибровки (калибровка камеры осуществлялась по 9 точкам), далее следовала непосредственно процедура калибровки, а затем — инструкция по прохождению эксперимента. В начале тестирования испытуемые выполняли пять тренировочных заданий и могли задать все возникшие вопросы после тренировки и до начала эксперимента. В самом эксперименте было 48 экспериментальных заданий, после выполнения половины из них испытуемый мог при желании сделать паузу. Каждое экспериментальное задание начиналось с того, что в середине экрана демонстрировалась точка. Если в течение трех секунд камера не регистрировала фиксацию испытуемого на точке с погрешностью не больше одного градуса, следовал автоматический возврат к калибровке; если камера регистрировала фиксацию испытуемого на этой точке, то в правой и левой половинах экрана появлялось по изображению (положение изображений было псевдослучайным, так что в половине заданий изображение, соответствующее предложению, находилось справа, а в другой половине — слева на мониторе), а через секунду после появления изображений начинал проигрываться аудиофайл с предложением. После окончания звучания аудиофайла у испытуемого было 5 секунд для того, чтобы нажать мышью на изображение, которое, по его мнению, соответствовало предложению; через секунду после ответа испытуемого осуществлялся переход к следующей пробе. Если в течение 5 секунд испытуемый не давал ответа, данная экспериментальная проба исключалась из анализа и осуществлялся переход к следующей. Испытуемый не получал обратной связи о том, правильным или неправильным был его ответ.

Тестирование проводилось с помощью прибора по регистрации движений глаз «Eyelink 1000+», инфракрасный излучатель и камера находились на столе, перед монитором. Каждый испытуемый сидел в комфортной позе на расстоянии 60 см от камеры и 90 см от монитора, на котором предьявлялись изображения. Для увеличения точности расчета положения взгляда в эксперименте использовалась подставка, фиксирующая положение головы испытуемого. Полное прохождение эксперимента с процедурой калибровки занимало от 20 до 30 минут.

В анализ вошли данные о том, верное или неверное изображение выбрал испытуемый в каждом экспериментальном задании, и данные о координатах взора испытуемых во время звучания предложения. Данные о времени реакции испытуемых были потеряны из-за технической ошибки. Анализ осуществлялся в среде R [R Core Team 2016]; для анализа доли времени, в течение которого испытуемые смотрели на изображение, использовался метод линейной регрессии, а для анализа того, как доля фиксаций на изображении меняется со временем — метод логистической регрессии из библиотеки `lme4` [Bates et al. 2015]. Каждая регрессионная модель позволяла коэффициентам для отдельных испытуемых и экспериментальных стимулов свободно варьировать.

Полученные данные и скрипт для анализа можно скачать на странице исследования [Пространство в языке].

3. Результаты

В среднем испытуемые сделали мало ошибок как в экспериментальных (3 %), так и в отвлекающих пробах (1 %). Доли правильных ответов в зависимости от экспериментального условия представлены в таблице 2.

Таблица 2

Доли правильных ответов в зависимости от условия

Конструкции	Прямой порядок	Непрямой порядок
Инструментальные	0,97	0,99
Предложные	0,97	0,96

Логистическая регрессия показала, что различия в долях правильных ответов между экспериментальными условиями не являются статистически значимыми.

Анализ доли фиксации на изображениях, соответствующих правильному и неправильному ответам, во время звучания каждого из двух критических слов в целевом регионе (прямой объект и инструментальная / предложная группа), однако, продемонстрировал ряд статистически значимых эффектов.

Первое слово. Во временном периоде, соответствующем первому слову в критическом регионе (например, *сумку*), был найден значимый эффект позиции изображения: на правильное изображение смотрят дольше, если оно находится слева на экране ($Est. = 0,05$, $SE = 0,02$, $t = 2,61$). На правильное изображение смотрят меньше при непрямом порядке слов вне зависимости от типа конструкции ($Est. = -0,06$, $SE = 0,03$, $t = -2,11$). Вероятно, это отражение сложности когнитивной обработки непрямого порядка слов, не позволяющего быстро обработать языковую конструкцию и выбрать правильное изображение.

Второе слово. Во временном периоде, соответствующем второму слову в критическом регионе (например, *в коробку*), найден значимый эффект позиции правильного изображения: на него смотрят дольше, если оно находится справа на экране ($Est. = 0,05$, $SE = 0,02$, $t = 3,14$). Также найдено значимое взаимодействие между порядком слов и типом конструкции ($Est. = 0,07$, $SE = 0,03$, $t = -2,20$): в предложных конструкциях нет значимой разницы между условиями, но в инструментальных конструкциях на правильное изображение смотрят дольше при непрямом порядке слов, соответствующем сенсомоторному стереотипу ($Est. = -0,05$, $SE = 0,01$, $t = -4,34$), т. е. в условии *накрывает шапкой шарф*.

Оба слова. Мы также проанализировали, как доля взглядов на оба изображения меняется со временем на отрезке звучания обоих критических слов. Для этого данные о том, смотрел ли испытуемый на правильное (кодировалось как 1) или неправильное (кодировалось как 0) изображение, были усреднены по 50-миллисекундным отрезкам времени для каждого испытуемого, экспериментального условия и экспериментальной пробы. Значимым оказались фактор времени (со временем вероятность смотреть на правильное изображение возрастает, $Est. = 50,06$, $SE = 1,95$, $z = 25,66$, $p < 0,001$) и взаимодействие типа конструкции и порядка слов. Взаимодействие носит тот же характер, что и в регионе второго слова: в предложных конструкциях нет значимой разницы между условиями, но в инструментальных конструкциях вероятность того, что испытуемый будет смотреть на правильное изображение, повышается при непрямом порядке слов, соответствующем сенсомоторному стереотипу ($Est. = -0,05$, $SE = 0,02$, $z = -2,82$, $p = 0,005$), см. рисунок 2 на с. 106.

4. Обсуждение

Мы ожидали, что в условиях, которые мы классифицировали как более трудные для понимания (непрямой порядок слов и несоответствие моторному стереотипу в предложных конструкциях: *положить в коробку сумку*; прямой порядок слов и несоответствие моторному стереотипу в инструментальных конструкциях: *накрыть шарф шапкой*), испытуемые будут дольше смотреть на неверное изображение или выбирать между двумя изображениями, и, как следствие, позднее переводить взгляд на верное. Полученные результаты лишь отчасти совпадают с этим предположением.

В соответствии с нашей гипотезой, инструментальные конструкции с непрямым порядком слов (*накрыть шапкой шарф*) обрабатываются легче, чем с прямым: анализ региона второго слова и двух слов демонстрирует, что в условиях с непрямым порядком слов

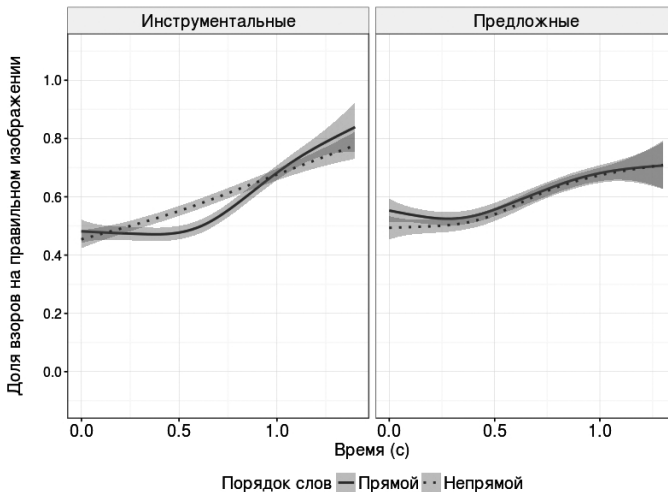

Рис. 2. Изменение доли взоров на правильном изображении со временем (регион обоих критических слов)

испытуемые дольше смотрят на правильное изображение, т. е. способны быстрее его идентифицировать. Это весомый аргумент в пользу влияния сенсомоторных стереотипов на обработку речи, потому что полученный результат не может быть объяснен прямым порядком слов; напротив, соответствие моторному стереотипу облегчает понимание инструментальных конструкций в большей степени, чем прямой порядок слов.

Однако мы нашли подтверждение гипотезы только в инструментальных конструкциях; напротив, ни в одном условии ни в одном виде анализа мы не нашли разницы в движениях глаз при понимании предложных конструкций, соответствующих и не соответствующих моторному стереотипу. Отсутствие эффекта требует дополнительных объяснений, учитывая, что конструкции с непрямым порядком слов, не соответствующим сенсомоторному стереотипу (*положить в коробку сумку*), должны были быть самыми сложными для понимания. Это не единственный подобный результат: разница в предложных конструкциях не была найдена также в экспериментах с участием пациентов с афазией [Крабис и др. 2015] и детей дошкольного возраста [Крабис и др. (в печати)], поэтому он носит воспроизводимый характер. Несоответствующие моторному стереотипу предложные конструкции с непрямым порядком слов по какой-то причине оказались такими же легкими для понимания, как и их пары с прямым порядком слов и соответствующие стереотипу. Одно из возможных объяснений заключается в том, что предложные конструкции можно понять, не обрабатывая флексии: в русском языке предлог обязательно связан с ближайшим существительным, и информации о линейном порядке предлога относительно существительных хватит для того, чтобы правильно восстановить смысл предложения. Мы не предполагаем, что здоровые носители русского языка игнорируют морфологическую информацию при конструировании смысла предложения (хотя Д. А. Чернова [2015] убедительно демонстрирует, что подобное также возможно), как могли бы делать дети и пациенты с афазией; более вероятно, что здоровые носители сначала осуществляют поверхностный анализ линейного порядка слов, и в результате этого поверхностного анализа взор уже может быть направлен на правильное изображение. Таким образом, время анализа и принятия решения сокращается, и мы не видим влияния сенсомоторного стереотипа на движения глаз.

Учитывая, что мы обнаружили влияние сенсомоторного стереотипа на обработку инструментальных, но не предложных конструкций, мы можем предположить иерархию сложности языковой обработки: предложные конструкции обрабатываются легко, и информация

о сенсомоторном стереотипе не влияет на их понимание; инструментальные конструкции труднее для понимания, и информация о сенсомоторном стереотипе облегчает их когнитивную обработку. Таким образом, сенсомоторные стереотипы могут облегчать языковую обработку, но только для сложных конструкций, их влияние не универсально. Возможно, что информация о сенсомоторных стереотипах входит в число эвристик, которые люди предположительно используют для того, чтобы получить поверхностное представление о содержании предложения до завершения полного синтаксического анализа; см. [Ferreira 2003; Ferreira, Patson 2007; Tabor et al. 2004].

Интересным результатом, не относящимся напрямую к теме исследования, стала роль линейного порядка изображений на экране: во временном регионе первого слова испытуемые больше смотрели на изображение слева, в регионе второго слова — на изображении справа, что соответствует направлению взгляда при чтении на русском языке (слева направо). Видимо, вследствие привычки к подобному расположению текста при чтении, при рассматривании изображений на экране взгляд тоже перемещается слева направо (см. также [Spalek, Hammad 2005; Locher et al. 2007], альтернативная точка зрения представлена в [Nicholls, Roberts 2002]). Значимый эффект положения изображения на экране еще раз подчеркивает необходимость рандомизации условий эксперимента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахутина и др. 2016 — Ахутина Т. В., Корнеев А. А., Матвеева Е. Ю., Статников А. И. Понимание логико-грамматических конструкций у второклассников: нейролингвистический анализ механизмов // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». Вып. 5. М.: ООО «Мозаика-Синтез», 2016. С. 4—6. [Akhutina T. V., Korneev A. A., Matveeva E. Yu., Statnikov A. I. Understanding of logical-grammatical constructions by second grade pupils: Neurolinguistic analysis of mechanisms. *Sbornik materialov Ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Vospitanie i obuchenie detei mladshego vozrasta»*. No. 5. Moscow: ООО “Mozaika-Sintez”, 2016. Pp. 4—6.]
- Крабис и др. 2015 — Крабис А. В., Драгой О. В., Искра Е. В., Бергельсон М. Б. Понимание пространственных конструкций здоровыми людьми и пациентами с афазией // Печенкова Е. В., Фаликман М. В. (ред.). Когнитивная наука в Москве: новые исследования. М.: БукиВеди, 2015. С. 216—220. [Krabis A. V., Dragoi O. V., Iskra E. V., Bergel'son M. B. Understanding of spatial constructions by healthy people and patients with aphasia. *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya*. Pechenkova E. V., Falikman M. V. (eds.). Moscow: BukiVedi, 2015. Pp. 216—220.]
- Крабис и др. (в печати) — Крабис А. В., Освепян М. А., Драгой О. В. Роль моторного стереотипа в понимании языковых пространственных конструкций детьми дошкольного возраста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация (в печати). [Krabis A. V., Ovsepyan M. A., Dragoi O. V. The role of motor stereotype in understanding of linguistic spatial constructions by preschool age children. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* (in print).]
- Лурия 1962 — Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Издательство Московского университета, 1962. [Luriya A. R. *Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokal'nykh porazheniyakh mozga* [Human higher cortical functions and their affections as a result of local brain damage]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1962.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Пространство в языке — Пространство в языке: роль сенсомоторных стереотипов в понимании пространственных языковых конструкций [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.hse.ru/neuroling/research/stereotypes> (дата обращения: 02.11.2016). [*Prostranstvo v yazyke: rol' sensomotornykh stereotipov v ponimanii prostranstvennykh yazykovykh konstruktstii* [Space in language: The role of sensorimotor stereotypes in understanding of spatical linguistic constructions]. [Electronic resource]. 2016. Available at: <https://www.hse.ru/neuroling/research/stereotypes> (accessed: 02.11.2016).]
- Сиротинина 1974 — Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. [Sirotnina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti* [Modern colloquial language at its characteristics]. Moscow: Prosveshchenie, 1974.]

- Статников и др. 2011 — Статников А. И., Драгой О. В., Бергельсон М. Б., Искра Е. В., Маннова Е., Скворцов А. А. Особенности понимания логико-грамматических конструкций при различных формах афазии // Печенкова Е. В., Фаликман М. В. (ред.). Когнитивная наука в Москве: новые исследования. М.: БукиВеди, 2011. С. 238—242. [Statnikov A. I., Dragoi O. V., Bergel'son M. B., Iskra E. V., Mannova E., Skvortsov A. A. Peculiarities of understanding of logical-grammatical constructions by patients with different forms of aphasia. *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya*. Pechenkova E. V., Falikman M. V. (eds.). Moscow: BukiVedi, 2011. Pp. 238—242.]
- Федорова 2008 — Федорова О. В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 98—120. [Fedorova O. V. Methods for registration of eye-movements «visual world»: a chance for a « rapprochement » of linguistic traditions. *Voprosy jazykoznanija*. 2008. No. 6. Pp. 98—120.]
- Чернова 2015 — Чернова Д. А. Синтаксический анализ предложения в процессе восприятия речи: экспериментальное исследование обработки синтаксически неоднозначных конструкций в русском языке // Вестник пермского университета. 2015. № 1(29). С. 36—44. [Chernova D. A. Syntactic analysis of the sentence in the process of speech perception: Experimental study of processing of syntactically ambiguous constructions in Russian. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2015. No. 1(29). Pp. 36—44.]
- Alday et al. 2014 — Alday P. M., Schlesewsky M., Bornkessel-Schlesewsky I. Towards a computational model of actor-based language comprehension. *Neuroinformatics*. 2014. Vol. 12. No. 1. Pp. 143—179.
- Bailyn 2012 — Bailyn J. F. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Bates et al. 2015 — Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*. Vol. 67. No. 1. Pp. 1—48.
- Boersma, Weenink 2017 — Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer* [Computer program]. 2017. Version 6.0.25. Available at: <http://www.praat.org/>.
- Bosbach et al. 2005 — Bosbach S., Cole J., Prinz W., Knoblich G. Inferring another's expectation from action: The role of peripheral sensation. *Nature Neuroscience*. 2005. Vol. 8. No. 10. Pp. 1295—1297.
- Buccino et al. 2005 — Buccino G., Riggio L., Melli G., Binkofski F., Gallese V., Rizzolatti G. Listening to action-related sentences modulates the activity of the motor system: A combined TMS and behavioral study. *Cognitive Brain Research*. 2005. Vol. 24. No. 3. Pp. 355—363.
- Chang, Jessop 2015 — Chang F., Jessop A. A cross-linguistic model of production and comprehension in visual worlds. Talk presented at the 28th Annual CUNY Conference on Human Sentence Processing (Los Angeles). 2015. Available at: https://dornsife.usc.edu/assets/sites/836/docs/CUNY_program_web_reduced_edits_sponsors.pdf.
- Coltheart 1999 — Coltheart M. Modularity and cognition. *Trends in Cognitive Sciences*. 1999. Vol. 3. No. 3. Pp. 115—120.
- Dyakonova 2009 — Dyakonova M. *A phase-based approach to Russian free word order*. Utrecht: LOT, 2009.
- Ferreira 2003 — Ferreira F. The misinterpretation of noncanonical sentences. *Cognitive Psychology*. 2003. Vol. 47. No. 2. Pp. 164—203.
- Ferreira, Patson 2007 — Ferreira F., Patson N. D. The 'good enough' approach to language comprehension. *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1. No. 1—2. Pp. 71—83.
- Fodor 1986 — Fodor J. A. *The modularity of mind*. Cambridge (MA): MIT Press, 1986.
- González et al. 2006 — González J., Barros-Loscortales A., Pulvermüller F., Meseguer V., Sanjuán A., Belloch V., Ávila C. Reading cinnamon activates olfactory brain regions. *Neuroimage*. 2006. Vol. 32. No. 2. Pp. 906—912.
- Hauk et al. 2004 — Hauk O., Johnsrude I., Pulvermüller F. Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex. *Neuron*. 2004. Vol. 41. No. 2. Pp. 301—307.
- Helbig et al. 2006 — Helbig H. B., Graf M., Kiefer M. The role of action representations in visual object recognition. *Experimental Brain Research*. 2006. Vol. 174. No. 2. Pp. 221—228.
- Kempen et al. 2012 — Kempen G., Olsthoorn N., Sprenger S. Grammatical workspace sharing during language production and language comprehension: Evidence from grammatical multitasking. *Language and Cognitive Processes*. 2012. Vol. 27. No. 3. Pp. 345—380.
- Levy 2008 — Levy R. Expectation-based syntactic comprehension. *Cognition*. 2008. Vol. 106. No. 3. Pp. 1126—1177.
- Locher et al. 2007 — Locher P., Krupinski E. A., Mello-Thoms C., Nodine C. F. Visual interest in pictorial art during an aesthetic experience. *Spatial Vision*. 2007. Vol. 21. No. 1. Pp. 55—77.
- Marino et al. 2012 — Marino B. F., Gallese V., Buccino G., Riggio L. Language sensorimotor specificity modulates the motor system. *Cortex*. 2012. Vol. 48. No. 7. Pp. 849—856.

- Meyer et al. 2016 — Meyer A. S., Huettig F., Levelt W. J. M. Same, different, or closely related: What is the relationship between language production and comprehension? *Journal of Memory and Language*. 2016. Vol. 89. Pp. 1—7.
- Nicholls, Roberts 2002 — Nicholls M. E. R., Roberts G. R. Can free-viewing perceptual asymmetries be explained by scanning, pre-motor or attentional biases? *Cortex*. 2002. Vol. 38. No. 2. Pp. 113—136.
- O'Grady, Lee 2005 — O'Grady W., Lee M. A mapping theory of agrammatic comprehension deficits. *Brain and Language*. 2005. Vol. 92. No. 1. Pp. 91—100.
- Pulvermüller et al. 2005 — Pulvermüller F., Hauk O., Nikulin V. V., Ilmoniemi R. J. Functional links between motor and language systems. *European Journal of Neuroscience*. 2005. Vol. 21. No. 3. Pp. 793—797.
- R Core Team 2016 — R: A language and environment for statistical computing. *R Foundation for Statistical Computing*. Vienna, Austria, 2016. Available at: <https://www.R-project.org/>.
- Simmons et al. 2005 — Simmons W. K., Martin A., Barsalou L. W. Pictures of appetizing foods activate gustatory cortices for taste and reward. *Cerebral Cortex*. 2005. Vol. 15. No. 10. Pp. 1602—1608.
- Spalek, Hammad 2005 — Spalek T. M., Hammad S. The left-to-right bias in inhibition of return is due to the direction of reading. *Psychological Science*. 2005. Vol. 16. No. 1. Pp. 15—18.
- Tabor et al. 2004 — Tabor W., Galantucci B., Richardson D. Effects of merely local syntactic coherence on sentence processing. *Journal of Memory and Language*. 2004. Vol. 50. No. 4. Pp. 355—370.
- Tanenhaus et al. 2000 — Tanenhaus M. K., Magnuson J. S., Dahan D., Chambers C. Eye movements and lexical access in spoken-language comprehension: Evaluating a linking hypothesis between fixations and linguistic processing. *Journal of Psycholinguistic Research*. 2000. Vol. 29. No. 6. Pp. 557—580.
- Tucker, Ellis 1998 — Tucker M., Ellis R. On the relations between seen objects and components of potential actions. *Journal of Experimental Psychology: Human perception and performance*. 1998. Vol. 24. No. 3. Pp. 830.

Получено / received 02.10.2016.

Принято / accepted 22.11.2016.

**«X ЕСТЬ X» ЗНАЧИТ «X ЭТО X»?
ИЩЕМ ОТВЕТ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ***

© 2017

**Елена Леонидовна Вилинбахова^{а, @},
Михаил Вячеславович Копотев^б**

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация; ^б Хельсинкский университет,
Хельсинки, 00014, Финляндия; [@] e.vilinbakhova@spbu.ru

Статья посвящена двум русским тавтологическим конструкциям *X есть X* и *X это X*. Мы предлагаем анализ двух разновидностей тавтологий с привлечением диахронических и синхронических данных из Национального корпуса русского языка. В статье обсуждаются а) этапы формирования и развития этих конструкций в русском языке (с учетом уже ушедшего варианта *X суть X*); б) частотность разных синтаксических групп в качестве переменных *X* (по данным Национального корпуса русского языка); в) ограничения на употребление синтаксических групп в обеих конструкциях и г) семантические и прагматические особенности двух конструкций. Как правило, *X есть X* использует разные компоненты значения *X*, отсылая, например, к коннотациям языкового выражения, тогда как *X это X* чаще выражает именно тождество *X*-а самому себе, то есть является тавтологией в витгенштейновском смысле.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, микросинтаксис, прагматика, русский язык, семантика, синтаксические фраземы, тавтологии

**DOES “X EST’ X” MEAN “X ETO X”?
LOOKING FOR AN ANSWER
IN SYNCHRONY AND DIACHRONY**

Elena L. Vilinbakhova^{а, @}, Mikhail V. Kopotev^б

^а St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;

^б University of Helsinki, Helsinki, 00014, Finland; [@] e.vilinbakhova@spbu.ru.

The paper deals with the Russian tautologies *X est’ X* ‘X is X’ and *X eto X* ‘X this is X’. We elaborate on the diachronic and synchronic analyses of the two constructions based on the data from the Russian National Corpus. The paper discusses a) milestones in the development of these two tautologies in Russian (taking into account the pattern *X sut’ X* ‘X are X’ that has completely disappeared from the language); b) frequency of different syntactic phrases used as the repeated element *X* (based on the Russian National Corpus data); c) syntactic constraints on phrases in both constructions; d) semantic and pragmatic features of the two types of constructions. We argue that *X est’ X* most often appeals to different components of *X*’s meaning (e. g. its connotations), while *X eto X* expresses the subject’s identity to itself, being a tautology in the Wittgensteinian sense.

Keywords: corpus linguistics, microsyntax, pragmatics, Russian, semantics, syntactic phrasemes, tautologies

* Работа частично поддержана Стипендиальной программой Банка Сантандер и СПбГУ № 31.55.1273.2016 и грантом Президента Российской Федерации МК-713.2017.6.

Введение

Книга К. Чвани «On the syntax of BE-sentences in Russian» заканчивается такими словами: «*Работа есть работа*. Для лингвиста эта строчка Окуджавы — триюизм»¹ [Chvany 1975: 198]. Действительно, несмотря на гигантский объем исследований, посвященных русским предложениям со связкой *быть*, все еще остаются не до конца разработанные темы. Предложение *Работа есть работа* иллюстрирует одну из них. В настоящей статье речь пойдет об особых конструкциях русского языка вида *X copula X* — так называемых тавтологиях, устанавливающих тождество, которые в западной традиции обозначаются термином «equative tautologies», или «equatives»²:

- (1) *Работа есть работа.*
- (2) *Работа — это работа.*

В рамках логического анализа языка интересующие нас тавтологии считаются безусловно истинными, поскольку «условия истинности тавтологичны» [Витгенштейн 1994: 33]. Такого рода высказывания признаются и семантически пустыми, и прагматически избыточными. Тем не менее они существуют во многих, если не во всех языках. Их относят к так называемым «аномалиям речевой деятельности», которые «нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [Булыгина, Шмелев 1997: 437]. В тавтологических высказываниях нарушена максима количества передаваемой информации [Grice 1975: 55]: говорящий не сообщает адресату ничего нового, делая по определению истинное утверждение. Несмотря на такую кажущуюся неинформативность, говорящие активно используют тавтологии в коммуникации, а слушатели с легкостью их интерпретируют. В лингвистической литературе это объясняется по-разному в рамках трех подходов: прагматического, семантического и гибридного, или семантико-прагматического.

Прагматический анализ тавтологий предполагает их осмысление по универсальным прагматическим принципам [Grice 1975; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991]. В рамках семантического подхода постулируется наличие конвенциональных значений для тавтологий в разных языках [Wierzbicka 1987; 1991]. Наиболее распространенный в настоящее время семантико-прагматический подход учитывает, с одной стороны, существование дефолтных значений для конкретных тавтологических конструкций, а с другой — влияние контекста и общих фоновых знаний коммуникантов на общую интерпретацию [Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990; Miki 1996; Autenrieth 1997; Meibauer 2008; Rhodes 2009; I. Kwon 2014].

Можно утверждать, что тавтологии в русском языке в разное время были подвергнуты анализу в рамках всех перечисленных подходов. А. Вежбицкая приводит примеры из русского языка как одно из доказательств лингвоспецифичности тавтологий: например, она анализирует отрывок из романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», где выражение *Война есть война* не может быть переведено соответствующей английской тавтологией *War is war* без изменения общего смысла [Wierzbicka 1991: 394]. В русле семантического подхода рассуждают и Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, ср.: «Способы переосмысления тавтологий задаются семантическими правилами конкретного языка» [Булыгина, Шмелев 1997: 445], а также предложенные семантические толкования для двух рядов тавтологий *X есть X* и *X это X* (см. ниже).

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Прочие структурные разновидности тавтологий, например условные (*если P, то P*), взаимоисключающие (*P или не P*), причинные (*P, потому что P*), относительные (*что P, то P*) [Ward, Hirschberg 1991; Autenrieth 1997; Meibauer 2008], а также нетавтологические конструкции с повторами *ну X и X*, *бывают X-ы и X-ы*, *X так X* и т. д. [Шведова 1960; Шмелев 1960/2002; Апресян 2010; Л. Йомдин 2013; Копотев, Стеклова 2016] остаются за рамками нашего исследования. Следует также уточнить, что эквативами называют и конструкции типа «такого же роста, как X» [Haspelmath 2015], которые, естественно, тоже остаются за пределами этой статьи.

Ю. Д. Апресян скорее поддерживает семантико-прагматический подход, отмечая, что радикально семантический и радикально прагматический подходы «не так непримиримы, как может показаться на первый взгляд»: с одной стороны, «псевдотавтологии» (как их обозначает Апресян, см. обсуждение терминологии в разделе 2.2) «универсальны в том смысле, что при их интерпретации эксплуатируется коннотативный потенциал лексемы, заполняющей переменную»; с другой стороны, они «национально специфичны, как специфичны сами коннотации» [Апресян 1995: 166—167].

Наконец, рассуждения Е. В. Падучевой о модели *X есть X* укладываются в рамки прагматического подхода:

Итак, мы вправе заключить, что конструкция *X есть X* не может быть описана на чисто семантическом уровне: **ее толкование обращено не к смыслу слова X, а к связанной с ним имплицатуре, которая целиком на совести говорящего и, в принципе, может быть своей для каждого употребления** (выделено нами. — Е. В., М. К.) [Падучева 2004: 107].

Следует отметить, что в указанных исследованиях, а также в других работах (см., например, [Николина 1984]), наибольшее внимание уделяется конструкции вида *X есть X*. На альтернативную конструкцию со связкой *это* обращают внимание Булыгина и Шмелев, которые указывают на семантические различия двух рядов тавтологий со связкой *есть* и *это*. Значение конструкций *X (и) есть X*, *X всегда / везде X* и т. п. описано ими следующим образом: «Все манифестации X-а, т. е. члены класса X или “инстанты” индивида X, в общем, одинаковы, и нет оснований ждать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого», в то время как для конструкции *X это X* общее значение состоит в «выделении X-а среди прочих индивидов или классов; констатация его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание» [Булыгина, Шмелев 1997: 506—509].

В настоящей работе мы также рассматриваем обе модели, однако используем более широкий материал, привлекая диахронические и синхронические данные. Во-первых, мы уточним, как именно происходило формирование данных конструкций, какая из них возникла раньше и каким образом появились различия между ними (раздел 1). Во-вторых, мы проверим описание двух конструкций, а именно укажем ограничения на заполнение переменных в обеих моделях, их частотность, содержательные характеристики обеих конструкций и существующие тенденции в их интерпретации (раздел 2). В Заключении будут представлены итоги исследования. Все материалы, кроме оговоренных специально, извлечены из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

1. Тавтологии в диахроническом аспекте

Конструкции с повтором лексического материала можно найти в древнерусском языке. Как отмечает А. И. Васильев, «абсолютное большинство таких выражений составляют глагольные тавтологические обороты, например: *видѣти видѣние, доумати доумоу* {...}. Именные тавтологические обороты составляли лишь небольшую часть от общего числа ТФЕ [тавтологических фразеологизированных единиц]: *волею и неволею, тмами тмы* и др.» [Васильев 2012: 32—33]. В древнерусских текстах не обнаруживается следов тавтологических конструкций, исследуемых в настоящей статье³. Они появляются в текстах Нового времени.

³ Отметим, что в древнерусском и церковнославянском языках можно найти многочисленные примеры структурно близкой, но семантически отличной конструкции, в которой повторяется не вся группа, а только ее вершина. Ср.: *Духъ есть Духъ пресвятый, Отцю и Сыну подобносущну и присносущно* [Новгородская пятая летопись (1550)].

1.1. X есть X

Первые примеры собственно тавтологий найдены нами в текстах начала XVIII в., и до второй половины XIX в. они остаются не слишком употребительными:

- (3) *Ибо насилие есть насилие, хотя над блудницею или честною женою* [Петр I. Артикул воинский (1715)].

Резкий всплеск их употребительности связан, по данным НКРЯ, с текстами М. Е. Салтыкова-Щедрина, у которого мы находим множество примеров такого рода:

- (4) *Оно до такой степени огорчает меня, что, во избежание дальнейших недоразумений, я вынужден громогласно объявить следующее: Глупов есть Глупов* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Глупов и глуповцы (1857—1865)].

Во второй половине XIX—XX в. эта конструкция регулярно употребляется в письменных текстах.

- (5) *...для контролера министерства финансов или для нашего экзекутора гальванометр есть гальванометр, николь есть николь и т. д.* [П. Н. Лебедев. Письма (1902)].

Употребление варианта тавтологической конструкции с глагольным компонентом *суть* следует за развитием *X есть X* с некоторым отличием, связанным с изменением функционирования собственно формы *суть*:

Суть — как форма 3-го лица мн. числа настоящего времени от *быть* — после утраты полной системы спряжения настоящего времени вспомогательного глагола, двигаясь по пути субстантивации, первоначально могла употребляться лишь в строго определенном синтаксическом кругу: в суждениях тождества и в логических определениях понятий. Например, *поэты суть гордость нации* и т. п. [Виноградов 1999: 674].

По данным НКРЯ, этот вариант исключительно редок и появляется в текстах не ранее второй половины XIX в. В дальнейшем они практически не встречаются, отражая общую тенденцию постепенного ухода связки *суть* из языка.

- (6) *И теперь я думаю об орлах так: «Орлы суть орлы, только и всего (...）」* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Орел-меценат (1869—1886)].
- (7) *Поскольку дело идет о чисто теоретическом объяснении мира, факты суть факты и их нельзя, как говорят немцы, «hinwegrasonnieren»* [С. Л. Франк. Непостижимое (1938)].

1.2. X это X

Продвижение прономинальной копии подлежащего в позицию прономинальной связки можно проследить в истории разных языков (см. [Citko 2008]; в [Kwon 2010] показано, что в русском языке этот процесс еще не завершен). Использование связки *это* в тавтологических высказываниях тоже не является уникальным. Подобным образом устроены, например, польские [Bondaruk 2014] и болгарские [Лазарева 2011] тавтологии. Уникальность русской конструкции связана с судьбой нулевой связки *есть*, которая является частным результатом более общего процесса в русском синтаксисе [Kopotev 2015] и которая создает условия для возникновения оппозиции *есть* vs. *это* в русском языке.

По данным НКРЯ, конструкция *X это X* проделывает тот же путь, что и *X есть X* с временной задержкой на один век: в начале XIX в. в текстах возникают конструкции с неполным совпадением именных групп (8); тавтологические высказывания со связкой *это* впервые появляются, по данным НКРЯ, в конце XIX в. (9)⁴:

⁴ Отметим, что и в этом случае М. Е. Салтыков-Щедрин выступает как языковой новатор.

- (8) *Хлеб насущный* — это хлеб, необходимый для того, чтобы существовать, или жить [митрополит Филарет (Дроздов). Пространный христианский Катихизис Православной католической восточной церкви (1823—1824)].
- (9) *Соломенная голова рассуждает так: рубль — это рубль, и ничего больше* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наш *savoir vivre* (1868)].

Представляется, что развитие этой конструкции связано с исчезновением связки *суть* и расширением функций местоимения *это*, которое постепенно, с середины XVIII в., начинает употребляться в функции связки в отождествительно-предметных предложениях и впервые встречается у А. П. Сумарокова в примерах разговорного характера с инфинитивом в качестве подлежащего [Руднев 2007: 90]. До середины XIX в. примеры с подлежащим-существительным и связкой *это* «остаются скорее исключением», так как воспринимались они как разговорные, однако затем количество их употреблений резко возрастает [Там же: 94].

Таким образом, исторически существование тавтологий прослеживается начиная с Петровских времен (для *X есть X*) с постепенным расширением сферы употребления. Отличия вызваны главным образом разницей в более общем развитии соответствующих связочных компонентов: *есть*, *суть* или *это*.

2. Тавтологии *X есть X* и *X это X* в синхроническом аспекте

Переходя к конструкциям *X есть X* и *X это X* в современном русском языке (1945—2016 гг.), заметим, что в существующих описаниях (см. раздел 1) основное внимание уделяется содержательным характеристикам, а синтаксические свойства тавтологий остаются за кадром. В данной работе мы стремились подробно рассмотреть оба аспекта, используя возможности корпусного исследования. По результатам можно утверждать, что синтаксические особенности каждой из конструкций тесно связаны с их интерпретацией, а значит, полученные данные позволяют не только представить синтаксические характеристики тавтологий, но и дополнить имеющиеся описания их семантики.

2.1. Синтаксис конструкций

2.1.1. Тавтологии на фоне общих оппозиций в связочных предложениях

Рассматриваемые в настоящей работе тавтологические конструкции, обладая набором уникальных черт, входят и в более общие оппозиции, из которых существенны следующие.

1. Предложения с выраженной vs. невыраженной связкой *есть* (о различиях между ними см. [Тестелец 2008; Letuchiy 2015]). Конструкции с невыраженным *быть* в русском языке, в свою очередь, делятся на биномитативные и однономитативные [Тестелец 2008: 778], к последним по ряду признаков относятся конструкции *X это X*, которые, в частности, не принимают сентенциального отрицания (**Петя не это Петя*).
2. Оппозиция Им. п. vs. Тв. п. при предикате, см. [Pereltsvaig 2007]. Поскольку номинатив обязателен для постсвязочных групп, содержащих указательные местоимения [Ibid.: 24], связка *это*, являясь по происхождению указательным местоимением, не допускает Тв. п.: **Работа — это работой*.
3. Оппозиция *есть* vs. *это*, см. [К. Kwon 2010]. Конструкции с *это* представляют собой «малую клаузу» (small clause), в которой *это* не является связкой, аналогичной *есть* или $\emptyset_{\text{сop}}$: *это* еще не оформилось в чистую связку монопредикативного предложения, а представляет собой элемент конструкции представления [Ibid.: 61].

Таким образом, с чисто синтаксической точки зрения две исследуемые конструкции устроены по-разному:

- *X есть X* представляет собой биноминативное предложение, в котором *есть* является чистой связкой, однако постсвязочный компонент включается в структуру не напрямую, а через DP [Pereltsvaig 2007: 25].
- *X это X* представляет собой частный случай однономинативного предложения, в котором *это* не является чистой связкой, а постсвязочный компонент включается в структуру напрямую, то есть в составе NP (именной группы) или других групп.

2.1.2. Состав синтаксических групп по корпусным данным

Обращаясь к частотному корпусному анализу рассматриваемых конструкций, необходимо еще раз подчеркнуть, что состав переменных в обеих конструкциях недостаточно определить в морфологических терминах. Место переменных занимают не лексемы как таковые, а синтаксические группы, демонстрирующие как стандартные синтаксические и морфологические свойства, так и присущие только этим конструкциям. Состав и частотность синтаксических групп обобщены в таблице⁵.

Таблица

Конструкция	NP	ProP	AdjP	NumP	VP	PredP	AdvP	PP	ConjP	Σ
<i>X есть X</i>	1535	22 ⁶	—	4	—	4	—	—	— ⁷	1565
<i>X это X</i>	348	138	—	7	4	5	11	1	—	514

Прежде чем перейти к анализу собранных данных, необходимо сделать одно важное методологическое замечание. Некоторые из синтаксических групп, не найденные в подкорпусе, можно найти в других источниках, в частности в сети интернет. Данные в таблице демонстрируют не абсолютный запрет, а тенденции, представленные в сбалансированном корпусе. Другими словами, отсутствие в таблице, например, AdvP для *X есть X*, говорит не о том, что они вообще невозможны, а о том, что их частотность существенно ниже NP в этой конструкции или AdvP в конструкции *X это X*.

Пожалуй, наиболее заметным в таблице представляется резкое преобладание конструкции *X есть X* с NP над всеми прочими вариантами. Даже без учета устойчивых выражений и клише, как то: *закон есть закон, Запад есть Запад, Восток есть Восток* и близких к ним *приказ есть приказ, жизнь есть жизнь* и т. п. — можно утверждать, что в современном русском языке это наиболее распространенная модель. Тем не менее при заполнении переменных другими синтаксическими группами «расклад» меняется, что связано с содержательными свойствами конструкций (см. раздел 2.2).

NP. Подавляющее большинство собранных примеров имеют в составе именные группы. Для обеих конструкций вершины NP стандартно заполнены существительными в Им. п.

- (10) *Сейчас мало людей, которые знают архивное дело так, как я. Любимая работа есть любимая работа!* [Яна Шевцова (КП-Казань). «Синий» человек теперь еще и не спит // Комсомольская правда, 2002.04.26].
- (11) *Поэтому я должен подготовить их к тому, что новые книги — это действительно новые книги* [Александра Маринина. Чужая маска (1996)].

⁵ Данные собраны в подкорпусе за период 1945—2016 гг. основного корпуса НКРЯ. Для поиска использовались серии запросов вида: **а* S_{nom}; на расстоянии от 1 до 3 от «есть»;** **на расстоянии от 1 до 3 от а* S_{nom}**. Полученные результаты просмотрены de visu.

⁶ Мы не учитывали клише *Кто есть кто, Что есть что* и подобные.

⁷ Мы не учитывали примеры типа *Но есть (одно) но*, где второе «но» — субстантив со значением 'недостаток', 'минус'.

Кроме того, в обеих конструкциях допускается эллипсис вершины NP с опорой на контекст и близкие к ним группы с субстантивированными прилагательными, которые иногда трудно отделить от эллипсиса именной вершины:

- (12) — *Вы так удивляетесь, будто я китайского языка не знаю. А его многие не знают. — Ну, китайский это китайский* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга, 2010].
- (13) *Теперь вас почему-то назначали (sic! — Е. В., М. К.) главным менеджером! <...> Главный есть главный* [Р. Лендел. Главный менеджер «Авангарда» Анатолий Бардин: «Ягр своим авторитетом на тренера Сумманена не давит» // Комсомольская правда, 2010.09.01].
- (14) *Он твердо знал, что белое — это белое, а черное — это черное, что умный — это умный, а глупый — это глупый...* [Давид Дар. Богиня Дуня и другие невероятные истории (1964)].

ProP. Особенности этой группы в целом совпадают с предыдущей. Подавляющее большинство примеров включают ProP с личными местоимениями в Им. п. (15—16), а конструкция *X.ProP это X.ProP* допускает и косвенные падежи (например, неканоническое подлежащее в (17)).

- (15) *Ничего другого, кроме себя, она не представляет, никакой тусовки, никакого поколения, она — есть она* [Ольга Кабанова. Рената Литвинова: «Это очень тяжелый труд — рассказывать истории» (2001) // Известия, 2001.08.22].
- (16) — *Интересно мне, почему ты — это ты, а я — я?!* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)].
- (17) — *Скажи, что нам поесть. — Кому это — нам? — удивилась Людмила. — Нам — это нам...* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

AdjP. Адъективные группы с трудом попадают в подобные конструкции из-за наличия общего ограничения: позицию первого актанта не могут занимать прилагательные (а также личные формы глагола и некоторые другие формы). Найденные в корпусе примеры подобного рода при внимательном анализе были признаны субстантивами, см. выше пример (14).

NumP. Как кажется, особой разницы между конструкциями в заполнении переменных количественными группами не существует. В эту группу объединены примеры с количественными (18) и собирательным числительными (19) в качестве вершины синтаксической группы.

- (18) *«Любовник» — знак перехода Тодоровского в иное возрастное кинопоколение. Хотя он по всем (даже внешним) признакам еще весьма молод, все же сорок есть сорок* [Юрий Гладильщиков. Его жена и их любовник. «Любовник» Валерия Тодоровского (2002) // Известия. 2002.10.23].
- (19) *Всякое может случиться. Один — это один, а трое — трое...* [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)].

VP. В НКРЯ в конструкции *X есть X* глагольных групп не представлено; в конструкции *X это X* встретились глагольные группы с финитными и нефинитными формами: инфинитив (20) и претерит (21). Понятно, что спрягаемые формы глагола запрещены в первой конструкции в силу синтаксических ограничений глагольной формы *есть*: **Погиб есть погиб*.

- (20) *Серые, глубокие глаза Лобастого тихо сияют. — Начать — это начать, — бормочет он* [Василий Шукшин. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту (1972—1974)].

- (21) *Колька опять приник к ней и опять стал уговаривать: в конце концов, погиб — это погиб* [Владимир Маканин. Голоса (1977)].

PredP. Предикативы представлены в корпусе в обеих конструкциях, и, по-видимому, речь идет о двух типах употребления. Так, в примере (22) предикатив *вне игры* обозначает определенную ситуацию, как и существительные *война*, *праздник* и т. п. В примере же (23) можно говорить о метаязыковом употреблении.

- (22) *И не оспоришь приговор арбитра — все верно, вне игры есть вне игры*⁸ [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)].
- (23) *А вообще Полковник, по первому впечатлению — исправный служака, у которого, по анекдоту, «да» — это «да», а «нет» — это «нет», а слов «может быть» он не знает* [Андрей Лазарчук. Тепло и свет (1990)].

AdvP и PP. Предложные группы, которые могут использоваться в этих конструкциях, являются чаще всего локативными и темпоральными сирконстантами, т. е. наиболее близкими к наречным группам, что позволяет их объединить. Большинство примеров интерпретируются как метаязыковые, см. (24).

- (24) [*Мит Андрей, ник*] *Александр, история — точная наука. «В июле» — это «в июле»* [коллективный. Форум: Уничтожение польской профессуры Львова. Обсуждение (2012)].
- (25) *Завтра — это завтра, но уже сейчас стоит подготовиться* [Марианна Баконина. Девять граммов пластика (2000)].

Кроме описанных выше вариантов заполнения синтаксической группы, существуют и модификации конструкций, требующие особых комментариев.

Выражение связки формами не настоящего времени. При потенциальной возможности число таких случаев невелико. Кроме того, эта стандартная морфологическая трансформация не демонстрирует никаких особых синтаксических свойств, кроме ожидаемой замены именительного падежа на творительный⁹.

X был/-а/-о X (2 примера):

- (26) *Для него приказ был приказом, закон был законом, правильный, неправильный, но исполнять надо, раз это закон* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

X будет X (6 примеров):

- (27) *Пусть улыбка будет улыбкой, а нож — ножом* [Б. Б. Вахтин. Письма самому себе (1967) // Звезда, 2005].

X это был/-а/-о X (3 примера):

- (28) *Мать — это была мать, другая сторона, и незачем задевать ее в разговоре* [Дина Рубина. Терновник (1983)].

⁸ Оборот «вне игры» в корпусе не отмечен как отдельная составная лексема. Мы следуем сложившейся лексикографической практике и считаем его предикативом.

⁹ Наличие в современном языке полипредикативных синтаксических фразем типа *Дружба дружбой, а служба службой* [Nichols 1981: 208] позволяет предполагать наличие монопредикативных тавтологических клауз типа N.Nom + Cop + N.Ins, в которых реализуется падежное маркирование синтаксических ролей с помощью номинатива и творительного предикативного. Найти примеры такого рода ни в современном употреблении, ни древнерусском языке нам не удалось. Представляется отдельной и очень любопытной задачей сравнительный анализ двух конструкций: *X есть X* и *X X-ом, а / но P*. Здесь две специфически русские оппозиции (именительный vs. творительный предикативный и нулевая vs. ненулевая связка) реализуются в двух конструкциях по-разному и не тривиальным для русского языка образом.

Анафорический эллипсис вершины в *X это X*.

(29) а. *Обязательство в письменной форме — это [NP] в письменной форме* [Аркадий Львов. Двор (1981)], ср.:

б. **Обязательство в письменной форме — есть в письменной форме.*

Отрицание в обеих конструкциях. Анализ отрицания в русском языке, в том числе в связочных конструкциях, посвящено множество работ, требующих отдельного внимательного обсуждения, см. [Babby 1980; Brown 1999; Partee, Borschev 2008; Борщев и др. 2009]. Отметим кратко, что две конструкции ведут себя противоположным образом в условиях сентенциального отрицания (30) и похожим — в условиях локального отрицания (31):

(30) а. *...если результат заранее известен, то испытание не есть испытание* [Сергей Прокофьев: дневники (2003) // Российская музыкальная газета, 2003.02.12].

б. **Испытание — не это испытание.*

(31) а. *Ваши дети — это не ваши дети* [Юдина Светлана. Отстаньте от малыша: как отличить гиперопеку от заботы // Труд-7, 2010.02.18].

б. *Ваши дети есть не ваши дети.*

Итак, в рассматриваемых конструкциях допускается употребление целого ряда синтаксических групп, при том *X это X* демонстрирует больший спектр возможностей (например, личные формы глагола, см. выше). По данным реального употребления конструкций в НКРЯ можно заметить, что для NP в Им. п. гораздо более частотна (в пять раз!) конструкция *X есть X*, а для остальных групп — конструкция *X это X*. Это объяснимо с формальной точки зрения: в конструкции с *есть* наследуются синтаксические свойства глагольной связки (запрет на управление финитным глаголом, предпочтение именных групп, маркированных как подлежащее (каноническое или неканоническое) и именная часть сказуемого). Связка *это* исторически не имеет таких ограничений, поэтому более свободно сочетается с любыми группами.

2.2. Семантика конструкций

Переходя к содержательным характеристикам обеих тавтологий, еще раз отметим те сведения в существующих описаниях, которые мы хотели дополнить и уточнить.

Прежде всего, относительно толкования тавтологии *X есть X* в литературе представлены разные точки зрения: от выражения идеи равноценности членов внутри категории и отрицательного отношения говорящего к предмету речи [Булыгина, Шмелев 1997] до отсутствия у конструкции конкретного значения и ее способности передавать любую импликацию [Падучева 2004] (см. цитаты выше). Поскольку авторы опирались на собственную языковую интуицию, привлекая литературные либо сконструированные примеры в качестве иллюстрации, нам показалось важным проверить, в какой мере описанные интерпретации согласуются с употреблением конструкции в реальном языковом узусе по данным НКРЯ.

Далее, в существующих работах рассматривались конструкции с именными группами *NP соп NP*. Как было показано выше, это наиболее частотный, но не единственный вариант, поэтому требуется описание, которое учитывает и другие синтаксические группы в качестве переменных.

С семантикой конструкций связан и вопрос терминологии; в литературе рассматриваемые обороты обозначаются как биноминативные **псевдотавтологические** конструкции [Апресян 1995], «тавтологии», «тавтологичные» высказывания (с употреблением кавычек) [Булыгина, Шмелев 1997], тавтологии (без кавычек) [Падучева 2004], что также заслуживает отдельного обсуждения.

По результатам анализа выяснилось, что сформулированное нами выше наблюдение относительно синтаксических характеристик конструкций применимо и к характеристикам содержательным: следует различать те значения, в которых *X есть X* и *X это X* могут иногда употребляться, и те, в которых они используются более или менее регулярно.

Говоря о **способности** конструкций передавать конкретные значения, надо отметить, что, по нашим данным, выводы Е. В. Падучевой о необходимости обращения к имплицатуре и невозможности описания *X есть X* на чисто семантическом уровне справедливы и в отношении *X это X*, т. е. **обе рассматриваемые конструкции в принципе позволяют передать любое содержание и любое отношение говорящего**. В НКРЯ встретились случаи, когда обе тавтологии передавали «чужие» значения, противоречащие описанным для каждой из них в [Булыгина, Шмелев 1997].

В (32) тавтология *X есть X* выражает идею уникальности и особого статуса Пьера Кардена¹⁰, а также передает положительное отношение говорящего, что, по мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, свойственно конструкции *X это X* [Там же: 509]. Напротив, в (33) имеет место отрицательное отношение и «констатация общего свойства всех манифестаций индивида или класса», которую исследователи приписывают конструкции со связкой *есть* [Там же: 508].

(32) *Это прекрасная новость. А у него есть конкурент? Компания «Боско»? Хорошая марка, но Карден есть Карден. Он обладает абсолютным вкусом, великолепно чувствует линию, красоту* [Долгополов Николай. Пьер Карден против «Боско» // Труд-7, 2007.03.02].

(33) — *Насколько мне известно из допросов военнопленных, — заметил Вайс, — советские люди, например, несмотря на все, убеждены, что гитлеровцы — это одно, а немецкий народ — совсем другое. — Вздор! — горячо воскликнул Генрих. — Немцы — это немцы, и все они одинаковы* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)].

Таким образом, в отличие от других конструкций с повторами *XX-ом, а...* [Шахматов 1941; Шведова 1960; Шмелев 1960/2002; В. Апресян 2014], *Z X-оват не X-овал (но... P)* [Л. Йомдин 2013], *Бывают X-ы и X-ы; Ну, X и X* [Апресян 2010] и т. д., в которых за синтаксическими паттернами закреплены конкретные значения, для тавтологий в русском языке всегда находятся «контрпримеры», опровергающие возможные толкования¹¹.

С другой стороны, анализируя реальное функционирование тавтологий в текстах, можно говорить об определенных тенденциях в их употреблении и интерпретации. В целом, в конструкциях *X есть X* дается характеристика предмету речи: первый повторяющийся элемент указывает на объект, а второй — на его свойство, что соответствует трактовкам в [Апресян 1995; Булыгина, Шмелев 1997]; в конструкциях же *X это X* утверждается тождество объекта самому себе, то есть *X есть X* чаще выступает как псевдотавтология (или «тавтология»), а *X это X* как настоящая тавтология в витгенштейновском смысле¹².

Из этого следует ряд более частных содержательных особенностей, которые согласуются с описанными выше синтаксическими характеристиками конструкций и перекликаются с наблюдениями других исследователей.

Во-первых, если для конструкции *X есть X* чаще всего принципиально общее знание коммуникантов о свойствах предмета речи (в противном случае имплицатура 'X обладает

¹⁰ Ср.: «Высказывание *Фишер — это Фишер* звучит естественно, например, в ситуации, когда, получив известие о новой победе американского гроссмейстера, говорящий подчеркивает, что этого и следовало ожидать» [Булыгина, Шмелев 1997: 444].

¹¹ По-видимому, та же ситуация имеет место и в английском языке: критика семантического подхода А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987] во многом основывалась именно на том, что существует ряд примеров, не подходящих под ее описание, см. [Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990].

¹² См. также описание класса глубоких тавтологий (deep tautologies) в [Bulhof, Gimbel 2001].

типичным для него свойством Y' не распознаётся и говорящий потерпит коммуникативную неудачу), то конструкция $X \text{ это } X$ используется и в тех ситуациях, когда общее знание отсутствует. Так, в примере (34) девушка-администратор отвечает на вопрос постояльцев о временных границах, установленных в их гостинице, то есть стандартное разделение суток в данном случае не работает и отсылка к нему неправомерна (утро не заканчивается в десять часов). Здесь тавтология используется скорее как риторический прием, подчеркивая правоту говорящего за счет логической истинности высказывания в буквальном смысле и предупреждая возможные возражения адресатов.

(34) — *Утро — это до какого часа? — Утро — это утро, до десяти. Но телефон не входит* [Сергей Юрский. Сеюки (1997—1998)].

Во-вторых, в соответствии с наблюдениями Булыгиной и Шмелева, $X \text{ есть } X$ чаще используется при обсуждении членов **внутри** одной категории, а $X \text{ это } X$ — при указании на отличие категории от **внешних** сущностей. Например, тавтология *Дети есть дети* имеет в НКРЯ 19 вхождений¹³, из которых в 17 примерах речь идет исключительно о детях и их характеристиках. Тавтология *Дети — это дети* имеет в НКРЯ пять вхождений, из которых в двух выражается необходимость отличать детей от женщин или собак, в одном — противопоставлены друзья и члены семьи (жена и дети), в двух оставшихся подчеркивается особый статус детей в жизни родителей. Также следует отметить, что почти половина всех вхождений конструкции $X \text{ это } X$ приходится на их употребление в рамках так называемых сопоставительных тавтологий со структурой $X \text{ сор } X, (a / no) Y \text{ сор } Y$, которые указывают на различия между двумя объектами / ситуациями (подробнее см. [Вилинбахова 2016]). Отрицание возможности сходства предмета речи с другими сущностями, не говоря уже о его отождествлении с чем-то кроме себя самого, оказывается еще одним логическим свойством тавтологий, проявляющимся в языке.

Наконец, конструкция $X \text{ это } X$ более активно используется в метаязыковом значении наряду с моделями $X \text{ значит } / \text{ означает } X$, указывая не на предмет речи, а на способ употребления языкового выражения¹⁴. В отличие от псевдотавтологий, где говорящий каждый раз выбирает один из множества стереотипических признаков объекта, передавая слушателю новую в контексте отдельно взятого речевого акта информацию (адресат не может знать заранее, какая именно характеристика объекта будет передана с помощью тавтологии), в метаязыковых высказываниях оба участника общения оперируют только одним, наиболее общепринятым в языковом коллективе словарным значением¹⁵.

В метаязыковых тавтологиях первый из повторяющихся элементов имеет не термовый, а автономный референциальный статус, поэтому его место может занимать практически любое языковое выражение, включая союзы, частицы, предикативные конструкции, личные формы глагола, именные группы в косвенных падежах и т. п., см. выше и (35). Для $X \text{ есть } X$ метаязыковое употребление не так характерно, чем можно объяснить более низкую вариативность синтаксических групп на месте переменных конструкции в НКРЯ (см. таблицу).

(35) а. — *Исчез — это исчез, и все тут, — вздохнул Болсохоев* [Вячеслав Рыбаков. Грави-лет «Цесаревич» (1993)].

б. **Исчез есть исчез.*

¹³ Для экономии места мы не приводим здесь примеры, но они легко могут быть найдены по соответствующему запросу в НКРЯ (основной корпус, 1945—2016 гг.).

¹⁴ См.: «Используя метаязыковые тавтологии в речи, говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не содержит обычных отклонений от него, а именно: эвфемизации, иронии и гиперболю» [Вилинбахова 2015].

¹⁵ Иногда это подчеркивается апелляцией к словарю, см. пример метаязыковой тавтологии: «Новый это значит новый. (Открой словарь русского языка). Если есть какие-то сомнения то не покупай дешевле все равно не найдешь» [Б. Иомдин 2014: 119].

При сопоставлении возможных значений тавтологий *X есть X* и *X это X* с данными других языков обращает на себя внимание тот факт, что псевдотавтологическая интерпретация 'X обладает типичным для него свойством Y' фиксируется во всех описаниях, независимо от подхода и исследуемого языка, а буквальные тавтологические интерпретации, включая метаязыковые, либо не учитываются вовсе [Autenrieth 1997; Meibauer 2008], либо описываются как особый **дополнительный** подкласс [Bulhof, Gimbel 2001]. Единичные экспериментальные исследования интерпретации тавтологий вне контекста также показывают, что центральным значением для испытуемых является именно отсылка к стереотипу объекта / ситуации, см. [Gibbs, McCarrell 1990]. Таким образом, можно утверждать, что в русском языке при потенциально равных возможностях конструкций *X есть X* и *X это X* в реальном языковом узусе вторая выступает своеобразным «дублером» первой и используется для выражения всех прочих значений, отличных от основного. Это согласуется и с нашими количественными данными: *X есть X* является гораздо более частотной, поскольку, как правило, выражает центральное значение языковых тавтологий, а бóльшая вариативность синтаксических групп на месте переменных в *X это X* объясняется ее использованием при передаче букварных тавтологических значений, так как при установлении тождества сущности самой себе ее природа не имеет значения.

Итак, не вполне правомерно, с одной стороны, обозначать конструкции как **тавтологии**, если в большинстве случаев они таковыми не являются. С другой стороны, прочие варианты (псевдотавтологии, «тавтологии») также вводят в заблуждение, не учитывая случаи употребления тавтологий в букварном смысле. При использовании терминов «конструкции с повторами» или «редупликация» мы включаем рассматриваемые конструкции в заведомо более широкие классы явлений, игнорируя такие их дифференциальные признаки, как, например, отсутствие фиксированных значений (см. выше) и др. Возможно, имеет смысл употреблять термин «языковые тавтологии», что, во-первых, отражает их структурные особенности, во-вторых, согласуется с зарубежной традицией их именования (linguistic tautologies), и наконец, позволяет отличить их от логических тавтологий, о которых писал Витгенштейн.

Заключение

Тавтологические высказывания в русском языке представляют собой уникальное явление. Если в большинстве индоевропейских языков тавтология реализуется с помощью связок, аналогичных *быть*, то в русском на фоне широкого распространения конструкций с нулевой связкой возникают две тавтологии: с глагольной связкой *есть / суть* и с неглагольной полусвязкой *это*. Первая, восходящая к древней индоевропейской модели, не является простой типологической параллелью структурно близким тавтологическим высказываниям в других языках, так как наличие выраженной связки в современном русском языке маркировано. Вторая также не может считаться полным аналогом тавтологий в европейских языках, так как имеет в своем составе неглагольный элемент *это*. В современном русском языке предложение с *есть* представляет биноминативную конструкцию с чистой глагольной связкой, которое способно присоединять, фактически, только формы Им. п. В предложении с *это* нет чистой связки, но есть признаки «малой клаузы», способной присоединять «постсвязочный» компонент в виде разных синтаксических групп. По нашим данным, *X есть X* имеет бóльшие ограничения на состав переменных; в то же время сама конструкция оказывается значительно более частотной, чем конструкция *X это X*. Последняя допускает в качестве повторяющихся элементов почти любые синтаксические структуры, включая предикативные. Обе конструкции в принципе способны выразить любое значение, однако в реальных текстах *X есть X*, как правило, использует разные компоненты значения X, отсылая, например, к коннотациям языкового выражения, тогда как *X это X* чаще выражает собственно тождество X-а самому себе, то есть и является тавтологией в витгенштейновском смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ю. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 156—178. [Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: In 2 vols. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoj Kul'tury», 1995. Pp. 156—178.]
- Ю. Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Апресян Ю. Д. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Ju. D. Three-level theory of government: Lexicographic aspect. Apresjan Ju. D., Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya*. Apresjan Ju. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- В. Апресян 2014 — Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. [Apresjan V. Yu. *Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language. Doct. dis.]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2014.]
- Борщев и др. 2009 — Борщев В. Б., Падучева Е. В., Парти Б. Х., Тестелец Я. Г., Янович И. С. Синтаксическое, семантическое и прагматическое отрицание в русском языке // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 129—143. [Borshchev V. B., Paducheva E. V., Parti B. Kh., Testelecs Ya. G., Yanovich I. S. Syntactic, semantic, and pragmatic negation in Russian. *Logicheskii analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya*. Moscow: Indrik, 2009. Pp. 129—143.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoj Kul'tury», 1997.]
- Васильев 2012 — Васильев А. И. Фразеологическая тавтология в древнерусском языке // Rhema / Рема. 2012. № 1. С. 29—33. [Vasil'ev A. I. Phraseological tautology in Old Russian. *Rhema / Rema*. 2012. No. 1. Pp. 29—33.]
- Вилинбахова 2015 — Вилинбахова Е. Л. *Статья значит статья*: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Селегей В. П. (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 638—649. [Vilinbakhova E. L. *Stat'ya znachit stat'ya*: On a class of tautological constructions in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegei V. P. (ed.). No. 14 (21): In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2015. Pp. 638—649.]
- Вилинбахова 2016 — Вилинбахова Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 61—74. [Vilinbakhova E. L. Coordinated tautologies in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 2. Pp. 61—74.]
- Виноградов 1999 — Виноградов В. В. История слов. М.: ИРЯ РАН, 1999. [Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 1999.]
- Витгенштейн 1994 — Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. [Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical investigations]. Part I. Moscow: Gnozis, 1994.]
- Л. Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л. *Читать не читал, но ...*: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Селегей В. П. (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 309—322. [Iomdin L. L. *Chitat' ne chital, no ...*: On a Russian construction with repeated lexical elements. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegei V. P. (ed.). No. 12 (19): In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2013. Pp. 309—322.]
- Б. Иомдин 2014 — Иомдин Б. Л. Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 114—132. [Iomdin B. L. Google

- it in Dal'. Dictionaries in Internet discussions. *Sovremennyyi russkii yazyk v internete*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014. Pp. 114—132.]
- Копотев, Стексова 2016 — Копотев М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянских культур, 2016. [Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo. Perekhodnye edinitisy v grammatike i slovare* [Exception as a rule. Transitional units in grammar and lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2016.]
- Лазарева 2011 — Лазарева В. А. Тавтологические конструкции с именем собственным в болгарском языке // Иванова Е. Ю., Шанова З. К. (ред.). XVI Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. С. 75—83. [Lazareva V. A. Tautological constructions with proper nouns in Bulgarian. *XVI Dержавinskije chteniya: Sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavistiki*. Ivanova E. Yu., Shanova Z. K. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011. Pp. 75—83.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Николина 1984 — Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. С. 38—46. [Nikolina N. A. Structural-semantic characteristics of sentences like «Zhizn' est' zhizn'». *Predlozhenie kak mnogoaspektnaya edinitisa yazyka*. Moscow: Moscow State Institute of Education, 1984. Pp. 38—46.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Руднев 2007 — Руднев Д. В. Местоименная связка *это* в историческом аспекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 89—99. [Rudnev D. V. Pronominal copula *eto* in historical perspective. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2007. No. 2. Part I. Pp. 89—99.]
- Тестелец 2008 — Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Розина Р. И., Кустова Г. И. (ред.). Динамические модели: Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 773—789. [Testelets Ya. G. The structure of sentences with an implicit copula in Russian. *Dinamicheskie modeli: Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Rozina R. I., Kustova G. I. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 773—789.]
- Шахматов 1941 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of Russian]. Leningrad: Uchpedgiz, 1941.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960.]
- Шмелев 1960/2002 — Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 413—439. [Shmelev D. N. On «bound» syntactic structures in Russian. Shmelev D. N. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 413—439.]
- Autenrieth 1997 — Autenrieth T. Tautologien sind Tautologien. *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte* [= Linguistische Berichte. Sonderheft 8]. Rolf E. (ed.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. S. 12—32.
- Babby 1980 — Babby L. *Existential sentences and negation in Russian*. Ann Arbor (MI): Karoma Publ., 1980.
- Bondaruk 2014 — Bondaruk A. Polish equatives as symmetrical structures. *Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case*. Bondaruk A., Dalmi G., Grosu A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2014. Pp. 61—94.
- Brown 1999 — Brown S. *The syntax of negation in Russian: A minimalist approach*. Chicago: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Bulhof, Gimbel 2001 — Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. *Pragmatics and Cognition*. 2001. Vol. 9. No. 2. Pp. 279—291.
- Citko 2008 — Citko B. Small clauses reconsidered: Not so small and not all alike. *Lingua*. 2008. Vol. 118. Pp. 261—295.
- Chvany 1975 — Chvany C. *On the syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge (MA): Slavica Publ., 1975.
- Escandell-Vidal 1990 — Escandell-Vidal M. V. Nominal tautologies in Spanish. Talk given at the International Conference of Pragmatics (Barcelona, Spain, July, 9, 1990).

- Fraser 1988 — Fraser B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1988. Vol. 12. Pp. 215—220.
- Gibbs, McCarrell 1990 — Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1990. Vol. 19. Pp. 125—145.
- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York: Academic Press, 1975. Pp. 41—58.
- Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective. *Similitive and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2015. [In press. Available at: www.academia.edu/25776521]
- Kopotev 2015 — Kopotev M. Reconstruction and idiomaticity: The origin of Russian verbless clauses reconsidered. *Folia linguistica historica*. Vol. 36. No. 1. Pp. 219—243.
- K. Kwon 2010 — Kwon K. *The small clause in Russian: Structure and history* (manuscript). Harvard University, 2010. PhD thesis.
- I. Kwon 2014 — Kwon I. Categorization and its embodiment: Korean tautological constructions in mental spaces theory. *Language Sciences*. 2014. Vol. 45. Pp. 44—55.
- Letuchiy 2015 — Letuchiy A. Russian zero copulas and lexical verbs: Similar or different? *Lingue e Linguaggio*. 2015. Vol. 14. No. 2. Pp. 233—250.
- Levinson 1983 — Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Meibauer 2008 — Meibauer J. Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics and Cognition*. 2008. Vol. 16. Pp. 439—470.
- Miki 1996 — Miki E. Evocation and tautologies. *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 25. Pp. 635—648.
- Nichols 1981 — Nichols J. *Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian*. Berkeley: Univ. of California Press, 1981.
- Partee, Borshev 2008 — Partee B. H., Borshev V. Existential sentences, BE, and the genitive of negation in Russian. *Existence: Semantics and syntax*. I. Comorovski, K. von Heusinger (eds.). Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 147—190.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. *Copular sentences in Russian: A theory of intra-clausal relations*. Dordrecht: Springer, 2007.
- Rhodes 2009 — Rhodes R. A Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English (manuscript). Available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf.
- Ward, Hirschberg 1991 — Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. *Journal of Pragmatics*. 1991. Vol. 15. Pp. 507—520.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. Boys will be boys: “Radical semantics” vs. “radical pragmatics”. *Language*. 1987. Vol. 63. Pp. 95—114.
- Wierzbicka 1991 — Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

Получено / received 25.08.2016.

Принято / accepted 22.11.2016.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

T. Nessel. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of the Russian language. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015. xxvi, 361 p. ISBN 978-0-89357-443-7.

Алексей Андреевич Козлов

Alexey A. Kozlov

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; scripturas@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; scripturas@mail.ru

Введение. Работа Тупе Нессета «How Russian came to be the way it is» посвящена систематизированному изложению истории русского литературного языка.

Она сильно отличается от более привычных отечественному читателю учебников. Недостатка в учебных пособиях по курсу исторической грамматики, который прочно занял свое место в учебных планах российских филологических факультетов, не наблюдается: есть классическая (и давно и успешно используемая в преподавании) монография В. И. Борковского и П. С. Кузнецова [1963]; классические учебники В. В. Иванова [1964] и К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева [1981]; излагающий в определенной степени авторскую интерпретацию исторических данных учебник петербургского слависта В. В. Колесова [2009]. Существует немалое количество учебных пособий, содержащих громадный массив фактов, накопленных русским историческим языкознанием, в упрощенном и адаптированном виде: назовем хотя бы учебники [Трофимович 2011] и [Сабитова 2014]. Наконец, есть замечательная по полноте охвата материала и современности его трактовок недавняя обобщающая монография Е. А. Галинской [2014].

Однако все эти книги объединяет одна черта: они целиком находятся в контексте исторической русистики. Историческая русистика (в первую очередь, конечно, отечественная) — очень замкнутая и консервативная дисциплина; она бережно охраняет свои границы от взаимодействия с другими разделами лингвистики — не только теоретическим синтаксисом или семантикой, но и, например, сравнительно-историческим индоевропейским языкознанием (реконструкции, используемые в учебниках по исторической грамматике, обычно как минимум полувековой давности)¹. Между тем языковая диахрония и диахронические объяснения стали чуть ли не самой модной темой в современной лингвистике — по крайней мере, в ее «функционально-типологической» части. Соня Кристофаро [Cristofaro 2010; 2012] настаивает на том, что синхронная дистрибуция языковых единиц чаще всего не отражает никаких универсальных когнитивных и коммуникативных принципов напрямую — эти принципы лишь запускают диахронические процессы, а уж результатом последних, в свою очередь, являются синхронные паттерны (см. тж. [Bybee 2008; Bickel 2015]).

Главная цель Нессета пропедевтическая. Его аудиторией, прежде всего, являются студенты лингвистических отделений западных университетов. По-видимому, единственное

¹ Исключением — как и во многих других случаях — является монография Е. А. Галинской [2014]: вполне в духе современной грамматической типологии ее автор рассуждает о семантике перфекта или приводит индоевропейские реконструкции с ларингалами. Однако и у Галинской это, скорее, не последовательная линия, а спорадические экскурсы.

(и то нестрогое) требование к читателю книги — иметь какие-то представления о современном русском языке: в начале каждой главы объявляется, какие загадки и нерегулярности синхронного состояния русского языка будут объяснены историческими процессами, а в изложении материала автор нередко апеллирует к тому, как выглядят соответствующие обсуждаемым формы в современном языке. Возможно, что для адресатов учебника история русского языка — единственный или первый историко-лингвистический курс, поэтому перед Нессетом стоит еще и задача познакомить читателя с общими принципами языковых изменений: эти знания могут пригодиться начинающему лингвисту в сколь угодно далеких от русистики областях. Этим, как кажется, и объясняется главная отличительная черта рецензируемого издания: автор помещает факты истории русского языка в контекст современных теоретических представлений о развитии языка вообще. Причем это, конечно, не какие-нибудь сложные и спорные построения, а привычные идеи о регулярности фонологических изменений, правилах аналогических сдвигов и грамматикализации.

1. Вводные главы. Так как никто не гарантирует, что у студентов Нессета будет хотя бы какой-нибудь славистический кругозор, в учебнике есть целых три вводных главы (они занимают семьдесят страниц в почти 400-страничной книге). Первая, «The scene», посвящена краткому изложению истории средневековой Руси (до конца XVII в.), а вторая, «The texts», — обзору древнерусской книжности и литературы. Эти главы дают, в общем, достаточный историко-филологический фон для начального знакомства с древнерусскими текстами — такой, какого часто не хватает даже российским студентам, приступающим к изучению курса исторической грамматики².

Лингвисту, однако, гораздо более интересна третья глава, «The toolbox». В ней довольно сжато, на тринадцати страницах, излагаются основные положения и допущения исторической лингвистики. Насколько нам известно, в традиции учебных пособий по истории русского языка это первый случай такого рода; короткое теоретико-методологическое введение есть в учебнике В. В. Колесова [2009], но оно, скорее, представляет собой наброски его собственной — довольно сложной и нетривиальной — культурно-исторической концепции. Нессет же излагает совершенно общепринятые утверждения, причем так, чтобы их можно было как можно легче усвоить: во-первых, крайне эксплицитно, во-вторых, предельно структурированно.

Покажем на примере третьей главы, как Нессет подает материал. Эта глава разбита на разделы, каждый размером со страницу или даже меньше: «3.1. Synchrony and diachrony», «3.2. Genetically and typologically related languages», «3.3. History of standard languages vs. historical dialectology» — и так далее. Каждый из подразделов посвящен изложению одной довольно простой, но важной для ориентации в истории языка идее: например, в разделе 3.3 подчеркивается разница между историей литературного языка, на которую сильно влияют разнообразные факторы вне языковой системы (представления о норме и т. д.), и развитием разговорного языка, которое гораздо в меньшей степени обусловлено тем, что Нессет называет «formal instruction». Конечно, для изучения древнерусского литературного языка с его полифонией многочисленных «регистров» или «языковых стихий» проводить это различие совершенно необходимо — и замечательно, что ему посвящен отдельный подраздел: студенту не приходится считывать эту информацию из пресуппозиций автора учебника или находить ее где-нибудь в придаточном предложении.

Центральная часть третьей главы — четыре методологических подраздела. Они посвящены:

- регулярным фонетическим изменениям, фонетическим законам и праязыковой реконструкции;

² Преподавательский опыт рецензента показывает, что каждый год на коллоквиумах и экзаменах по старославянскому языку несколько первокурсников филологического факультета МГУ с готовностью откликаются на предложение реконструировать праславянскую праформу слова *Kauafa*: *k... — а дальше *o или *a?..

- двум наиболее частым источникам исключений из фонетических законов — заимствованиям и аналогии;
- грамматикализации;
- реанализу (то есть изменению лингвистического статуса формы без изменения самой формы).

В каждом из этих разделов дается, во-первых, определение соответствующего понятия (что немаловажно: пусть читатель попробует найти даже в лучших традиционных учебниках по старославянскому или исторической грамматике определение «аналогического сдвига»!), какое-то его обсуждение и, конечно, примеры. Организация примеров — другое большое дидактическое преимущество книги Нессета. Во всех без исключения традиционных учебниках по истории русского языка примеры даются, во-первых, внутри текста, а во-вторых, в избыточном количестве, по пять-шесть примеров на отдельно взятое грамматическое явление, словно бы перед автором стоит задача убедить студента в его интерпретации данных; в результате текст учебника становится действительно сложно воспринимать. У Нессета же большинство примеров, как это принято в современных лингвистических работах, даются каждый с новой строки и сопровождаются сквозной нумерацией:

(1)=(5) Nom: *rĕk-a*, Acc: *rĕk-u*, Gen: *rĕk-y*, Dat: *rĕc'-ĕ*, Inst: *rĕk-oju*, Loc: *rĕc'-ĕ*³.

Так же оформляются определения и другие важные формулировки:

(2)=(6) Analogy: A morphological change, whereby one form becomes more similar (analogous) to another form.

Следующие главы, посвященные собственно истории русского языка, не являются концептуально независимыми от третьей главы: материал излагается в терминах, которые были введены ранее; читатель видит, как в древнерусском и старорусском воплощались уже знакомые ему общие принципы языковых изменений.

Кроме упомянутых выше, третья глава включает разделы про «древесную» и «волновую» модели языкового родства (последняя особенно актуальна при обсуждении восточнославянского диалектного континуума) и абсолютную и относительную датировку языковых изменений. Главу 3 (как и все остальные главы) заканчивают еще два замечательных с дидактической точки зрения раздела: «Summary», в котором — тоже в виде нумерованного списка — перечисляются 19 самых важных введенных понятий и повторяются их определения, и «For further reading», где предлагается дополнительное чтение по каждому из разделов (не больше десяти наименований после каждой главы; важно, что книги тщательно отобраны, так что читатель не утонет в библиографической лавине; с другой стороны, это не 16 наименований, которые дополнительно рекомендует прочитать В. В. Колесов в конце своего учебника [Колесов 2009: 507]).

2. Морфология, синтаксис и фонология. Именно в таком нетрадиционном порядке идут друг за другом в рецензируемой книге основные разделы грамматики. Причину этого Нессет объясняет сам [Neset 2015: 94—95]: после краткого введения (crash-course) в древнерусскую именную и глагольную морфологию уже можно начинать читать со студентами тексты — и потом (параллельно с чтением) постепенно расширять их лингвистические знания.

Четвертая глава, посвященная морфологии имени, устроена довольно традиционно: одно за другим обсуждаются древнерусские типы склонения; заметным отличием является, пожалуй, лишь предваряющий это обсуждение короткий обзор именного склонения в современном русском языке (с акцентом на «маргинальные» падежи: партитивный *сахару*, местный *в лесу* и т. д.). Сразу после этого изложена история типов склонения от древнерусского

³ Это, конечно, не изложение системы склонения — оно, естественно, подается в виде таблицы, — а просто пример, сопровождающий рассуждение об аналогических сдвигах в парадигме.

периода до наших дней — эту традиционно запутанную и сложную для изучения тему Нессет умещает в две страницы! Он достигает такой компактности, предельно упрощая материал: опуская все промежуточные стадии, вообще не касаясь унификации форм множественного числа, потери противопоставления твердой и мягкой разновидностей склонения и т. д. То же самое характеризует и все последующие главы: Нессет очень осторожно (иногда даже скупно) отбирает материал, который включает в учебник; в нем действительно не содержится ничего лишнего⁴. Видно, что автор ставит перед собой в первую очередь педагогические цели: то, что изложено, изложено предельно ясно; каждая глава обязательно оканчивается разделами «Summary» и «For further reading», а начинается трогательным абзацем с проблемными вопросами, на которые читатель найдет ответ ниже: «Why is **путь** the only masculine noun in declension III?» (Последние, однако, иногда звучат несколько натужно: «Have you ever wondered whether the so-called reflexive postfix **-ся** is related to the reflexive pronoun **себя**?»)»

Похожим образом устроены главы про местоимения, прилагательные и «слова для обозначения чисел» — материал для изложения отбирается очень строго, но если автор все-таки касается какой-то проблемы, он излагает ее подробно и структурированно. Например, формированию склонения членных форм прилагательных посвящено семь страниц (для сравнения: у Е. А. Галинской большее количество материала умещено в две страницы [Галинская 2014: 254—256]), оно еще раз суммируется в маленьком собственном подразделе «Summary» и на диаграмме на с. 118. Кроме этого, в главе про прилагательные следует отметить подробное обсуждение противопоставления кратких и полных форм (чего часто не хватает в отечественных курсах старославянского).

Восьмая глава посвящена морфологии глагола. Это одна из самых сложных (если не самая сложная) тема в курсах старославянского языка и исторической грамматики; Нессету тоже не удалось изложить ее так же изящно, как морфологию имени и местоимений. Проблематика образования презентных форм излагается на четырех страницах сплошного текста (правда, там есть две таблицы спряжения и одна диаграмма, посвященная классам глаголов). Без разбиения на подразделы следует информация о тематических гласных, о наличии пяти глагольных классов, скудная информация о них (четких критериев отнесения глагола к классу нет), распределении по лично-числовым формам тематических гласных *-o-* и *-e-*, истории личных окончаний *-ть* и *-ши*, «йотовых презенсах»... В этот раздел нужно вчитываться; он не удостоился даже собственного «Summary»; в целом он гораздо больше, чем все остальные части книги, выглядит похожим на традиционные отечественные учебники. То, как описано образование форм прошедшего времени, выглядит более последовательным и структурированным (хотя в начале и заявляется, что аорист «was formed by the addition of the ending in Table 40 to the infinitive stem», при том, что противопоставления основы презенса и основы инфинитива ранее введено не было, основа инфинитива как самостоятельное понятие упоминается здесь в первый раз).

Далее следует обстоятельное обсуждение грамматической семантики глагольных форм и их взаимодействие с категорией вида — это, наоборот, одно из лучших мест книги. При этом в изложении удачно соблюдается баланс между традиционными интерпретациями и результатами исследований норвежских палеорусистов Х. Экхоф, Л. Янды и самого Т. Нессета.

Следующая глава, посвященная синтаксису, столь же несомненно принадлежит к числу удач Нессета. Синтаксис в исторической русистике по-прежнему остается областью, разработанной гораздо хуже, чем фонология или морфология; неслучайно в самой современной и полной отечественной исторической грамматике — монографии Е. А. Галинской — синтаксический раздел попросту отсутствует. В тех работах, в которых проблематика синтаксиса все же затрагивается, часто встречаются довольно спорные, архаические представления об этом предмете: например, согласно В. В. Колесову, на древнерусском этапе в языке

⁴ Кажется, в первую очередь этим характеризуются те некоторые упрощения фактов, за которые Нессета критикует в своей рецензии Иван Игартуа [Igartua 2016].

почти не было гипотаксиса (то есть сложноподчиненных предложений), а был только паратаксис⁵. Нессет коротко рассматривает основные типологические особенности древнерусского синтаксиса. Приведем просто список затрагиваемых тем:

- *pro-drop* (опущение личных местоимений в позиции подлежащего при финитных формах глагола);
- номинативный объект в конструкциях типа *вода питу* и генитивный объект при супине;
- развитие предикативного творительного падежа;
- предложное и беспредложное выражение обстоятельственных значений;
- конкуренция генитива с относительными и притяжательными прилагательными в посессивных конструкциях;
- пассив и способы выражения агентивного дополнения;
- дательный самостоятельный и конвербиальные употребления причастий;
- семантическое согласование предиката с количественными конструкциями и собирательными существительными;
- клитики и их линеаризация;
- полипредикация и способы оформления зависимых клауз.

Следующие три главы посвящены сегментной исторической фонологии: первые две из них рассматривают предысторию древнерусских гласных и согласных соответственно, а третья — эволюцию фонологической системы от древнерусского этапа к современному. Предлагаемые интерпретации вполне традиционны (вплоть до того, что глава, посвященная утрате *ятя*, называется «The fate of /ě/ (yat')» — калька со специфического для русскоязычной славистики термина «судьба»). Некоторым исключением являются сведения, которые автор черпает из монументального труда по исторической фонетике Ю. Шевелова [Shevelov 1964]; по мнению Нессета, это «insurpassable source of information about Common Slavic phonology» (с. 210). Изложение построено по тому же принципу, который мы видели выше: автор отбирает отдельные темы, но обсуждает их крайне подробно (например, про изменения гласных в последнем слоге, упрощение групп согласных или возникновение «о закрытого» в учебнике не написано вообще ничего, зато «правилу руки» посвящены четыре страницы; для сравнения: у Е. А. Галинской — скромный абзац). Настоящей удачей является раздел про переход *e* в *o* — в нем на пяти страницах подробно разбираются принципы относительной датировки исторических изменений в языке (как известно, эмпирические данные позволяют осуществить такую датировку относительно не только перехода /r/ → /el/, но и, например, ассимиляции [r'] в позиции перед твердыми зубными и остальными твердыми согласными, отвердения шипящих и др.). Стоит отметить последовательный «реализм» праформ: например, Нессет не пишет о монофтонгизации дифтонгов **oi* и **oi*, так как несколькими главами ранее был описан универсальный праславянский переход **o* > **a*, теперь в языке остались только дифтонги **au* и **ai* соответственно; точно так же конечный согласный, отпавший в слове *сынъ*, не **s*, а **x*: **sūnīx* > **sūnī*. Разумеется, верно, что любая праформа условна, а «промежуточные» праформы — условны в еще большей мере (относительную хронологию изменений удастся установить не всегда), но в дидактическом отношении такая последовательность крайне полезна.

Наконец, завершает фонологическую часть книги глава, посвященная просодическим изменениям в фонологической системе — ударению и редукции гласных. Описание акцентологических изменений, предлагаемое Нессетом, по-видимому, пока является самым полным и подробным среди тех, которые вообще представлены в учебной литературе по истории русского языка: сначала пространно описывается современная русская система акцентуации, затем (кратко) общеславянская тоновая, затем парадигматическая древнерусская

⁵ Современная лингвистическая типология, по-видимому, не знает языков без подчинительной клаузуальной связи ни в одной точке земного шара, если не считать таковым известный язык пирахан [Everett 2005].

и переход от древнерусской к современной (всё опираясь на исследования А. А. Зализняка [1985]). Далее следует подробное обсуждение развития аканья.

Основное изложение материала заканчивается короткой главой о новгородских диалектных особенностях. Нессет [Nesset 2015: 98] цитирует интервью А. А. Зализняка, сетующего, что в курсы исторической грамматики крайне медленно проникают открытые им сведения о лингвистическом своеобразии новгородского диалекта — а ведь они исключительно важны для понимания раннего этапа истории русского языка. В. В. Колесов [2009: 44—45] представляет дело так, будто известные новгородские примеры без второй палатализации (*Дѣмькъ* и т. д.) суть результат аналогического выравнивания! Единственное учебное пособие, где пространно (полнее, чем у Нессета) даны новгородские диалектные особенности, — это монография Е. А. Галинской [2014]; ее изложение отличается тем, что соответствующие разделы разнесены по книге: древненовгородская фонетика описывается в разделе о фонетике, именное склонение — в разделе, посвященном имени и т. д. Хотя такой способ подачи материала хорош тем, что весь объем сведений о древнерусской фонетике оказывается собранным в одном месте, решение Нессета представляется более удачным с дидактической точки зрения: студенту не приходится сразу сталкиваться со всеми деталями — сначала он знакомится с положением дел в «наддиалектном» древнерусском языке, а потом получает информацию о новгородских диалектных особенностях. Заметим, что похожим образом обычно соотносятся в педагогической практике курсы старославянского и исторической грамматики русского языка: в первом общеславянская грамматическая система в ее старославянском варианте (по крайней мере, фонология и морфология) излагается целиком, а во втором она только дополняется восточнославянскими диалектными особенностями, что позволяет слушателю «достроить» древнерусскую систему.

Книгу завершают Эпилог и четыре приложения: таблицы склонения и спряжения, список основных различий древнерусского и старославянского (как видим, здесь Нессет идет в направлении, обратном отечественной университетской программе), список основных фонетических законов с приблизительными датировками и раздел под названием «Example of text analysis» — рассказ из Повести временных лет о нападении Аскольда и Дира на Константинополь с обширным морфологическим и синтаксическим комментарием.

3. Общие замечания. Книга Нессета замечательна для первого знакомства с историей русского языка. С одной стороны, она не перегружена информацией и отлично структурирована — студент не теряется в обрушивающейся на него лавине данных, что часто бывает проблемой хороших отечественных учебных пособий. С другой стороны, изложение не скучное, не дистиллированное: избранные случаи обсуждаются так, что становится ясно, в чем именно заключается их глубина, сложность и красота. Где уместно, Нессет прибегает и к глубоко теоретическому рассмотрению отдельных проблем, см. анализ закона Педерсена Х. Андерсеном в терминах маркированности [Andersen 1968] и анализ перехода /ky/, /gy/, /xy/ → /k'i/, /g'i/, /x'i/ Дж. Пэджетом в рамках теории дисперсии [Padgett 2003]. Вполне уместно выглядит и объяснение условий падения редуцированных в терминах стопы, принадлежащее самому Нессету (ср., однако, и более ранний анализ Д. Зеца [Zec 2003]). Приятно, что автор не обходит молчанием и современные отечественные исследования: кроме обильных ссылок на оба учебных пособия Е. А. Галинской [2004; 2014], в учебнике излагаются, например, взгляды В. Б. Крысько [1994] на эволюцию категории одушевленности; весь раздел, посвященный аканью, опирается на теорию С. В. Князева [Князев 2000; Князев, Шаульский 2007]. В дидактическом отношении книга Нессета, по нашему мнению, превосходит все остальные доступные учебные пособия — и, несмотря на англоязычность, может быть рекомендована как базовый учебник по курсу исторической грамматики (в особенности на отделениях теоретической лингвистики, где на этот курс традиционно отводится меньше часов).

Основной недостаток книги проистекает из ее главного достоинства: она принципиально неполна. Она превосходна как первый учебник по исторической грамматике русского языка, но не может быть единственным таким учебником. Прочитав книгу, студент

не будет знать ничего об унификации парадигм во множественном числе; о праславянском упрощении групп согласных; о существительных склонения на **ǫ*, принимающих флексии **й -ове(-еве)* и **ови(-еви)* — и др. В частности, книга недостаточна для учебного чтения текстов: в любом сколько-нибудь длинном древнерусском отрывке студент неизбежно столкнется с такими формами, которые у Нессета не описаны. Одним из очевидных выходов из этой ситуации мог бы быть такой: в практическом преподавании использовать работу Нессета вместе с монографией Е. А. Галинской. Последняя, несколько проигрывая, на наш взгляд, рецензируемому изданию в манере подачи материала, сильно превосходит его в отношении полноты — ее достаточно, чтобы (возможно, с помощью преподавателя) читать и анализировать широкий круг древнерусских текстов.

Выскажем несколько частных замечаний. Как мы заметили раньше, Т. Нессета нельзя обвинить в невнимании к российским палеославистам и палеорусистам; учебник чаще всего отражает как новые эмпирические открытия, так и современные интерпретации данных. В этом смысле жаль, что совсем не говорится об альтернативной теории происхождения членных форм прилагательных — не из определенного артикля, а из относительной (по-видимому, изначально аппозитивной) конструкции: *человѣкъ благии* = *человѣкъ иже есть блажь* [Кукушкина 1993; Галинская 2014: 254], которая кажется, как минимум, более типологически вероятной по сравнению со стандартной гипотезой.

В формулировке перехода /e/ → /o/ Нессет оставляет традиционное условие ударности гласного. Представляется, однако, что этот переход имел место независимо от позиции ударения (о чем свидетельствуют формы типа *скажомъ*; см. [Галинская 2014: 129]), а затем в безударных слогах его результаты были затемнены развитием аканья — кроме всего прочего, такая интерпретация была бы полезна для обсуждения относительных датировок фонологических переходов, предпринимаемого Нессетом как раз в этом разделе.

Все это, конечно, не отменяет того, что рецензируемое учебное пособие — это несомненная удача: поставленные автором цели блистательно достигнуты, у читателей появился учебник по исторической грамматике русского языка, сильно отличающийся от всего того, что было доступно раньше, и говорящий об эволюции языка на языке современной лингвистической теории, с великолепным — глубоким и в то же время исключительно понятным — изложением материала. Конечно, хочется верить, что несмотря на известные сложности (английский язык и меньшая доступность по сравнению с отечественными изданиями; вот если бы перевести его на русский!), и сам учебник «How Russian came to be the way it is», и уж тем более отдельные дидактические решения Type Нессета будут использованы в отечественной педагогической практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Борковский, Кузнецов 1963 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. [Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A historical grammar of the Russian language]. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]
- Галинская 2004 — Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. [Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii*. [Russian historical phonetics. A teaching guide for philological departments of universities and colleges]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 2004.]
- Галинская 2014 — Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: фонетика, морфология. М.: ЛЕНАНД, 2014. [Galinskaya E. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: fonetika, morfologiya*. [A historical grammar of the Russian language: Phonetics, morphology]. Moscow: LENAND, 2014.]
- Горшкова, Хабургаев 1981 — Горшкова К. И., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. [Gorshkova K. I., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A historical grammar of the Russian language]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]

- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Иванов 1964 — Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Учебник. М.: Просвещение, 1964. [Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Uchebnik* [Historical grammar of the Russian language. A teaching guide]. Moscow: Prosveshchenie, 1964.]
- Князев 2000 — Князев С. В. К вопросу о механизме возникновения аканья // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 75—101. [Kniazev S. V. On the origin of akanje in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2000. No. 1. Pp. 75—101.]
- Князев, Шаульский 2007 — Князев С. В., Шаульский Е. В. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1(13). С. 210—224. [Kniazev S. V., Shaul'skii E. V. The genesis of dissimilative akanje (in connection with the problem of phonologization of phonetic phenomena). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 1(13). Pp. 210—224.]
- Крысько 1994 — Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. [Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka* [The evolution of animacy in the history of Russian]. Moscow: Lyceum, 1994.]
- Колесов 2009 — Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие. М.: Academia, 2009. [Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Uchebnoe posobie* [Historical grammar of the Russian language. A teaching guide]. Moscow: Academia, 2009.]
- Кукушкина 1993 — Кукушкина О. В. К вопросу о возникновении славянских членных форм прилагательных и перфективирующей функции глагольных приставок // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 47—65. [Kukushkina O. V. Towards the origin of long forms of adjectives and perfectivizing function of verbal prefixes. *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniiyu. Pamyati G. A. Khaburgaeva*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1993. Pp. 47—65.]
- Сабитова 2014 — Сабитова З. К. Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие. М.: Флинта, 2014. [Sabitova Z. K. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Uchebnoe posobie* [Historical grammar of the Russian language. A teaching guide]. Moscow: Flinta, 2014.]
- Трофимович 2011 — Трофимович Т. Г. Историческая грамматика русского языка. Минск: ТетраСистемс, 2011. [Trofimovich T. G. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Minsk: TetraSistems, 2011.]
- Andersen 1968 — Andersen H. IE *s after i, u, r, k in Baltic and Slavic. *Acta Linguistica Hafniensia*. 1968. Vol. 11. No. 2. Pp. 171—190.
- Bybee 2008 — Bybee J. Formal universals as emergent phenomena: The origins of structure preservation. *Language universals and language change*. Good J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 108—121.
- Bickel 2015 — Bickel B. Distributional typology: Statistical inquiries into the dynamics of linguistic diversity. *The Oxford handbook of linguistic analysis*. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. Pp. 901—923.
- Cristofaro 2010 — Cristofaro S. Semantic maps and mental representation. *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. Pp. 35—52.
- Cristofaro 2012 — Cristofaro S. Cognitive explanations, distributional evidence, and diachrony. *Studies in Language*. 2012. Vol. 36. Pp. 645—670.
- Everett 2005 — Everett D. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language. *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 4. Pp. 621—646.
- Igartua 2016 — Igartua I. [Review of:] Nessel T. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of Russian language. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015. *Journal of Historical Linguistics*. Vol. 6. No. 1. Pp. 114—124.
- Nessel 2015 — Nessel T. Old languages, new ways? *Книгамъ бо есть неущетна глубина: Essays in Honour of Irina Lysen*. Eckhoff M., Rosen T. (eds.). Uppsala: Kph Trycksaksbolaget AB, 2015. Pp. 91—101.
- Padgett 2003 — Padgett J. Contrast and post-velar fronting in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. No. 1. Pp. 39—87.
- Shevelov 1964 — Shevelov G. Y. *A prehistory of Slavic: The historical phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964
- Zec 2003 — Zec D. Prosodic weight. *The optimal syllable*. Féry C., van de Vijver R. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.

С. Танасић. Синтакса пасива у савременом српском језику. Београд: Београдска књига — Институт за српски језик САНУ, 2014. 259 с. [*S. Tanasić. Sintaksa pasiva u savremenom srpskom jeziku* [The syntax of passive in Modern Serbian]. Beograd: Beogradska knjiga — Institut za srpski jezik SANU, 2014. 259 p.]. ISBN 978-86-82873-50-1.

Галина Георгиевна Тяпко

Galina G. Tyapko

МГИМО МИД России, Москва, 119454, Российская Федерация; galina606@mail.ru

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation; galina606@mail.ru

Исследования по типологии пассива в языках мира пополнились новым источником самобытного материала, представленного в монографии «Синтаксис пассива в современном сербском языке»¹ Среты Танасича, известного сербского специалиста в области синтаксиса. Рецензируемая монография посвящена проблематике пассивной диатезы и залоговых отношений в современном сербском языке (и, шире, в сербохорватском языке последних двадцати лет прошлого века). Этой научной областью С. Танасич успешно занимается не одно десятилетие, и обсуждаемая работа суммирует наиболее значимые результаты его исследований, ранее публиковавшихся в разнообразных изданиях в разных странах, и в силу этого не всегда доступные сегодняшнему читателю. Продуманная композиция книги, хорошо разработанная и последовательно реализуемая теоретическая база, добротный материал, интерпретируемый в новых терминах, характеризуют данное научное издание не как сборник статей, а именно как цельное исследование.

Следует подчеркнуть, что статус и семантика пассива — одна из фундаментальных и наиболее сложных проблем сербохорватского синтаксиса, долгое время остававшаяся в тени исследовательского интереса. Может показаться парадоксальным, но по традиции авторы грамматик сербохорватского языка рассматривали пассив как нехарактерную для этого языка грамматическую категорию, несмотря на обилие в нем производных страдательных причастий, притом от глаголов обоих видов. Такой подход исторически обусловлен. Он объясняется особенностями ранней нормы литературного языка на народно-речевой основе, кодифицированной в результате радикальной реформы Вука Караджича (1787—1864). Реформаторская деятельность Караджича в области грамматики была направлена, как известно, на элиминацию из литературного языка книжных элементов и конструкций, не свойственных живой диалектной речи и языку народных песен, до недавнего времени считавшихся образцами нормы (отсюда такое отношение и к книжным пассивным конструкциям). Нередко пассивным конструкциям приписывались совсем другие значения, притом действительного залога. В книге немало пассажей на эту тему.

Логично предположить, что многие максимы начальной стадии формирования сербского литературного языка, задержавшиеся в грамматиках, не отражают языковой реальности сегодняшнего дня. Исследование С. Танасича, опирающееся на современную методологию и солидный корпус иллюстративного материала из репрезентативных источников,

¹ В некоторых разделах монографии речь идет скорее о «сербохорватском» языке, который автором обобщенно назван «сербским», несмотря на наличие в тексте хорватских примеров с элементами хорватского узуса (типа *ožujak* ‘март’, с. 50), которые тем не менее даны в кириллице, особенно в первой части. Это никак не затрагивает предмет рецензируемого исследования, но, чтобы снять возможные вопросы по поводу языка иллюстративного материала, мы используем в соответствующих разделах рецензии этот термин прошлого века, тем более что он представлен в названии ранних работ автора [Tanasić 1982; Танасић 1991], включенных в монографию. Термин «сербский язык» используется нами применительно к эпохе В. Караджича, а также при анализе представленных в книге более поздних статей автора, опирающихся на материал сербских источников.

свидетельствует о высокой частотности пассивных конструкций почти во всех функциональных стилях, опровергая укоренившийся стереотип о слабости этой категории. Автор неоднократно отмечает, что теоретической базой работы является испытанная временем концепция диатез и залогов Петербургской типологической школы (см. [Храковский 2000] и мн. др.), а во второй части и теория референции (см. [Ивић 1983] и мн. др.).

Монография состоит из двух частей. В первой части размещена самая ранняя работа автора, целиком посвященная одной характерной конструкции, используемой для выражения пассивного значения в сербохорватском языке [Tanasić 1982], — конструкции с копулятивным глаголом и страдательным причастием² (с. 9—98). Вторая часть исследования содержит 10 разделов (с. 101—250). Это статьи, вышедшие позднее (а также два впервые опубликованных текста), в которых продолжен анализ проблематики пассива с опорой на теорию референции.

В кратком «Вступительном слове» к монографии и во «Введении» к первой части автор характеризует категорию пассива в сербском языке как синтаксическую категорию без константных грамматических показателей, что и осложняет ее описание. В ее реализации участвует не только сказуемое, и для распознавания пассива в сербском языке необходим комплексный подход, требующий учета смыслов всего предложения, а в ряде случаев еще более широкого контекста.

В ходе исследования автор неоднократно напоминает важнейшие характеристики пассивной диатезы: 1) позицию субъекта занимает пациенс, в активной форме предложения пациенс занимает синтаксическую позицию прямого дополнения; 2) агенс не может занимать синтаксическую позицию субъекта, в пассивном предложении выражение агенса не обязательно, но он обязательно участвует в ситуации, представляемой пассивной диатезой; 3) пассивная конструкция характеризуется компонентом динамичности, т. е. совершенные действия актуально в момент, о котором сообщает пассивная конструкция (с. 12, 178).

Первая часть книги посвящена анализу конструкции, состоящей из копулятивного (вспомогательного) глагола *бити* 'быть' и страдательного причастия. Выбор этой конструкции не случаен, поскольку она действительно является важнейшим средством выражения пассивной диатезы в сербохорватском. Проблема, однако, состоит в том, что эта конструкция омонимична и определить характер глагольной диатезы (актив или пассив) в ней не так просто, что зачастую и приводило к разнобою в ее трактовке в грамматиках и учебной литературе. Грамматисты фокусировали внимание исключительно на глагольной форме этой конструкции, рассматривали ее изолированно от контекста всего предложения, т. е. без учета всех участников ситуации. Досконально обследовав солидный корпус публицистических текстов ежедневных и периодических изданий, выходящих в Сербии (3 газеты), Хорватии (8 газет и 1 журнал), Боснии и Герцеговине (2 газеты) и Черногории (1 газета)³, автор выявил три разновидности КОП-конструкций. Они могут выражать пассивную диатезу (КОП/Б), активную диатезу (КОП/А) или оба компонента значения сразу (КОП/АБ).

- (1) КОП/Б-конструкции сообщают **о действиях**, которые произошли или происходили в прошлом. Для них обязательно наличие динамического компонента.
- (2) КОП/А-конструкции сообщают **об особенностях субъекта**, образовавшихся в результате глагольного действия над субъектом, или о ситуации, связанной с субъектом. Эти

² Отсюда и обозначение этой конструкции по копулятивному (вспомогательному) глаголу — КОП.

³ Список источников дан в конце первой части книги; все примеры, независимо от источника, транслитерированы автором в сербской кириллице. В этой ранней статье автора, включенной в монографию, не обошлось без курьезных опечаток при передаче из хорватской прессы иностранных имен собственных: «Петар Финцх» (с. 54) вместо *Петер Финч*, хорв. Peter Finch; «Тхенг Хисао Пинг» (с. 82) вместо *Денг Сжаопинг*, хорв. Deng Xiaoping. Хорватские журналисты, переводя английские статьи, сохраняют английское написание английских имен собственных, китайские имена они также транслитерируют по-английски.

глагольно-именные конструкции, в которых страдательное причастие имеет адъективную семантику, лишены динамического компонента.

- (3) КОП/АБ-конструкции характеризует наличие обоих компонентов в семантике страдательного причастия — адъективного и глагольного, представленных в равной степени.

Исключив из рассмотрения КОП-конструкции, не относящиеся к пассиву, автор получил «в сухом остатке» полную картину употребления пассивной диатезы в сербохорватском языке. К решению этой задачи автор идет постепенно, скрупулезно рассматривая семантику этих конструкций с учетом видовой специфики: КОП-конструкции перфективных глаголов (с. 20—66), имперфективных глаголов (с. 67—81), двувидовых глаголов (с. 81—86). Отдельная глава посвящена особенностям агенса в пассивной диатезе (с. 87—91).

Большую часть примеров составили КОП-конструкции перфективных глаголов: около 700 случаев из 900. Автор предпринял попытку установить влияние семантики производящих глаголов, формирующих страдательные причастия этой группы, на качество их диатезы. С этой целью были проанализированы КОП-конструкции, содержащие разные лексико-семантические классы глаголов: событийные, креативные, деструктивные, глаголы движения, речемыслительные, эмоциональные глаголы, глаголы с декомпонованным (глагольно-именным) предикатом, — а также конструкции без вспомогательного глагола. В определении типа диатезы учитывались и лексико-грамматические особенности синтаксического субъекта, выраженного существительным (одуш./неодуш., мн./ед. ч.).

В результате анализа было выявлено, что в предложении с пассивной диатезой всегда прямо или косвенно присутствует обстоятельство указатель времени, придающий динамику высказыванию. Он указывает на опережение времени действия предиката относительно времени всего высказывания в целом, например: *Први покушај учињен је неколико дана пре примопредаје председничке дужности* ‘Первая попытка была сделана за несколько дней до передачи президентских полномочий’ (с. 54); *Послије једанаест година — колико је била на челу владе Индије — Индира Ганди је поражена на изборима одржаним у ожуку* ‘После одиннадцати лет — пребывания на посту главы правительства Индии — Индира Ганди потерпела поражение (букв. была поражена) на выборах, состоявшихся в марте’ (с. 50). Фокус опережения может быть направлен на действие в настоящем времени и в прошлом, выраженном глаголами обоих видов.

Отсутствие обстоятельного указателя времени сигнализирует об активном характере глагольной диатезы. Ср. копулятивно-адъективную семантику КОП/А-конструкции, в которой отсутствует динамический компонент: *Стегнут је загрљајем леда који рјетко попушта* ‘Сжатый объятием льда, которое редко ослабевает’ (с. 27). Действие перфективного глагола (*стегнути* ‘сжать’) здесь параллельно действию имперфективного глагола (*попуштати* ‘ослабевать’).

В корпусе обследованных текстов КОП-конструкции имперфективных глаголов встречаются гораздо реже. Автором отмечено только 65 примеров. Большая часть из них также относится к пассиву (КОП/Б), ср.: *Канал је грађен пуних двадесет година* ‘Канал строился целых двадцать лет’ (с. 67). Как и в предыдущем случае, фокус опережения может быть направлен на настоящее или прошедшее время, но уже имперфективного (!) глагольного действия. Динамический компонент также будет указывать на длительность его протекания во времени.

Показательно, что в корпусе примеров КОП-конструкций с имперфективными глаголами автор обнаружил только один пример активной диатезы с адъективно-копулятивной семантикой без динамического компонента. Однако этот единственный пример не вполне ясен без контекста: *Нисмо толико учени, на ћемо сами* ‘Нас не так много учили, так что будем [учиться?] сами’ (с. 69). Тем не менее автор допускает, что в разговорном языке подобные конструкции вполне возможны.

Танасич установил, что логику выявления семантики активной диатезы КОП-конструкций от имперфективных глаголов нарушают только так называемые алимитативные глаголы (типа *хвалити* ‘хвалить’, *вољети* ‘любить’, *поштовати* ‘уважать’, *цијенити* ‘ценить’,

тражити ‘требовать’), мотивирующие страдательное причастие. Именно они нередко вызвали разночтения в трактовке семантики КОП-конструкций данного типа в грамматиках и учебной литературе, поскольку в семантике этих глаголов сема динамичности косвенно присутствует: *неко “je volen” dok ga vole* ‘некто любим, пока его любят’. Это допускает их двоякую трактовку — с А и Б значением. Автор предлагает различать их семантику с помощью другой пассивной конструкции, содержащей рефлексивную частицу *se* (способ, предложенный в свое время К. Милошевич [Милошевић 1974], инициировавшей в 1980-е гг. семантико-синтаксический подход при анализе залоговых отношений).

В третьем разделе первой части Танасич рассматривает КОП-конструкции двувидовых глаголов. Как и следовало ожидать, в этой группе особенно много интернациональной лексики (типа *формиран*, *актуелизован*, *промовиран*, *интерниран*, *идентификован* и т. д.). В КОП-конструкциях они ведут себя так же, как и одновидовые глаголы, т. е. могут быть либо совершенного вида, либо несовершенного. Большинство из них употребляются в КОП-конструкциях как перфективные глаголы, выражающие пассивную диатезу. Их видовую принадлежность автор определяет разными способами. Примечательно, однако, что наличие динамического компонента в этой подгруппе глаголов автор не обнаружил. Он опирается на другие критерии, выявляющие их принадлежность к совершенному виду.

Исследование особенностей КОП-конструкций завершается рассмотрением вопроса о статусе агенса в пассиве и характере его актуализации в сербохорватском предложении. Автор констатирует фактически нулевую валентность агенса в пассиве. В тех редких случаях, где он все же употребляется (в материале они составили примерно 1%), для его введения используется сочетание с предлогом *od* + родительный падеж, реже — вставка с расширением *od стране* + родительный падеж. Использование расширенного варианта автор объясняет стремлением избежать возможной омонимии многозначной конструкции *od* + родительный падеж. В то же время он отмечает участвовавшее в современном языке употребление расширенной конструкции, с его точки зрения, «без надобности», т. е. в тех случаях, когда смысловая омонимия исключена. Эта форма включения агенса по частоте употребления приближается к способу первого типа — без расширения.

Танасич подчеркивает, что независимо от того, выражен агенс лексически или нет, он присутствует в более широком контексте. Другое дело, что наличие лексически выраженного агенса облегчает идентификацию залога данной конструкции, сразу указывая на пассив. Но поскольку агенс лексически выражается в исследуемых конструкциях довольно редко, возникают сложности при определении их значения в массе других примеров. Автор указывает, что на этот признак и не следует полагаться при определении семантики КОП-конструкций ввиду его ограниченной применимости.

Редкая выраженность агенса, возможно, способствовала тому, что он перестал восприниматься как показатель пассивного значения и стал использоваться в тех КОП-конструкциях, где страдательное причастие используется в атрибутивной функции: *Он је био родољуб и радо виђен од свих* ‘Он был патриотом и все тянулись к нему’ (букв. был охотно виден всеми)’ (с. 88).

Перейдем теперь ко второй части монографии. В первых четырех разделах способы выражения пассивной диатезы в трех временных планах рассматриваются с опорой на теорию референции.

Введение оппозиции референциальность/нереференциальность в методологию исследования глагольной диатезы позволили автору сделать ряд важных обобщений. Анализ материала показал влияние данной оппозиции на выбор определенного типа пассивной конструкции и ее видо-временную специфику.

Так, для выражения **референциальных** действий глагола в настоящем времени используется только одна пассивная конструкция — с частицей *se*. Глагольное действие при этом выражено несовершенным видом: *Најме, у Београду се одржавају два конгреса* ‘Так, в Белграде проходят два съезда’ (с. 102). **Нереференциальные** действия в настоящем времени выражают три конструкции: а) с частицей *se*, б) со страдательным причастием

и копулятивным глаголом *бивати*, в) со страдательным причастием и копулятивным глаголом *бити*, *будем*. Различия в употреблении *се*-конструкции, выражающей референциальные и неререференциальные действия, касаются только глагольного вида. В последнем случае допускается возможность употребления и перфективных глаголов.

Пассивная конструкция с копулятивным глаголом *бивати*, характерная, как пишет Танасич, для научного стиля речи, употребляется преимущественно с глаголами совершенного вида: *Обе хемисфере у својим функцијама, разуме се, координирају, а у случајевима када једна бива одстрањена друга делимично преузима функцију прве* 'Оба полушария в своих функциях, разумеется, координируются, а в случаях, когда одно из них удаляют (букв. сов. *бивает удалено*), другое частично берет на себя функцию первого' (с. 105). Глаголы несовершенного вида в КОП-конструкциях с *бивати* встречаются, но редко. По всей вероятности, однозначность КОП-конструкций с *бивати* дает им преимущество (в сравнении с многозначными *се*-конструкциями) в научном стиле. Грамматики старшего поколения, опиравшиеся в основном на художественную литературу и произведения устного народного творчества, писали об этой конструкции весьма скупно, поскольку там эта конструкция встречается действительно крайне редко. Учитывая ее активность в научном и публицистическом стилях, нормативный статус КОП-конструкций с глаголом *бивати* в современном языке, по мнению автора, должен быть, безусловно, поднят.

Третья КОП-конструкция с глаголом *бити*, *будем* и страдательным причастием совершенного вида также предназначена для выражения неререференциальных, повторяющихся глагольных действий в настоящем времени: *Због недостатка кревета годишње 50-60 молби буде одбијено* 'Из-за недостатка коек 50-60 заявлений в год отклоняется' (с. 108). В сравнении с другими актуализаторами эта КОП-конструкция встречается редко, хотя и отмечается в разных функциональных стилях.

Далее Танасич переходит к анализу и дифференциации форм пассива, используемых для выражения референциальных и неререференциальных глагольных действий в прошедшем времени. Инвентарь используемых при этом средств частично совпадает. Референциальные действия в прошедшем времени могут быть выражены в сербохорватском языке КОП-конструкциями и реже *се*-конструкциями. При этом предикат КОП-конструкций может быть выражен презенсом или перфектом, ср.: [презенс] *Канал је грађен пуних двадесет година* 'Канал строился целых 20 лет' (с. 112)/[перфект] *Но тиме све муке нису биле отклоњене* 'Но на это мучения не закончились (букв. не были устранены)' (с. 112). Неререференциальные действия в прошедшем времени выражаются в языке также КОП-конструкциями и реже *се*-конструкциями. При этом предикат КОП-конструкций также может быть выражен презенсом или перфектом, ср.: [презенс] *Давано им је земљиште и куће у закуп* 'Земля и дома им давались в аренду' (с. 113)/[перфект] *Повеље српских владара биле су често издаване у више примјерака* 'Грамоты сербских правителей часто выходили в нескольких экземплярах' (с. 114). При выражении неререференциального прошедшего времени во всех трех конструкциях исключены глаголы совершенного вида.

Кроме того, для выражения неререференциальных глагольных действий в прошедшем времени в сербохорватском языке могут быть использованы еще три разновидности пассивных конструкций, притом без видовых ограничений — пассивная форма сослагательного наклонения: *Раније би био позиван на такве састанке* 'Раньше его приглашали на такие собрания' (с. 116); потенциальная конструкция с *се*: *На средњи се истицао један гвоздени држач у који би се о празницима уденуо барјак* 'В центре выделялся флагшток, в который на праздники вставляли флаг' (с. 116); КОП-конструкция, состоящая из перфекта вспомогательного глагола *бивати* и страдательного причастия: *Често је бивао затечен у таквом стању* 'Его часто заставляли в таком положении' (с. 115).

Для выражения пассивной диатезы в будущем времени в сербском языке служат два типа конструкций: КОП-конструкции со страдательным причастием и *се*-конструкции. Необходимо дифференцировать особенности их употребления при выражении ими референциальных и неререференциальных глагольных действий. В сербском языке есть две формы

для выражения глагольного действия в будущем времени — простое будущее время и будущее второе. Оба времени могут использоваться в пассивной диатезе со страдательным причастием. КОП-конструкции, состоящие из формы будущего времени копулятивного глагола *бити* (*ћу бити/бићу*) и страдательного причастия могут выражать как референциальные, так и неререференциальные действия. Разница состоит только в том, что референциальные действия не имеют видовых ограничений, в то время как неререференциальные действия могут быть выражены только глаголами несовершенного вида. Омонимичность КОП-конструкций из-за двойственности семантики страдательного причастия (глагол/прилагательное) нередко осложняет определение залога, выражаемой ими глагольной диатезы. Глагольная семантика, присущая глагольной диатезе, не может быть выявлена с помощью агенса, который в сербском пассивном предложении употребляется редко. Указателем глагольного характера диатезы и, следовательно, пассива может быть только более широкий контекст либо обстоятельство времени, например: *...у ове две општине 30. маја биће одржани поновљени избори за органе власти* 'В этих двух муниципальных образованиях 30 мая состоятся повторные выборы в органы власти' (с. 120).

Се-конструкция также используется для выражения референциальных и неререференциальных действий в будущем времени и с тем же ограничением: при выражении неререференциальных действий употребляются только страдательные причастия несовершенного вида. Речь, разумеется, идет о переходных глаголах (не возвратных).

Танасич указывает, что употребление *се*-конструкций с будущим вторым в пассивной диатезе не отличается от их использования с простым будущим временем, ср.: *План који буде био направљен.../План који ће бити направљен...* 'План, который будет подготовлен' (с. 127). При этом референциальные действия с участием *се*-конструкций могут быть выражены страдательными причастиями разных видов, а неререференциальные глагольные действия, как правило, — страдательными причастиями несовершенного вида.

Пolemическим разделом этой части исследования является анализ ошибок в грамматиках прошлого, в том числе и весьма авторитетных, неправоммерно трактовавших конструкции пассивного презенса с копулятивным глаголом *бити*, *будем*, использующиеся для выражения неререференциальных глагольных действий, как случаи употребления «предбудущего времени».

Во всех разделах обсуждаемой работы автор обращает внимание на омонимичность средств, используемых в сербском языке для выражения пассивной диатезы. В статье «Глаголы между предложением и словарем» затрагиваются актуальные проблемы лексикографического описания глаголов, страдательных причастий и отглагольных прилагательных, участвующих в формировании КОП-конструкций и *се*-конструкций, каждая из которых может выражать оба залога — в зависимости от контекста. Омонимичность активной и пассивной диатезы провоцирует ошибки при обработке глаголов и их производных в словарных статьях, в подборе иллюстративного материала. Автор последовательно, шаг за шагом показывает методику дифференциации семантики внутри каждого типа и сложности, возникающие при этом. Свои доводы Танасич подкрепляет убедительными примерами из словарной практики и полезными рекомендациями для лексикографов.

Тема омонимии глагольной диатезы продолжена в статье «Об одном случае связи между значением глагольной лексемы и типом предложения», в которой рассматривается довольно многочисленная группа переходных глаголов, имеющих аналог с частицей *се*, показателем специфического типа рефлексивной семантики. Так, предложение *Дјеца се држе за руке* может быть переведено двояко: 'Дети держатся за руки' и 'Детей держат за руки'. Без контекста определить характер глагольной диатезы (актив/пассив) в подобных случаях очень трудно. Еще сложнее определить характер диатезы с инкорпорированным агенсом. Это касается глаголов, связанных с чувственным восприятием (типа *видјети/видјети се, назирати/назирати се, чути/чути се*): «Чтобы установить о каком глаголе из пары идет речь, необходимо проникнуть в его значение» (с. 175; перевод наш. — Г. Т.). Характер диатезы может быть установлен с помощью второстепенных, вспомогательных актантов. Например,

в предложении *Kroz prozor вагона назигу се поља покривена снијегом* 'Из окна вагона виднеются поля, покрытые снегом' (с. 173) таким средством является вспомогательный актанта места 'из окна вагона'. С его помощью выявляется агенс, «наблюдающий» за пейзажем из окна вагона, возможно, в сумерки, при плохом освещении, на что указывает глагол *назирати се* 'быть плохо видимым, слабо различимым'.

В статье «Творительный падеж для одушевленных существительных в пассивных конструкциях» автор критически рассматривает интерпретацию форм творительного падежа в сербохорватской пассивной диатезе в качестве агенса (по аналогии с русским языком). Такие формы встречаются в сербохорватском языке в причастных оборотах и придаточных предложениях в КОП-конструкциях, но в этой функции давно не употребляются (что также связано с реформой В. Караджича) и не могут быть аналогом существительных в родительном падеже с предлогом *од*, выражающих агенс (одушевленных существительных) в сербохорватском пассиве.

В статье «Агенс в пассивных предложениях в современном сербском языке» анализируются средства и способы выражения агенса, в том числе «нулевого». Для эксплицитного выражения агенса в тех редких случаях, когда он употребляется в КОП-конструкциях со страдательным причастием, в сербском языке есть упомянутая выше конструкция из существительного (местоимения) в родительном падеже с предлогом *од*. Как известно, грамматики прошлого «безагенсный» пассив считали спецификой сербского языка. Вместе с тем само определение пассивной диатезы предполагает обязательное наличие агенса, даже несмотря на его «нулеву» валентность в сербском языке. Автор разворачивает репрезентативный корпус примеров из разных функциональных стилей, показывая пути идентификации имплицитно выраженного агенса в более широком контексте, вскрывая мотивы его анонимизации.

В статье «Взаимоотношения пассивной *се*-конструкции и обезличенного предложения» Танасич рассматривает сходства, различия и точки пересечения двух типов предложений — пассивного, двусоставного, имеющего синтаксический субъект, с одной стороны, и односоставного, бессубъектного, с другой стороны. Термин «обезличенное» предложение (серб. *обезличена реченица*) употребляется в сербской грамматической традиции применительно к частотной разновидности безличных предложений, предикат которых выражен формой 3 л. ед. ч., с возвратной частицей *се*: *Путује се без обзира на ризик и стање културе* 'Путешествуют невзирая на риск и состояние культуры' (с. 211). К общим характеристикам этих двух типов предложений относится удаление агенса и возможность беспрепятственной рефлексивизации всех невозвратных глаголов. В то же время пассивные *се*-конструкции возможны только от переходных глаголов, а безличные — от непереходных. Первые относятся к категории глагольной диатезы, вторые — к категории персональности. Тем не менее, исходя из материала, автор выявляет сходство у этих предложений в имплицитном наличии агенса, обнаруживаемого в более широком контексте. Несмотря на принадлежность к разным видам простого предложения, пассивные *се*-конструкции и безличные предложения данного типа совместно участвуют в формировании событийно-ситуативных текстов, употребляются «в связке» или чередуясь друг с другом.

Своеобразным итогом монографии является заключительная статья «Взаимоотношения рефлексивного и партиципного пассива», посвященная сравнению диапазона употребления двух актуализаторов пассивной диатезы в современном сербском языке, их сходству и различиям. Здесь суммирована вся информация о пассивных КОП-конструкциях и *се*-конструкциях, рассредоточенная в разных разделах монографии. Будучи синонимичными, они употребляются в текстах разных функциональных стилей (публицистическом, научном, художественном, административном), подтверждая прочные позиции пассива в современном сербском языке.

Исследование С. Танасича дополняет актуальная библиография по проблематике пассива и глагольного функционирования, в которой учтены и редкие издания начала XX в., и труды современных исследователей. Несомненным достоинством монографии является эксплицитное изложение теоретических основ каждого из разделов и последовательная реализация

выбранной методологии, что укрепляет аргументацию автора при обсуждении спорных вопросов сербской глагольной диатезы. Именно это и создает цельность обсуждаемого труда. Автору удалось показать специфику сербского и, шире, сербохорватского пассива во всей полноте: во взаимодействии с грамматическими категориями вида, времени, а в ряде случаев и наклонения; в специфике пассивной диатезы для выражения референциальных и нереференциальных глагольных действий; в способах идентификации «нулевого» агенса. Это хорошая основа для компаративных исследований. Несмотря на сложность проблематики, книга читается легко и с интересом. Читатель найдет здесь много свежих идей, яркий, досконально проанализированный фактический материал, важные обобщения и ценные нормативные рекомендации. Монография С. Танасича безусловно заслуживает пристального внимания специалистов и языковедов широкого профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ивић 1983 — Ивић М. Начини на које словенски глагол овремењује понављању радњу // Ивић М. Лингвистички огледи. Београд: Просвета. С. 37—55. [Ivić M. The means by which the Slavic verb designates tense of repeated actions. Ivić M. *Lingvistički ogledi*. Belgrade: Prosveta. Pp. 37—55.]
- Милошевић 1974 — Милошевић К. Улога имперфективног вида и неких других елемената глаголског значења у семантичком конституисању и интерпретацији једног типа предиката // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 1974. Књ. XVII. № 1. С. 139—171. [Milošević K. The role of the imperfective aspect and some other elements of verbal meaning in the semantic structure and interpretation of one type of predicates. *Zbornik Matice Srpske za Filologiju i Lingvistiku*. 1974. Vol. XVII. No. 1. Pp. 139—171.]
- Танасић 1991 — Танасић С. Пасивне конструкције за исказивање референцијалних и нереференцијалних садашњих радњи у савременом српскохрватском језику // Књижевни језик. Књ. 20. № 1. С. 99—106. [Tanasić S. Passive constructions for expression of referential and non-referential current actions in Modern Serbo-Croatian. *Književni Jezik*. Vol. 20. No. 1. Pp. 99—106.]
- Храковский 2000 — Храковский В. С. Диатезы и залогии (тридцать лет спустя) // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (отв. ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 466—476. [Xrakovskij V. S. Diatheses and voices (thirty years later). *Slovo v tekste i v slovaru: Sbornik statei k semidesyatiletiju akademika Ju. D. Apresjana*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Танасић 1982 — Tanasić S. Pasivne konstrukcije sa trpnim pridjevom u srpskohrvatskom jeziku (sintaksičko-semantička analiza). *Radovi*. 1982. Knj. IX. S. 65—125.

E. Tribushinina, M. D. Voeikova, S. Nocetti (eds.). Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. 478 p. ISBN 978-1-4438-7730-5*.

Галина Радмировна Доброва

Galina R. Dobrova

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; galdobr@peterlink.ru

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; galdobr@peterlink.ru

В 2015 г. в Великобритании вышла в свет коллективная монография под редакцией Е. Трибушининой, М. Д. Воейковой и С. Ночетти, посвященная проблеме освоения лексической семантики и морфологии прилагательного на ранних стадиях речевого развития детей, говорящих на разных языках. Данная книга представляется весьма полезной для всех тех, кто занимается изучением детской речи в разных странах мира, и тем более она интересна для российского читателя, поскольку значительное место в ней уделено освоению детьми именно русского языка.

До сих пор исследованию того, как осваиваются детьми прилагательные, в онтолингвистике¹ уделялось относительно немного внимания — возможно, потому, что прилагательные осваиваются детьми позднее, чем другие части речи (существительные и глаголы), кроме того, прилагательные на ранних стадиях речевого онтогенеза менее частотны. Причиной этого является концептуальная сложность прилагательных и, как отмечают авторы книги, относительная редкость их использования в речи общающихся с детьми взрослых. Второе, впрочем, сложно считать отдельной, самостоятельной причиной, поскольку, как представляется, взрослые потому и используют в общении с детьми прилагательные нечасто, что интуитивно ощущают их когнитивную недоступность для детей, находящихся на самых ранних этапах речевого и вообще когнитивного развития.

Книга представляет собой сравнительное исследование, касающееся освоения языков самых различных типов — от русского до финского, от греческого до языка юкатекских майя и т. д. Таким образом, монография — это результат обширного, систематического и комплексного научного исследования. Комплексность данного труда заключается не только и не столько в его межязыковом статусе, сколько в том, что в нем семантический и морфологический аспекты рассматриваются в неразрывном единстве. До сих пор в серьезных сравнительных исследованиях детской речи эти аспекты обычно (достаточно искусственно) отрывались один от другого, из-за чего возникало ощущение неполноты и даже некоторой неполноценности подобных исследований.

Между тем — и это прекрасно осознают и сами авторы книги — некоторая неполнота материала исследований в ней все же имеет место. И дело даже не в том, что целые группы языков не были охвачены обследованием (охватить все практически нереально), а в том, что количество обследуемых детей, осваивающих каждый из языков, весьма невелико — от одного до четырех. Это связано с извечной проблемой, стоящей перед онтолингвистами: либо опираться на большое количество детей, проводя эксперименты, и получать статистически более значимые результаты (но результаты, ограниченные только заданиями эксперимента и отражающие уровень развития ребенка только на момент эксперимента), либо исследовать

* Рецензия написана в рамках работы по гранту РФФИ — проект №14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

¹ В последние годы в России науку, изучающую речь детей, стало принято называть онтолингвистикой — вслед за С. Н. Цейтлин, предложившей и использующей этот термин [Цейтлин 2008].

небольшое количество детей, но тщательно, подробно и — главное — с учетом динамики речевого развития каждого ребенка. Для целей каждого конкретного исследования адекватен тот или иной путь (или их сочетание), но достаточно очевидной представляется невозможность тщательного исследования большого количества информантов. Поэтому трудно критиковать авторов книги за недостаточное количество информантов по каждому из языков — напротив, удивляет то, как много в целом детей было обследовано.

В книге описано освоение прилагательных детьми, усваивающими в качестве родных языки различных семей и групп: австрийский вариант немецкого, английский, итальянский, французский, хорватский, словенский, литовский, греческий, финский, юкатекский; особое внимание уделяется русскому языку, освоению которого посвящены сразу три раздела: М. Д. Воейкова исследует освоение детьми системы русского согласования прилагательных с существительными в аспекте выявления соотношений между генеральными стратегиями и индивидуальными различиями, Е. Трибушинина рассматривает роль парадигматических семантических отношений в освоении прилагательных, В. В. Казаковская и И. Балчунене, сравнивая русский и литовский материал, выявляют роль взрослых на раннем этапе освоения детьми прилагательных.

Каждый из разделов книги, безусловно, значим и сам по себе, но наибольший интерес вызывает та постановка вопроса, которая отражена в написанном соредакторами (Е. Трибушиной, М. Д. Воейковой и С. Ночетти) вступлении и подразумевает рассмотрение всего материала под углом зрения двух (не взаимоисключающих) гипотез — семантической и морфологической.

Поскольку проанализировать подробно все разделы книги невозможно, имеет смысл, вслед за редакторами книги, взглянуть на материал с точки зрения этих двух гипотез, останавливаясь при этом лишь на наиболее значимых моментах.

Семантическая гипотеза авторов заключается в том, что, вне зависимости от языка, освоение детьми прилагательных определяется универсальными концептуальными механизмами — сравнением (сопоставлением) и контрастом. Ребенок изначально, естественно, не знает, какое из свойств предмета обозначает прилагательное (вкус? цвет? какое-то иное свойство?). В соответствии с представлениями авторов, он может понять, какой именно из признаков предмета взрослые обозначают в комплексе «прилагательное + существительное», только сопоставляя сочетания одного и того же существительного с разными прилагательными — «прозрачная тарелка» / «непрозрачная тарелка»². В основе таких оппозиций лежит перцептивный контраст, но и языковые оппозиции в речи взрослых также играют существенную роль в процессе осознания детьми семантики прилагательных. В научной литературе и раньше отмечалась важность подобных оппозиций в речевом инпуте ребенка, особенно если они имеют место в пределах одного предложения («этот предмет такой-то, а этот — такой-то»). Известно, что если взрослые часто используют подобные конструкции в своей речи, то дети не только часто их перенимают, но и вообще чаще употребляют прилагательные в своей речи. В главе, автором которой является Е. С. Трибушинина, проверяется гипотеза, действительно ли одновременное использование взрослыми антонимических прилагательных (типа «хороший» / «плохой») и, как именуют их авторы, «членов контрастных групп» («красный» — «зеленый» — «синий») в пределах одного предложения или в пределах не более пяти соседствующих высказываний ускоряет освоение прилагательных детьми. В качестве дополнения к данной гипотезе высказывается предположение, что семантический контраст более информативен для осваивающего язык, чем семантическая близость (под последней понимается синонимия), так как дети уже на ранних стадиях предполагают, что две разные формы должны быть семантически различны [Clark 1987]. Результаты, полученные Е. Трибушиной, подтверждают, по ее мнению, это дополнение к семантической теории, хотя у одного из обследованных ею детей действительно

² В английском языке оппозиция «прозрачный» / «непрозрачный» супплетивная, так что в данном случае нет так нелюбимой психологами антонимии с приставкой «не».

было много контрастных прилагательных и в инпуте, и в собственной речевой продукции, а у другого ребенка (девочки) инпут был более разнообразен и контрастных прилагательных в речи оказалось значительно меньше.

Подтверждением предположения о том, что семантический контраст более значим для детей, чем семантическая близость, авторы считают хорватский материал (М. Пальмович, Г. Хржица и М. Ковачевич), в котором наблюдается полное отсутствие синонимов у всех трех обследованных детей. Все они в начале своей речевой продукции использовали прилагательные без осознания их семантики (например, один из детей использовал три разных цветовых прилагательных по отношению к одному и тому же предмету). Затем появляются оппозиции (типа «большой» / «маленький»), и семантика прилагательных начинает постепенно осознаваться. Словенский материал (Т. Петрич, М. Любич, В. Облак, К. Корецки-Крёлль и В. У. Дресслер) также, по мнению авторов, подтверждает семантическую теорию, поскольку доказывает, что контраст более значим, чем сходство: вслед за взрослыми, склонными к использованию контрастных прилагательных, их активно использует и ребенок — сначала появляется параметрическая пара «большой» / «маленький», затем весьма частотными становятся контрастные цветовые прилагательные, а также антонимически противопоставленные; синонимы используются редко. Похожим оказался и литовский материал (Л. Командулите-Мерфельдиене): все четыре ребенка начинали использовать прилагательные, не совсем понимая их семантику, а полностью ее осознавать начинали тогда, когда взрослые в своей речи представляли детям контрастные пары. В пользу семантической гипотезы свидетельствует и то, что использование контрастных прилагательных началось раньше, чем других прилагательных, и контрастные прилагательные — размерные и цветовые — употреблялись детьми чаще других. То же обнаружилось и у финских детей (К. Лаало). Прилагательные, в том числе принадлежащие к контрастным группам (цветовые), вначале появляются в виде повторов произнесенных взрослыми слов и являются семантически неполноценными: например, прилагательное со значением 'красный', появившись, подвергается лексико-семантической сверхгенерализации и берет на себя функцию, если можно так сказать, окказионального гиперонима, обозначая любой цвет — 'цвет вообще'. Затем появляются антонимические пары со значением 'большой' / 'маленький'. Адекватное понимание семантики прилагательных начинается с контрастных пар. В основном подтверждает семантическую гипотезу и французский материал (М. Килани-Шох): первые прилагательные принадлежат к семантическим типам (типы — по [Dixon 2004]) размерности, физических свойств, цвета и оценки — семантическим группам, которые в принципе, как представляется, основаны на контрасте. Наиболее частотным было прилагательное *petit* 'маленький'. Связь детской речевой продукции с инпутом оказалась не прямой, однако в тех случаях, когда она соответствовала инпуту, прилагательные появлялись как контрастные — антонимически противопоставленные либо обозначающие контрастные цвета. Синоним зафиксирован в речи только одного ребенка и только один раз.

Вместе с тем, не во всех языках материал свидетельствует в пользу семантической гипотезы. Так, с точки зрения соредкторов книги, материал австрийского варианта немецкого языка (К. Корецки-Крёлль и В. У. Дресслер) как подтверждает эту гипотезу, так и опровергает ее. С одной стороны, обследованный мальчик, как и его родители, предпочитал контрасты; с другой стороны, наблюдавшаяся девочка в равной степени использовала антонимы и синонимы, но предпочитала синонимические отношения. Из этого авторы раздела (как представляется, совершенно справедливо) делают вывод, что не только антонимические, но и синонимические отношения могут способствовать освоению детьми прилагательных и что, вероятно, эти два ребенка демонстрируют разные стили овладения языком.

Аналогичным образом материал раздела, написанного С. Ночетти, в котором сравнивается освоение прилагательных английскими и итальянскими детьми, демонстрирует подобную «разнонаправленность»: с одной стороны, освоению прилагательных обоими итальянскими детьми и английским мальчиком способствовали контрастные прилагательные, в отличие от освоения прилагательных английской девочкой, причем это различие в раннем

использовании прилагательных детьми не было связано с частотностью контрастных прилагательных в инпуте. Обнаружилось также, что кроме контрастных прилагательных диминутивы и аугментативы помогали итальянским детям в освоении размерных прилагательных.

В наибольшей степени, с точки зрения автора соответствующего раздела, опровергает семантическую гипотезу греческий материал (У. Штефани). Появление в детской речи на ее самых ранних стадиях таких групп прилагательных, как размерные и — несколько позднее — цветные, а также некоторые другие, автор объясняет не столько способностью этих прилагательных выступать в качестве контрастных, сколько их принадлежностью к основным, центральным (по [Dixon 2004]) типам, поскольку эти прилагательные отражают основные (а не более специальные) значения, которые, естественно, и должны осваиваться детьми раньше. Антонимическими парами и в речи общающихся с детьми взрослых, и в речи греческих детей появляются размерные прилагательные («большой» / «маленький»), которые, кстати, обозначают для греческих детей не только размер, но и возраст (для русских — то же самое); оценочные («хороший» / «плохой»), а также прилагательные, обозначающие физическое состояние («чистый» / «грязный»). Поскольку подобных пар в греческом языке немного, автор раздела делает вывод, что греческий материал не подтверждает семантическую гипотезу о том, что такие контрастные пары способствуют освоению детьми прилагательных. Вместе с тем приведенный автором материал можно трактовать и как поддерживающий эту гипотезу (такие примеры контрастных пар и в инпуте, и в речи детей все же имеют место).

Едиственный материал, который объективно не может свидетельствовать ни в пользу семантической гипотезы, ни против нее, — это материал освоения языка юкатекских майя (Б. Пфайлер). Это связано с тем, что юкатекские родители — единственные, кто не опирается в собственной речи, обращенной к детям, на контраст. Соответственно, невозможно судить, способствует ли языковой контраст усвоению языка этими детьми. Вместе с тем эти данные (так же, как, возможно, и данные греческого языка) должны, как представляется, внести некоторую корректировку в формулирование семантической гипотезы: не отрицая роли контраста в освоении языка детьми, следует признать, что в принципе контраст не может быть отнесен к обязательным механизмам освоения языка, что вовсе не отрицает его значимости в качестве ведущего механизма речевого онтогенеза.

Таким образом, с точки зрения авторов книги, материал исследований лишь отчасти подтвердил семантическую гипотезу. Между тем представляется, что ни одно из опровержений не окажется безусловным, если несколько уточнить эту гипотезу и посмотреть на нее под иным углом зрения. Итак, авторы выдвинули гипотезу, что освоение детьми прилагательных определяется универсальными концептуальными механизмами — сопоставлением и контрастом. Однако по мере изложения материала эта гипотеза подменяется другой — что семантический контраст более информативен для осваивающего язык, чем семантическая близость, под которой понимается синонимия. В чем принципиальное различие между этими двумя гипотезами? Как представляется, в том, что вторая предполагает в качестве аксиомы отсутствие семантического контраста при синонимии. Разумеется, в соответствии со «школьными» представлениями, синонимы — это семантически близкие слова. Вместе с тем разве синонимия не основана на контрасте? Представляется, что наличие в языке так называемых абсолютных синонимов скорее языковой сбой, чем норма. Почти все приводимые в различных источниках примеры абсолютных синонимов (ср. *бросать* — *кидать*, *хотеть* — *желать* и др.) не выдерживают критики. Поэтому абсолютные синонимы, если и возникают в языке, существуют в нем недолго — либо одно из слов устаревает, либо они «расходятся» в значениях. Остальные же синонимы всегда, как представляется, основаны на контрасте — семантическом (семантические, идеографические синонимы) или стилистическом (стилистические синонимы), либо одновременно на контрасте обоих типов (семантико-стилистические синонимы). Аналогичным образом, кстати, и антонимы — плод не одного лишь контраста: единство ядра их значения («большой» / «маленький»: ядро значения — ‘размер’, «хороший» / «плохой»: ядро значения — ‘оценка’ и т. п.) не вызывает

сомнений. Иными словами, и при антонимии, и при синонимии есть и единство ядра значения, и контраст; вопрос только в том, что в каком случае является центральным. Поэтому если антонимы, употребляемые в рамках одного высказывания или нескольких соседних высказываний, всегда используются для актуализации контраста, то синонимы могут использоваться в двух функциях — и для обозначения контраста (например, «не просто хороший, а прекрасный»), и для обозначения сходства, базирующегося на столь же универсальном, как и контраст, концептуальном механизме — на генерализации (например, «он хороший, прекрасный, замечательный...»).

Поэтому применительно к детской речи целесообразнее, возможно, противопоставлять не семантический контраст семантической близости, а опору на контраст опоре на генерализацию. При анализе же контраста имеет смысл сосредоточить внимание на существовании семантического контраста разного уровня. В таком случае можно будет говорить, например, о более «жестком», или «грубом», контрасте (антонимы) и более «тонком», более «детальном», более «специфицированном» (синонимы)³. Кстати, авторы книги ведь тоже не считают контрастными только антонимические противопоставления, но признают таковыми и цветовые. Если признать существование семантического контраста разных уровней и типов, новое объяснение получит и фиксируемая в итальянском корпусе данных способность диминутивов и аугментативов помогать детям в освоении размерных прилагательных: контрастные различия, как представляется, не обязательно должны представлять «крайние члены ряда».

Однако основная оппозиция на ранних этапах речевого онтогенеза — это все же оппозиция склонности к контрасту и склонности к генерализации. При предлагаемом подходе вполне «впишутся» в общую гипотезу и высказываемые авторами некоторых разделов (например, К. Корецки-Крёлль и В. У. Дресслером) предположения о разных стилях овладения языком детьми: одним детям важнее «грубый» контраст, другие в большей степени опираются на генерализацию. Такой подход легко объясняет, почему в одной части материала были найдены безусловные подтверждения тому, что именно контраст способствует освоению прилагательных, а в другой (причем в нескольких языках) обнаруживалась и склонность кого-то из детей к синонимам. Это трактовалось авторами монографии как опровержение семантической гипотезы, но может быть оценено как свидетельство необходимости ее уточнения: семантический контраст все равно в целом лежит в основе освоения семантики прилагательных, однако для части детей, наряду с опорой на семантический контраст, важна и опора на семантическую генерализацию.

Следовательно, если подробнее рассмотреть склонность детей к контрасту (и к генерализации), то, вероятно, окажется, что действительно существуют разные стили овладения языком, и для детей, осваивающих язык(и) в соответствии с разными стилями, могут быть значимы как контраст (причем разных его видов / типов или уровней), так и генерализация. Возможно, на это влияет существование разных «типов» детей — «референциальных» / «экспрессивных» [Bates et al. 1988]; есть вероятность влияния гендерного фактора (имеет смысл обратить внимание на то, что все наблюдавшиеся в данном исследовании дети, которые демонстрировали склонность к синонимам, — девочки). В любом случае подобный подход может открыть новые перспективы и направления исследования.

Морфологическая гипотеза авторов книги была связана, с одной стороны, с наличием / отсутствием грамматического согласования прилагательных с существительными и,

³ Впрочем, возможно, на начальном этапе речевого онтогенеза для появления синонимов в детской речи нужны более «серьезные» (для ребенка) причины, чем разграничение оттенков значения и тем более оттенков стиля употребления. Так, судя по материалам монографии (для разных языков), синонимы в самом начале появляются в основном либо для маркирования степени эмоциональной оценки (типа *хорошо* / *супер!*), либо как следствие сосуществования в лексиконе ребенка двух слов — одного более «старого», которым ребенок пользовался на более ранних этапах речевого онтогенеза, из так называемого *baby talk*, и «нового», соответствующего норме, например *кака* и *грязный*.

с другой стороны, с формальной «похожестью» / «непохожестью» окончаний прилагательных и существительных в различных языках. Прежде всего, языки были поделены на четыре условные группы: а) языки, в которых преобладает дефолтная, обычно немаркированная, форма прилагательного (например, голландский и, возможно, немецкий); б) языки, в которых хотя бы некоторые флексии прилагательных совпадают с флексиями существительных (например, русский и, возможно, литовский); в) языки с «глаголообразными» адъективными классами (в данном исследовании не представлены); г) другие языки (например, язык юкатекских майя, в котором прилагательные в атрибутивной функции не имеют специального маркирования, а в предикативной функции имеют флексии, подобные флексиям и существительных, и глаголов).

Кстати, при такой формулировке различий между группами языков может возникнуть вопрос: если к группе (б) принадлежат языки, в которых хотя бы некоторые флексии прилагательных совпадают с флексиями существительных, и при этом в специальную группу выделяются языки, в которых флексии прилагательных совпадают не только с флексиями существительных, но и с флексиями глаголов, то почему, как это ни парадоксально звучит, русский язык в этой структуре отнесен к группе (б), а не к группе (г)? В русском языке имеет место, например, совпадение флексий прилагательных с существительными типа: *девочка красива* (флексия *-а*), *мальчик красив* (нулевая флексия). Однако если взять конструкции типа: *девочка съела* (та же флексия *-а*) и *мальчик съел* (та же нулевая флексия), будет очевидно то же совпадение флексий прилагательных с глагольными флексиями. Более того, аналогичное маркирование женского и мужского рода обнаруживается и у некоторых местоимений (*она / он, эта / этот*), что свидетельствует о более глобальном сходстве морфологического маркирования рода разных частей речи в русском языке. Между прочим, русскоязычные дети, безусловно, ощущают «глобальность» этого единства маркирования рода в русском языке, распространяя его даже на те части речи, на которые, казалось бы, оно никак не может распространяться, например, на союзы: «*Хоть* — это он, а *хотя* — она?»⁴. Авторы соответствующих разделов монографии (в частности, М. Д. Воейкова), как видно при детальном анализе материала книги, подразумевают другие совпадения флексий прилагательных с существительными (типа *большой рукой*) и имеют в виду прежде всего прилагательные в атрибутивной функции, однако из принадлежности языка к одной из четырех групп этого никак не следует. В любом случае, возможно, имело бы смысл несколько уточнить формулировки при разграничении групп языков (б) и (г).

Итак, морфологическая гипотеза авторов книги состояла в том, что дети, осваивающие языки, в которых имеется фонологическое сходство флексий прилагательных и существительных, имеют некоторое преимущество в освоении прилагательных по сравнению с детьми — носителями языков другого типа, поскольку им может помочь так называемый *bootstrapping*, «механизм запуска», «спусковой крючок», «вспомогательный, случайный механизм помощи». Поэтому, согласно гипотезе авторов, дети, осваивающие языки группы (а), начнут с дефолта и с немаркированных либо наименее маркированных форм во всех позициях, в то время как дети, осваивающие языки группы (б), будут начинать с форм прилагательных, похожих на формы существительных, постепенно продвигаясь к освоению форм прилагательных, контрастных по отношению к формам существительных, причем ранние ошибки в формах прилагательных будут заключаться в появлении окказиональных флексий-совпадений у определяемых и определяющих слов.

В разделе, касающемся освоения детьми системы русского согласования прилагательных с существительными, М. Д. Воейкова прослеживает ранний этап онтогенеза прилагательных у русскоязычных детей: сначала спорадическое использование, причем без существительных, затем «взрыв», характеризующийся значительным снижением количества

⁴ Пример из книги [Цейтлин и др. 2011: 10], автор соответствующего раздела которой, С. Н. Цейтлин, указывая на примеры из книги К. И. Чуковского «От двух до пяти», объединяет, в частности, вышеуказанный пример с примерами типа *Кроватка — женщина, а диван — мужчина*.

прилагательных, используемых без существительных, что доказывает, что дети на этой стадии начинают разводить прилагательные и существительные синтаксически, поскольку научаются сочетать их. Если в первом из названных периодов дети продуцируют ошибочные либо усеченные формы прилагательных (*маля* в значении 'маленький', *кась* в значении 'красный'), то во втором периоде они уже начинают адекватно маркировать род, число и падеж прилагательных. По соответствию / несоответствию форм прилагательных формам определяемых ими существительных сочетания прилагательных с существительными были подразделены на четыре группы: с полностью совпадающими флексиями (*большой рукой*), частично совпадающими (*большим домом*), редупликативными, или редуплицированными (*большую руку*), и контрастными (*большой руке*). Результаты показали, что имеется тенденция к сокращению детыми парадигм прилагательных при преимущественном использовании форм с совпадающими и редупликативными флексиями. Особенно существенны для авторской концепции ошибки, при которых возникает окказиональное сходство флексий существительных и относящихся к ним прилагательных: *про Федорину горину* 'про Федорино горе', *под грибом большом* 'под грибом большим'. С точки зрения автора, это ошибки, основанные на сверхгенерализации: опираясь на то обстоятельство, что в языке имеются модели с совпадением флексий существительных и прилагательных, дети отталкиваются от освоенной ими к этому времени системы окончаний существительных при освоении системы склонения прилагательных. Фонологическое сходство, таким образом, выступает как bootstrapping по отношению к онтогенезу морфологической системы.

При такой трактовке материала возникает два вопроса:

1. Действительно ли это ошибки, связанные с морфологической сверхгенерализацией, или же давно известное интуитивное стремление детей к рифме, о котором писал еще К. И. Чуковский [2001] (типа *Вася-тарася, далёкое — близёкое* и т. п.)? М. Д. Воейкова предполагает, что одно (интуитивное стремление к рифме) не отменяет другого (наличия морфологической сверхгенерализации), и даже делает вывод, что для детей стремление к рифме важнее синтаксических различий между прилагательными и существительными.

2. Ошибки типа *про Федорину горину* достаточно редки (о чем пишет и автор) и, судя по приведенному в разделе материалу, характерны лишь для одного из обследованных детей. Принимая во внимание это обстоятельство, а также то, что, по мнению автора, для детей стремление к рифме важнее синтаксических различий между прилагательными и существительными, интересно понять: почему такого рода ошибки (оговорки?) характерны не для всех детей и, соответственно, для всех ли детей, находящихся на исследуемом этапе речевого развития, стремление к рифме существеннее синтаксических различий между прилагательными и существительными? Возможно, наличие / отсутствие такого рода ошибок связано каким-то образом со стилем овладения языком и, соответственно, bootstrapping, вспомогательный механизм овладения языком (как и один из центральных его механизмов — контраст), более существенен для одних детей, чем для других? Разумеется, ответ на этот вопрос возможен лишь при проведении дальнейших специальных исследований в этом направлении.

Относящуюся к языкам группы (b) часть морфологической гипотезы поддерживает и литовский материал (Л. Командулите-Мерфельдиене): в литовском языке, как и в русском, также в некоторых случаях имеет место совпадение флексий прилагательных и существительных, и наибольшее количество ошибок у детей в согласовании прилагательных с существительными обнаружилось в наиболее редких адъективных парадигмах, в которых флексии прилагательных и существительных различаются, что, с точки зрения автора, свидетельствует в пользу предположения о способности фонологического сходства давать детям ключ к постижению системы склонения прилагательных.

Поддерживает морфологическую гипотезу и материал итальянского языка (С. Ночетти) — также языка группы (b). На раннем этапе дети демонстрируют отчетливую преференцию таких сочетаний прилагательных с существительными, как «существительное с флексией *-o* / прилагательное с флексией *-o*», «существительное с флексией *-a* / прилагательное с флексией *-a*», «существительное с флексией *-e* / прилагательное с флексией *-e*»,

и даже сверхгенерализуют «идею» о совпадении флексий прилагательных с флексиями существительных, распространяя ее на такие сочетания прилагательных с существительными, у которых в итальянском языке в норме такого совпадения нет.

Материал освоения детьми финского языка (К. Лаало) — также языка группы (b) — тоже поддерживает морфологическую гипотезу. В речи финских детей встречаются даже случаи «особенно интенсивного» согласования прилагательных с существительными, когда согласование охватывает не только формообразовательные суффиксы (маркирующие в этом языке число и падеж), но даже конечные элементы основы, что, по мнению автора, то же, что и встречающийся в других языках фонологический bootstrapping.

Материал словенского (Т. Петрич, М. Любич, В. Облак, К. Корецки-Крёлль и В. У. Дресслер) и хорватского (М. Пальмович, Г. Хржица и М. Ковачевич) языков, также принадлежащих к группе (b), напротив, не подтверждает часть морфологической гипотезы, относящуюся к языкам этой группы, или подтверждает ее лишь частично. У словенского ребенка окончания прилагательных появляются лишь тогда, когда окончания существительных становятся продуктивными (т. е. не используются «гештальтно» вслед за взрослыми, а конструируются ребенком самостоятельно). Хотя в инпуте преобладают формы женского рода прилагательных, ребенок вначале использует имеющуюся в словенском языке дефолтную базовую форму прилагательных — м. р., ед. ч., им. пад. — и в отдельных случаях даже продуцирует окказиональные ошибочные формы, являющиеся результатом сверхгенерализации (использует форму мужского рода и в случаях, когда требуется женский род). В пользу морфологической гипотезы в хорватском материале свидетельствует лишь то, что первыми в детской речи появляются те формы прилагательных, в которых флексии совпадают с существительными (впрочем, в хорватском языке эти флексии совпадают в более чем половине случаев, поэтому данное «подтверждение» серьезной силы иметь не может).

Опровергает морфологическую гипотезу в части, относящейся к языкам группы (b), и греческий материал (У. Штефани). В этом языке, сочетающем в себе черты языков групп (a) и (b), прилагательные, будучи подклассом существительных, имеют и в атрибутивной, и в предикативной функциях форму, сходную с формой существительных. В отличие от другого языка группы (a), русского, греческие дети, освоив систему склонений существительных, не переносят эти свои достижения на прилагательные. Не потому ли, кстати, имеет место такое различие в освоении прилагательных греческими и русскими детьми, что в греческом языке формы прилагательных и существительных совпадают всегда, а в русском — лишь в отдельных случаях, поэтому греческим детям для своего продвижения в освоении адъективных типов склонения «выгоднее» как-то разграничивать прилагательные и существительные, а русским — искать общность? Или же причина кроется в том, что дети, осваивающие языки с очень сложной, разветвленной системой падежных окончаний (русский и финский), не имеют возможности опираться на различия и потому скорее склонны искать сходство?

Таким образом, авторы книги полагают, что их гипотеза в части языков группы (b), согласно которой дети, осваивающие языки указанной группы, начинают с форм прилагательных, похожих на формы существительных, постепенно продвигаясь к освоению форм прилагательных, контрастных по отношению к формам существительных, в основном подтвердилась. При этом фонологическое сходство некоторых флексий прилагательных и существительных может порождать bootstrapping — случайный дополнительный механизм помощи в освоении адъективного склонения. В отношении этого дополнительного механизма освоения языка было бы, конечно, очень интересно выяснить, всем ли детям он требуется и как необходимость в нем связана с различными стилями овладения языком, но это уже может явиться предметом дальнейших исследований.

В отношении языков группы (a) авторы изначально предполагали, что дети должны начинать с дефолта и с немаркированных либо наименее маркированных форм. Материал австрийского варианта немецкого языка (К. Корецки-Крёлль и В. У. Дресслер), сочетающего в себе черты языков групп (a) и (b), в основном согласуется с этой гипотезой. Авторы выделяют две дефолтные формы, с которых дети предположительно должны (если гипотеза

верна) начать освоение адъективного склонения. Это сильно дефолтная форма без окончания, используемая в качестве предиката и в функции наречия, и слабая дефолтная форма, содержащая [ə], являющаяся частотной базовой формой для сильных форм мн. ч. и слабых номинативов и аккузативов ед. ч. Оба обследованных австрийских ребенка действительно начинали с двух названных дефолтных форм, которых, кстати, было много и в речи их родителей, обращенной к детям. При этом дети осуществляли даже свергенерализацию этих дефолтных форм. Аналогичные выводы делаются и на материале французского языка (М. Килани-Шох) — слабофлективного языка, в котором прилагательные обычно определяются как таковые по семантическим и синтаксическим критериям. Французские дети тоже начинали с сильно дефолтной формы (формы м. р.) и использовали ее часто.

Иные данные обнаруживаются в материале освоения другого языка группы (а) — английского (С. Ноччетти). В ранний период дети продуцировали лишь механически заученные (взяты как «гештальт» из речи взрослых) сочетания прилагательных с существительными. На стадии же появления прилагательных в адекватных значениях, т. е. уже не только в механически заученных сочетаниях, увеличение общего количества прилагательных шло параллельно появлению компаративных форм, при этом, что существенно, базовые формы появлялись не раньше других форм, а параллельно компаративным.

В результате сопоставления материала языков группы (а) авторы сделали вывод, что, вероятно, морфологическая гипотеза в части, касающейся языков этой группы, требует пересмотра, поскольку чисто дефолтная стратегия обнаружена не была.

Материал языка юкатекских майя (Б. Пфайлер) — языка группы (d), агглютинативного с некоторыми чертами флексивности, — демонстрирует определенные сложности для освоения прилагательных детьми, связанные с идентификацией прилагательных как класса: во-первых, прилагательные в атрибутивной функции морфологически неспецифичны, во-вторых, в предикативной функции они имеют такие же морфологические характеристики, как и другие неглагольные предикаты, в-третьих, они нечастотны в обращенной к детям речи взрослых. Все это приводит к тому, что в речи детей прилагательные встречаются редко. Тем не менее удалось выяснить, что дети уже в раннем возрасте синтаксически различали прилагательные в атрибутивной и в предикативной функциях. При этом, так же, как и в греческом материале, обнаружилось, что дети не распространяют свои «достижения» в области освоения других частей речи (глагола — применительно к юкатекскому языку) на прилагательные.

В результате авторы книги приходят к выводу, что освоение морфологических характеристик прилагательных происходит в различных языках по-разному и зависит даже от вариантов овладения языком у различных детей. При этом имеются и некоторые общие черты. Так, дети начинают всего с нескольких форм прилагательных, которые обычно выступают в конкретных комбинациях прилагательных с существительными, а в других случаях основываются на дефолтных формах, на базе которых в языках с большой и разветвленной парадигмой прилагательных детьми может в дальнейшем осуществляться свергенерализация.

Рецензируемая книга, с одной стороны, дает ответы на очень многие вопросы, которые раньше в онтолингвистике оставались открытыми, а с другой — ставит новые вопросы, предопределяя тем самым направления дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Цейтлин 2008 — Цейтлин С. Н. Онтолингвистика как учебная дисциплина // Русский язык в школе. 2008. № 6. С. 45—49. [Tseitlin S. N. Ontolinguistics as an educational subject. *Russkii yazyk v shkole*. 2008. No. 6. Pp. 45—49.]
- Цейтлин и др. 2011 — Цейтлин и др. (сост.). Сборник упражнений по онтолингвистике: учебно-методическое пособие. СПб.: Коста, 2011. [Tseitlin S. N. et al. (comp.). *Sbornik uprazhnenii po ontolingvistike: uchebno-metodicheskoe posobie* [A workbook in ontolinguistics]. St. Petersburg: Kosta, 2011.]
- Чуковский 2001 — Чуковский К. И. Собрание сочинений в 15 т. Т. 2: От двух до пяти. М.: Терра — Книжный клуб, 2001. [Chukovskii K. I. *Sobranie sochinenii v 15 t. T. 2: Ot dvukh do pyati* [Collected works in 15 vol. Vol. 2: From two to five]. Moscow: Terra — Knizhnyi Klub, 2001.]

- Bates et al. 1988 — Bates E., Bretherton I., Snyder L. S. *From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms*. New York: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Clark 1987 — Clark E. V. The principle of contrast: A constraint on language acquisition. *Mechanisms of language acquisition*. MacWhinney B. (ed.). Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum. Pp. 1—133.
- Dixon 2004 — Dixon R. M. W. Adjective classes in typological perspective. *Adjective classes: A cross-linguistic typology (Explorations in linguistic typology 1)*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 1—149.

D. Creissels, K. Pozdniakov (éds.). Les classes nominales dans les langues atlantiques. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2015. 628 p. ISBN 978-3-89645-565-9*.

Мария Александровна Косогорова

Maria A. Kosogorova

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт языкознания РАН, Москва, 119009, Российская Федерация; maria.kosogorova@gmail.com

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; maria.kosogorova@gmail.com

Выход сборника «Именные классы в атлантических языках» под редакцией ведущих африканистов Дени Кресселя и Константина Позднякова можно, без сомнения, назвать важным событием в африканском языкознании. В нем собраны статьи, отражающие актуальное положение исследований именного согласования во многих атлантических языках (иногда, вслед за Д. Вестерманом, называемых западноатлантическими), причем не только хорошо изученных, таких как серер и волоф, но и гораздо менее известных, описание которых в некоторых случаях произведено авторами статей впервые. Кроме того, это один из немногих сборников на подобную тему, который посвящен описанию отдельной семьи (см. также [Meiße, Winkemann 2007] о языках гур), а не более крупных языковых и диалектных групп всей Тропической Африки, ср. [Manessy 1967; Виноградов 1997].

Каждая статья сборника (за исключением двух вводных) описывает состояние системы именных классов в отдельном языке. Большинство статей построено по единой схеме: в них последовательно дается общая информация о языке (социолингвистическая, лингвогеографическая и источниковедческая), базовые сведения о фонологии и морфологии языка, описание инвентаря классов и согласовательных схем, данные о применении согласовательных схем в разных типах связи (атрибуты, генитивная группа, местоимения и др.), сочетаниях классов по различным параметрам (число, размерность, личность и проч.), классификации дериватов и заимствований. Такая структура, вкуче с единым структурированием схем и таблиц, облегчает восприятие материала и устраняет недостаток, часто возникающий в такого рода тематических сборниках, а именно изоляцию статей.

В Предисловии Д. Кресселем и К. Поздняковым обозначена цель сборника: синхронное описание классных систем плохо документированных атлантических языков Сенегала и дополнение уже известных описаний (так, хорошо документированный язык волоф с точки зрения классной системы практически не был описан).

Сборник предваряют две разноплановые вступительные статьи. Первая статья Д. Кресселя «Типология именных классов в атлантических языках» дает основную лингвистическую характеристику атлантических языков и их именных классов — видимо, наиболее подробный обзор во всей существующей литературе.

Для именного согласования во всех атлантических языках характерны не только такие типологически распространенные явления, как, например, согласование в именной группе с помощью общего классного показателя и влияние именного класса на выбор местоимений 3 л., но и более редкие черты, например, неравное количество сингулярных и плюральных классов, наличие отдельных классов для одушевленных и неодушевленных объектов или объемные системы именных классов. Так, языки фула, ньун, кобиана и биафада насчитывают 25 или более именных классов, а количество классов в фула, благодаря масштабам этого языка, стало известным типологическим фактом и часто упоминается в теоретической литературе (например, [Corbett 2006]), хотя, согласно данным статьи «Именные классы

* Рецензия подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00488 «Языковые контакты в Африке».

в кобиана» из рецензируемого сборника, язык кобиана имеет на несколько именных классов больше, чем фула.

В числе различий между системами именных классов, на которые обращает внимание автор, количество согласовательных моделей и их сочетание с количеством классов, сочетание плюралных и сингулярных классов, а также чередование начального согласного корня и позицию маркера класса¹. Автор указывает, что суффикс класса может однозначно считаться таковым, только если при формоизменении (например, числовом) возникает оппозиция двух суффиксов. Если же то, что называется суффиксом класса, может в каких-то случаях оказываться необязательным элементом, то это клитика, которая исторически, возмужаю, выполняла функции артикля (ср. путь грамматикализации, предложенный в [Greenberg 1978]). Язык фула, таким образом, является единственным атлантическим языком, в котором классный показатель можно однозначно определить как суффикс. В северной группе атлантических языков (например, в языках волоф, фула, биафада) эти морфемы сочетаются с определенной ступенью начального согласного — такое явление в языке фула описано в работе [Коваль 2010], где эта связь трактуется как циркумфиксальный показатель класса.

Далее обсуждаются частные случаи, которые выбиваются из общей для атлантических языков картины. Так, в некоторых языках появилась бесклассная форма посессивного местоимения 3 л.: в волоф это *sc* *toom*/*pl* *ñoom*, в фула — *sc* *min*. В языке балант нет размерностных классов, а также отдельного класса, включавшего бы в себя обозначение жидких объектов. В языках фула и балант образование множественных личных форм происходит по семантическому, а не формально-морфологическому принципу.

Вторая вступительная статья К. Позднякова «Диахрония атлантических именных классов: морфонология, морфология, семантика» представляет анализ развития именных систем во всех языках, кроме группы бага и языка биджого. В статье приведен список основных атлантических языков северной и центральной групп, где полужирным шрифтом выделены языки, которым посвящены статьи в сборнике (с. 58). Для наглядности приведем этот список полностью (языковые группы указаны с заглавной буквы).

Северная группа:

- фула, **серер**
- Тенда (**басари**, бапен, танда, бедик, коньяги)
- джаад, **биафада**
- Буй (**кобиана**, касанга), Ньюн (губотор, **гуньямоло**, губеэр, **гюфангор**, северо-восточный губелор, гюджаэр)
- Чангин (**ндут**, **палор**, **лаалаа** (**лехар**), ноон, сафен)
- **волоф**

Центральная группа:

- **Диола** (несколько разновидностей, включающих **кеерак**), **байот**, карон
- **Манджак**, манкань, пепел
- **балант**
- биджого
- налу, бага Форэ, бага Мботени

Автор описывает, учитывая диахроническую точку зрения, начальные чередования, их связь с именными классами, типы атрибутов и их согласование. Отдельно отметим описание, во-первых, фонетических путей трансформации систем начальных чередований из прото-Нигер-Конго в их современное состояние в разных языках, а во-вторых, путей

¹ Здесь можно уточнить, что материальные маркеры класса могут в атлантических языках иметь и суффиксальную, и (реже) префиксальную локализацию.

возникновения и развития назальности в плюрално-личных классах в атлантических языках, а также замечание относительно возможной связи этой назальности с ассоциативностью в волоф, которое согласуется с гипотезой Дж. Бредвельд о связи назальности с инклюзивными местоимениями в фула [Breedveld 1995].

Отдельно в статье описываются современные аналогические процессы, в их числе выравнивание согласных в показателях плюралных классов в языках коньяги и джаад, унификация согласных в классных показателях в серер, реклассификация малочисленных классов по аналогии в языке фула и гармонизация согласных и гласных в префиксах класса в языках диола.

В заключение автор высказывает важное замечание, касающееся распространенного убеждения, что лексика в атлантических языках распределялась по именным классам согласно внутренним семантическим правилам, в идеале отличающимся жесткостью, а те исключения, которые встречаются в этой структуре сегодня, — это результаты диахронических процессов. Он утверждает, что на самом деле принципы, которые стоят за этим распределением, гораздо более сложны, нежели семантическое распределение, и их нельзя описать с помощью одного логического критерия (с. 98—99).

За вводными следуют 14 статей, посвященных отдельным языкам. Остановимся на каждой из них подробнее. Статья Г. Сежерера «Именные классы в языке кеерак (кабрусский диалект диола)» описывает систему именных классов в диалекте языка диола, используемом в единственной деревне Кабрусс, на основе данных, которые были получены автором в ходе полевой работы. Сежерер характеризует систему кеерак, насчитывающую 18 классов, маркируемых с помощью префиксов, с согласуемыми детерминативными клитиками, посессивными местоимениями, демонстративами и атрибутами, как «прототипическую» на фоне других атлантических языков. В такой системе с вершиной согласуется также соединитель генитивной группы и некоторые числительные (впрочем, их согласовательная парадигма пока содержит пробелы). Отметим интересное наблюдение: на 11 сингулярных классов приходится 9 плюралных, при этом многие соответствия неоднозначны. Расположив соответствия по частотности, автор приходит к выводу, что в языке кеерак сочетания SG-PL имеют лексико-семантическую природу: так, например, класс *E* (имена классов в кеерак соответствуют согласовательным префиксам и не несут семантической нагрузки²) сочетается с четырьмя плюралными классами в зависимости от того, относится ли сингулярная лексема к животным, маленьким животным, насекомым, маленьким предметам или фруктам. Такая зависимость, если и существует в родственных языках, прежде не была описана подробно.

В разделе «Заимствования» автор утверждает, что в языке кеерак адаптация заимствования к какому-либо именованному классу редко происходит по формально-фонетическому принципу, но часто — по семантическому. В качестве примера языков, которые действуют по формально-фонетическому принципу, автор приводит биджого и фула, уточняя при этом, что финаль исходной лексемы преназализируется и начинает при образовании множественного числа чередоваться с соответствующим плюралным классным показателем. Однако, хотя автор приводит числовую пару для биджого, в примере из фула пара отсутствует; в этом языке такая ситуация редка (см. [Косогорова 2015], где в результате анализа значительного массива лексики был обнаружен всего один полностью продуктивный пример, адаптированный по формально-фонетическому признаку). Пример же *lekkol ngol* ‘школа’, приведенный в статье (с. 144), образует множественное число путем наращения аффикса плюралного класса (*lekkolji di* ‘школы’), что как нельзя лучше характеризует непродуктивность этой стратегии адаптации.

В статье «Именные классы в байот кужер» М. Диань, опираясь на собственные данные, обобщает состояние классной системы в не описанном ранее языке байот из группы бак. В языке байот выделяется 16 классов, выражающихся 21 префиксальным маркером. Кроме

² Здесь и далее классы именуется по префиксу.

того, демонстративы делятся на пять категорий по степени дейктической удаленности, что довольно редко с типологической точки зрения (в атлантических языках подобная ситуация также наблюдается в языке серер-син). Каждая категория демонстративов имеет свою форму для каждого класса; таким образом, с учетом совпадающих парадигм, байот кужер насчитывает 55 форм демонстратива.

Статья А.-К. Бассена «Согласовательные классы и генерическое значение в диалектной группе диола» освещает особенности именных классов в связи с согласованием и категориями личности и определенности. Несмотря на ее небольшой размер, в статье приведены многочисленные примеры морфологического согласования, хотя в некоторых случаях, например при иллюстрации семантического согласования, дополнительные примеры и несколько большая языковая вариативность были бы вполне уместны. Но главное, чего, на наш взгляд, не хватает в статье, — это вводного перечня диалектов диола и их краткой лингвогеографической и социолингвистической характеристики, которая помогла бы читателю оценить динамику и географию описываемых явлений. Главное же достоинство статьи заключается в подробном разборе генерического значения в диалектах диола и способов его выражения. В общем случае оно выражается с помощью немаркированной неопределенности (в соответствии с наблюдением [Hawkins 1978: 215]: «генерическое значение — это неопределенное значение в определенном контексте»). Но в более частных случаях, например в пословицах, генерическое значение выражается с помощью особого типа семантического согласования между именем и глаголом, что типологически встречается редко.

Г. Сежерер в статье «Именные классы в манджак» проводит доскональное исследование ранее опубликованных данных, систематизируя информацию об именных классах. Помимо описания ареала и состава диалектной группы манджак, в статье можно отметить ряд интересных пунктов. Во-первых, в этом языке в устройстве классной системы задействованы смыслоразличительные тоны: имена манджак с низкотоновым классным показателем не могут выражать значения множественного числа. Во-вторых, среди 13 именных классов особо выделяются классы, имеющие дополнительный семантический параметр размерности и оценочности: пейоративности и мелиоративности. Еще один известный в литературе пример «оценочных классов» обнаруживается в языках банту, практически все из которых (кроме зон А и В) выделяют эти классы в той или иной степени [Топорова 2008], тогда как за пределами нигеро-конголезских языков оценочные классы встречаются редко. В-третьих, нельзя не отметить тройственную числовую оппозицию, которая, кроме диалектов манджак, встречается также в родственных языках ньун и кеерак. Наконец, отметим корень *ko*, «обладающий очень размытым смыслом» (с. 201), — в зависимости от класса он может выражать значения от 'дерево' и 'большой предмет' до 'человек, который только что говорил'. Статья завершается объемной (около 30 работ) библиографией, посвященной, в частности, диалектам манджак. Создание столь полного списка работ по диалектам манджак можно считать отдельным научным достижением.

Статья С. Биайе и Д. Кресселя «Именные классы в балант ганджа» представляет собой, по словам авторов, развитие описания говора ганджа языка балант, сделанного С. Биайе в 2012 г. Однако в том, что касается представления системы именных классов, авторы придерживаются структуры изложения, выбранной Ж. Нджайе-Корреар в ее описании 1970 г., и такая тактика видится нам весьма информативной. Представление каждого класса разделено на две части, где формально-морфологическое и синтаксическое описание находится по соседству с семантической характеристикой, а не в разных разделах, что, безусловно, полезно для читателя, не знакомого с языком. Вместо строгих выводов в заключении авторы очерчивают динамику развития системы классов в балант ганджа с учетом направлений дестабилизации системы. В рассматриваемой статье приводится всесторонний разбор этих направлений, и авторы совершенно справедливо замечают, что они служат ключом для понимания набора фонологических исключений, которые не находят своего закономерного места в синхронном описании.

Статья А. М. Диань «Языки палор и ндут: два атлантических языка без именных классов» посвящена двум языкам подгруппы чангин — уникальным атлантическим языкам, которые в результате разрушения системы потеряли возможность согласования по категории именного класса. Автор описывает именную систему языка палор, опираясь на результаты собственных исследований и сравнивая их с данными из немногих ранее опубликованных источников; для анализа языка ндут, близкородственного языку палор (84% совпадений лексики), ею использованы доступные грамматические описания. В статье вводится термин «маркер субстантивной принадлежности» для обозначения морфемы, которая разграничивает группы существительных, но не сочетается с другими грамматическими классами и не образует согласовательных связей. В языках палор и ндут насчитывается по пять таких маркеров, имеющих суффиксальную позицию, а существительные делятся на три типа в зависимости от процессов, возникающих на морфемном шве при аффиксации. При образовании плюральных форм маркер субстантивной принадлежности уступает место аффиксу множественного числа. Кажется, что маркер субстантивной принадлежности формально может считаться маркером именного класса, однако отсутствие классного согласования (хотя согласование по множественному числу тем не менее сохраняется) в языках палор и ндут действительно указывает на отсутствие именных классов в классическом понимании [Meinhof 1906; Corbett 1991: 146; Aikhenvald 2003: 22], где согласование первично, а формальный вид словоформы вторичен.

Следующая, сравнительно небольшая статья «Именные классы в лаалаа (лехар)» Э. Дьейе также посвящена языкам подгруппы чангин, но другой ее части — сафен-лехарноон, из которых ноон и лехар являются ближайшими родственниками. При анализе языка лехар автор использует исключительно собственные данные, поскольку единственное масштабное описание этого языка принадлежит его собственному перу [Dièye 2011]; язык ноон, не являющийся фокусом исследования, представлен двумя недавними описаниями другого исследователя [Lopis-Sylla 2010a; 2010b]. Дьейе отмечает следующие особенности языка лехар. Во-первых, префикс именного класса имеет форму *C-*, в отличие от многих других атлантических языков (хотя ср., скажем, волоф), где он имеет форму *CV-*, а также не имеет нулевой формы. Во-вторых, в языке лехар существуют инфинитивные формы в функции существительных, что стало возможным из-за формального сходства начала инфинитива и классного префикса класса-реципиента. Автор выражает уверенность в том, что причины такого поведения инфинитивных форм лежат в диахронии, однако хотелось бы увидеть более подробную доказательную базу этого утверждения. В-третьих, он отмечает, что имена животных в сказках персонажируются и согласуются по личному классу — такое явление часто встречается в сказках народов мира, в том числе за пределами Африки. И наконец, Дьейе подчеркивает низкий уровень связи между формальной маркировкой именных классов и их согласованием — ситуация в языке лехар, кажется, обратна ситуации в языках палор и ндут: в некоторых классах именной системы лехар отсутствует морфологический маркер класса, но при согласовании атрибуты неизменно принимают именно его. К сожалению, в статье представлено недостаточно примеров для полной иллюстрации этого явления и выявления его сходства с чертами других атлантических языков, например с нулевым маркером класса в фула.

Статья С. Вуазен «Именные классы в кобиана» начинается с тонкого замечания относительно названия диалекта, которое стало заложником системы именных классов, имеющих префиксальное воплощение. Самоназвание диалекта — *guɓuɓu*, состоящее из префикса класса *gu-* и корня *ɓuɓu*, ставшего общепринятым названием для этой группы диалектов — «буй». Свой ареал носители называют *kaɓuɓu*, и это название, адаптированное португальскими мореплавателями в *кобиана*, стало традиционным для описываемого диалекта, хотя автор отмечает, что в наиболее последовательном описании используется термин «буй». Стоит сказать, что в языке кобиана глагольная система демонстрирует начальные консонантные чередования корня в случае, если субъект имеет форму классного местоимения и в качестве префикса присоединяется к предикату. Это явление перекликается с аналогичным

явлением в языке фула, где на ступень начального согласного предиката влияет позиция субъектного местоимения и его число [Коваль 2003: 371]. Эти языки сравнимы и по количеству именных классов в системе: в фула, в зависимости от диалекта, их насчитывается около 25, в кобиана — 35.

В статье С. Бао-Диоп «Именные классы в ньун гуньямоло», кроме обилия примеров и большого объема дескриптивной информации, примечательно четкое определение невыясненных особенностей диалекта гуньямоло языка ньун, который до сих пор исследован не полностью. Вероятно, по этой причине адаптации заимствований в классную систему посвящены всего несколько строк, хотя для языка с такой объемной (29 классов) именной системой и двумя способами образования форм множественного числа эта тема, безусловно, интересна. Что касается последних, ньун гуньямоло имеет, как и многие другие атлантические языки, плюральные классы, которые участвуют в образовании форм множественного числа, но ими язык не ограничивается. Существуют также а) формы множественного числа, которые образуются с помощью плюрального суффикса, при этом сохраняя префикс сингулярного класса, б) формы, использующие и префиксальный, и суффиксальный способы маркирования одновременно и в) некоторые формы, использующие только суффикс, хотя, возможно, такое поведение можно объяснить наличием нулевого префикса класса (например, класса *A*).

Н. Кинт в статье «Система именных классов в ньун Джифангора» в структурированной форме представляет систему именных классов, которая в диалекте деревни Джифангор насчитывает на один класс меньше, чем в ближайшем диалекте ньун гуньямоло, где классов 28. Так же, как и ньун гуньямоло, диалект Джифангора имеет несколько схем образования форм множественного числа, но, в отличие от предыдущего автора, Н. Кинт обосновывает жесткие условия выбора одной из двух схем (префиксальной или суффиксальной) либо корневого супплетивизма. Однако обращает на себя внимание факт, что при сравнении согласовательных схем этих диалектов обнаруживается весьма много отличий. Так, например, класс *bi* в ньун гуньямоло относится к разряду сингулярных, а в ньун Джифангора — к разряду плюральных. Возможно, причина кроется в чуть более далеком генетическом родстве между «диалектами» в атлантических языках, чем привык видеть европейский читатель, но подробное междиалектное сравнение именных систем в языке ньун, бесспорно, стало бы интересной темой для исследования, поскольку пока оно представлено лишь общим описанием [Sauvageot 1967]. В конце статьи автор упоминает такое исследование в числе приоритетных направлений развития, и мы надеемся, что он не изменит этого мнения.

В статье А.-К. Бассена «Именные классы в биафада» также демонстрируется объемная (27 классов) система именного согласования, дополненная системой чередования начального согласного корня. Занимательный пример, приведенный в статье (с. 466), показывает, что самоназвание языка биафада — *gá-njóola*, хотя близким родственником диалектной группы диола он не является. Систематизация и рассуждения автора представляются весьма логичными, однако нельзя не высказать вопрос, возникающий по поводу примера на с. 447: автор указывает, что начальные чередования согласных корня встречаются как в именах, так и в глаголах, и пример демонстрирует это явление, но объяснения чередованию в глаголах не приводится, поэтому нельзя оценить, похожа ли система в языке биафада на какие-либо известные нам системы родственных языков, например кобиана.

Язык серер, третий по числу носителей язык атлантической семьи, известен своей схемой чередований начальных согласных корня, наиболее близкой к системе языка фула и аналогично распространяющейся как на именную, так и на глагольную системы. Неудивительно, что статья М. Ренодье «Именные классы в серер» начинается не с традиционного для сборника обзора фонологии и морфологии языка, а именно с описания функционирования начальных чередований. Для составления полного инвентаря именных классов языка серер, который насчитывает несколько крупных диалектов, автор прибегает к сравнению исследований по разным диалектам и отмечает диалектные особенности общей системы, хотя при описании опирается в основном на собственные данные. В статье также учитывается

диалектное разнообразие языка, а также указывается, что для создания более полного описания системы именных классов необходимо провести анализ еще нескольких вариантов языка серер (с. 499).

Л.-М. Перрен в статье «Именные классы в басари» рассматривает несколько работ по этому языку, на основе которых обобщает систему именных классов. Язык басари отличается довольно сложная система начальных чередований, которая задействует также те согласные, которые обычно не участвуют в этой системе, например лабиовелярные. В результате язык получает тройную оппозицию по 15 согласным, часть из которых пересекается: так, /l/ может иметь чередования вида /l/ ~ /d/ ~ /n/ или вида /l/ ~ /n/ ~ /n/. Также, снова вспоминая [Greenberg 1978], обратим внимание, что маркер определенности в басари имеет форму согласованного с вершиной аффикса, а не отдельной словоформы. Кроме того, отметим, что в разделе, посвященном соответствиям сингулярных и плюралных форм, используется термин «неодушевленность» (с. 521), но оппозицией ему служит определение «названия животных». Это соответствие, на наш взгляд, недостаточно ясно, поскольку в разных языках мира иерархия одушевленности может быть по-разному разделена бинарной оппозицией надвое, и если эта категория действительно имеет грамматическое воплощение в языке басари, то данный случай требует дополнительных пояснений.

Завершает сборник самая объемная статья, посвященная наиболее крупному из числа представленных в нем атлантических языков, — волоф. Она написана известными специалистами по этому языку К. Поздняковым и С. Робер и озаглавлена «Именные классы в волоф: функциональность и особенности ограниченной системы». Авторы отмечают, что, хотя язык волоф уже достаточно хорошо описан, обобщение системы его именных классов вносит важный вклад в сборник, поскольку результат перестройки (в сторону упрощения) этой системы — типологически редкое явление, а сравнение с системами именных классов родственных языков представляет немалый исследовательский интерес. Различия между системами особо выделяются в разных разделах статьи, равно как и результаты сравнения современной и исходной именных систем волоф; авторитетное диахроническое дополнение к синхронному описанию языка, бесспорно, также представляет значительную ценность. Разные причины, включая распространенность языка, привели к значительному упрощению системы именных классов в волоф: так, система начальных чередований согласных, все еще функционирующая во многих атлантических языках, практически утрачена, а ее остатки имеют исключительно «застывшие» формальные проявления. Деградиция системы распространилась и на префиксы классов в существительных, а также, в меньшей степени, именное согласование. Плюралные классы сохраняют лишь оппозицию по категории личности, в то же время квазисингулярные классы K и \tilde{N} в сочетании с ограниченными классами места и образа действия F и N используются для создания экономичной и последовательной прономинальной системы.

Статья дополнена большим количеством количественной информации, такой как процентное соотношение лексики в семантических полях классов. Естественно, для хорошо документированного языка с большим количеством носителей определить этот процент с необходимой долей точности проще, чем для малых языков, но такие данные — это эталон, к которому стоит стремиться, поскольку достоверные цифры дают наглядную информацию в такой зачастую неточной области, как лексическая семантика. Среди недостатков статьи следует отметить одну работу, которую, на наш взгляд, авторы незаслуженно не учли в обширной библиографии, — это диссертация [Чам 1984], впоследствии переведенная на французский язык [Thiam 1987], представляющая собой адекватное и полное описание именных классов языка волоф.

Сборник имеет, на взгляд рецензента, лишь один глобальный недостаток, который сами редакторы неоднократно комментируют, а именно отсутствие статьи о языке фула. Этот язык, как и волоф, относится к хорошо документированным, в том числе в области именных классов (упомянем, в числе других, работы [Arnott 1970; Paradis 1986; Коваль 1997]), а также является наиболее крупным как по числу диалектов и носителей, так и по ареалу.

Фула представляет собой уникальную дисперсную диалектную группу, система именных классов которой была не вполне исследована с точки зрения диалектологии. Диалект, распространенный в Сенегале, считается среди специалистов наиболее древним и «чистым» с точки зрения дестабилизации системы, неизбежной по причине раздробленного ареала, и оттого еще более интересным.

В целом книга выполнена с большой аккуратностью, в ней рецензенту встретилось не более десятка опечаток и неточностей, абсолютно не влияющих на общий смысл текста. Единственное, чего можно было бы желать, — это расшифровка условных обозначений, использованных при глоссировании примеров. Во всех статьях сборника, отметим, оно проведено абсолютно единообразно и согласно Лейпцигским правилам³, однако некоторые глоссы, отражающие специфические и типологически редкие явления, все же требуют отдельной расшифровки.

При всех высказанных выше замечаниях необходимо еще раз выразить удовлетворенность тем, что именные системы атлантической семьи языков удостоились такой актуальной и всеобъемлющей книги, вносящей ценный вклад как в африканистику, так и в общее языкознание, иллюстрирующей типологически редкие явления в доступной форме и делающей доступными данные по малым языкам Африки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Виноградов 1997 — Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания. Именные категории. М.: Аспект-пресс, 1997. [Vinogradov V. A. (ed.). *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija. Imennye kategorii* [Fundamentals of African linguistics. Nominal categories]. Moscow: Aspekt-press, 1997.]
- Коваль 1997 — Коваль А. И. Именные категории в пулар-фульфульде // Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания. Именные категории. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 92—220. [Koval' A. I. Nominal categories in Fula. *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija. Imennye kategorii*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Aspekt-press, 1997. Pp. 92—220.]
- Коваль 2003 — Коваль А. И. Контрастивность как морфологическая категория пулар-фульфульде // Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 357—459. [Koval' A. I. Contrastivity as a morphological category in Fula. *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija. Glagol*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., Russian Academy of Sciences, 2003. Pp. 357—459.]
- Коваль 2010 — Коваль А. И. Согласование в именной группе пулар-фульфульде // Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 211—384. [Koval' A. I. Agreement in the noun phrase in Fula. *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija. Sintaksis imennykh i glagol'nykh grupp*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Academia, 2010. Pp. 211—384.]
- Косогорова 2015 — Косогорова М. А. Особенности франкоязычных заимствований в язык пулар-фульфульде // Желтов А. Ю. (ред.). Африканский сборник-2015. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015. С. 450—465. [Kosogorova M. A. Characteristics of French loanwords in Fula. *Afrikanskii sbornik-2015*. Zheltov A. Yu. (ed.). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, 2015. Pp. 450—465.]
- Топорова 2008 — Топорова И. Н. Деривативная категория оценочности в системе именных классов в языках банту // Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia, 2008. С. 229—310. [Toporova I. N. A derivative category of evaluativity in the system of noun classes in the Bantu languages. *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija. Leksicheskie podsystemy. Slovoobrazovanie*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Academia, 2008. Pp. 229—310.]
- Чам 1984 — Чам Н. Именные категории в системе языка с именными классами (на материале волоф). Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1984. [Cham N. *Imennye kategorii v sisteme yazyka s imennymi klassami (na materiale volof)*. Kand. dis. [Nominal categories in the system of a language with noun classes (A case study of Wolof). Cand. dis.]. Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1984.]

³ Правила доступны по адресу: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>.

- Aikhenvald 2003 — Aikhenvald A. Y. *Classifiers: A typology of noun classification devices*. New York: Oxford Univ. Press, 2003.
- Arnott 1970 — Arnott D. W. *The nominal and verbal systems of Fula*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Breedveld 1995 — Breedveld J. O. *Form and meaning in Fulfulde: A morphophonological study of Maasinankoore*. Leiden: Research School CNWS, 1995.
- Corbett 1991 — Corbett G. *Gender*. New York: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Corbett 2006 — Corbett G. *Agreement*. New York: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Dièye 2011 — Dièye E. H. *Description d'une langue cangin du Sénégal: Le laalaa (léhar)*. Thèse de doctorat. Dakar/Paris: UCAD-IFAN/INALCO, 2011.
- Greenberg 1978 — Greenberg J. How does a language acquire gender markers? *Universals of human language. Vol. 3: Word structure*. Greenberg J., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. (eds.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. Pp. 47—82.
- Hawkins 1978 — Hawkins J. A. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm, 1978.
- Lopis-Sylla 2010a — Lopis-Sylla J. *Phonologie et système nominal du noon*. Dakar: UCAD-IFAN, 2010.
- Lopis-Sylla 2010b — Lopis-Sylla J. *La langue noon*. Dakar: UCAD-IFAN, 2010.
- Manessy 1967 — Manessy G. (éd.) *La classification nominale dans les langues négro-africaines*. Paris: CNRS, 1967.
- Meihe, Winkelmann 2007 — Meihe G., Winkelmann K. (eds.). *Noun class systems in Gur Languages*. Berlin: Rüdiger Köppe, 2007.
- Meinhof 1906 — Meinhof C. *Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen*. Berlin: Reimer, 1906.
- Paradis 1986 — Paradis C. *Phonologie et morphologie lexicales: Les classes nominales en peul (fula)*. Thèse de doctorat (Ph. D.). Montréal: Université de Montréal, 1986.
- Sauvageot 1967 — Sauvageot S. *Note sur la classification nominale en baïnouk*. Paris: CNRS, 1967.
- Thiam 1987 — Thiam N. *Les catégories nominales en Wolof: Aspects sémantiques*. Dakar: Centre de Linguistique Appliquée de Dakar, 1987.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи

1. Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы языкознания», должны следовать публикационным правилам. См. на сайте раздел о публикационной этике.
2. Рукопись предоставляется в электронном виде в форматах DOC и PDF по адресу: vorposy@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты и иллюстрации, если таковые использовались.
3. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати).
4. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
5. Текст и метаданные рукописи не должны содержать информации об авторе (в том числе при цитировании внутри текста, в виде ссылок на грант и благодарностей; последние при необходимости могут быть присланы в отдельном файле).
6. Принимаются рукописи на русском или английском языке; текст должен соответствовать письменным нормам и при необходимости должен быть вычитан носителем.
7. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются, равно как и материалы, не соответствующие тематике журнала и правилам оформления статей.

8. При поступлении рецензии редакция может запросить экземпляр рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Порядок рецензирования рукописей

1. Все поступающие в редакцию материалы отбираются на основе анонимного независимого внутреннего рецензирования и решения редколлегии журнала.
2. Поступающие материалы, в случае их соответствия тематике журнала, рассматриваются в течение трех месяцев с момента подачи. Авторы уведомляются о сроках рецензирования и времени проведения ближайшего заседания редколлегии.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Редколлегия выносит решение: одобрить или отказать, доработать или переработать с учетом замечаний, сделанных рецензентами. Решение редакционной коллегии и отзывы рецензентов направляются автору в электронном виде.
5. Если было принято решение доработать или переработать материал, то статья с исправлениями повторно посылается рецензентам и принимается к печати при условии учета отмеченных недостатков.
6. Принятые материалы публикуются в течение полугода с момента решения редколлегии журнала.
7. После публикации редакция посылает авторам электронные отгиски их статей.

Основные правила

оформления текста статьи смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 27.04.2017 Дата выхода в свет 23.06.2017
Формат 70×100%. Цифровая печать Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,3 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0 Тираж 415 экз. Зак. 371
Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
У ч р е д и т е л ь: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6